

*Структура
имени собственного*

Фонология и морфология

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Москва 1969

(ФИЛОСОФИЯ И ФИЛОЛОГИЯ)

*

*Структура
и функции собственного*

А. В. СУПЕРАНСКАЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

В книге дается обобщение опыта советских и зарубежных специалистов в области внутреннего строения имен собственных (личные имена, фамилии, географические названия).

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

доктор филологических наук

А. А. РЕФОРМАТСКИЙ

ВВЕДЕНИЕ

Необходимость выделения в качестве особой темы вопросов, связанных с фонологическим и морфологическим аспектами собственных имен, возникает по ряду причин. Прежде всего отметим неизученность проблемы: она не ставится ни в специальных ономастических исследованиях, где основное внимание уделяется описаниям частных явлений, ни в общих работах по фонетике, лексике, грамматике того или иного языка, где обычно довольно полно бывает освещена лексика нарицательная, а собственные имена, если и приводятся, то лишь вскользь. При этом, разумеется, упоминаются лишь случайные разрозненные факты, справедливые для традиционных имен, но не для рядовых, в то время как для выяснения типичных закономерностей необходимо фронтальное обследование, а оно показывает, что собственные имена ведут себя в ряде отношений иначе, нежели нарицательные. Например, *Перловка* и *Перловская*, *Мамонтовка* и *Мамонтовская* оказываются двумя вариантами названий одних и тех же железнодорожных станций, причем такими, которых говорящие не замечают, считая, что это одно и то же, в то время как нарицательное *перловка* (= перловая крупа) не может быть заменено без всякого изменения информации, которую оно несет, прилагательным *перловская*. Наричательное *лось* склоняется *лося*, *лосю*..., но люди, живущие в поселке *Лось* едут до *Лоси*, подъезжают к *Лоси*. Одно и то же иноязычное имя может передаваться по-русски *Труман*, *Трумэн*, *Трумен*, и ни у кого не вызывает сомнения, что оно обозначает одно и то же лицо, в то время как нарицательные, имеющие разные гласные в основе как правило обозначают в русском языке разные вещи: *сэр* (господин), *сер* (серый).

Отсутствие систематического описания собственных имен, равно как и строгих правил их употребления, привело к тому, что в этой области существует лишь узус, выработавший определенные традиции. Однако традиции эти преходящи. И ударение, и склонение, и родовая принадлежность, и структура собственных имен

менялись с течением времени в зависимости как от чисто языковых причин, так и от определенных «мод» или направлений в общественном восприятии отдельных групп имен.

В лингвистических описаниях имена собственные игнорируют потому, что считают их влияние на развитие языка несущественным, отмечая их этимологическую и типологическую пестроту и знакомство каждого члена языкового коллектива лишь с небольшим числом хорошо ему известных имен. Разобщенность собственных имен от человека к человеку, от специалиста к специалисту, от местности к местности создает иллюзию, что собственные имена — это ничтожно малая часть лексики, что справедливо только для одного индивидуума, а не для языкового коллектива в целом. Общее количество собственных имен на земном шаре исчисляется миллиардами, при этом нередко одно и то же имя существует в нескольких вариантах, что еще более увеличивает общее количество онома и их удельный вес в языке.

Лингвистически собственные имена могут подчиняться общим закономерностям, выводимым на основе наблюдений над именами нарицательными, а могут и сами оказывать определенное влияние на нарицательные и, в частности, на их произношение и написание. В связи с этим собственные имена оказываются важным фактором, способным влиять на эволюцию языка, и не учитывать это — значит не учитывать ряд объективных причин, определяющих языковые изменения.

Международность собственных имен существенно отличает их от имен нарицательных, из которых даже самые международные носят яркий национальный характер. Собственные имена легче и чаще, чем нарицательные, переходят из одного языка в другой. Значительная доля собственных имен любого языка — заимствования, так или иначе им адаптированные, что вообще стирает национальные границы и делает языковые ограничения при анализе происхождения, употребления и строения собственных имен неактуальными. Кроме того, существует ряд универсалий, свойственных собственным именам, независимо от языка. К их числу, помимо мотивировки и первичного значения основ, относятся также взаимосвязь компонентов имен, типы моделей имен, стремление осмыслить непонятное и отмежеваться от неблагозвучного.

В связи с этим материал данного исследования не был ограничен одним каким-либо языком или группой языков. Здесь рассматриваются факты литературных языков и диалектов, приводятся примеры из региональной и глобальной ономастики. Чаще всего описывается материал современного русского литературного языка, но многое, показанное на русских примерах, справедливо и для ряда других языков.

Фонологические моменты в ономастике проявляются при сопоставлении похожих имен, при установлении их написания, при

Результат

транскрибировании иноязычных имен, при идентификации имен разных языков и диалектов, а также при этимологических исследованиях в области ономастики. При этом фонологический аспект часто бывает теснейшим образом связан с морфологическим. Так, решая практические прикладные вопросы, связанные с написанием или транскрипцией собственного имени, мы подходим к нему не только с точки зрения правильного отражения на письме фонем, но и стремимся к единообразному написанию определенных морфем (если только фонетические позиционные чередования не изменили отдельные элементы морфем настолько, что те превратились в особые фонемы, вследствие чего морфема стала выступать в двух или нескольких алломорфах).

При этимологических исследованиях проводится тот же самый фонемно-морфемный анализ, только в историческом плане, с учетом иной сопоставленности или противопоставленности фонем в предыдущие эпохи.

Морфологические моменты в ономастике проявляются различным образом. Прежде всего на каждом синхронном срезе можно говорить о словоизменительной и словообразовательной морфологии¹. Каждая из них в значительной степени автономна. Так, склонять ли чешскую фамилию *Vahek* на русском языке как *Вахка* или *Вахека* — сфера словоизменительной морфологии русского языка. Передавать ли фамилию его жены как *Vahek*, *Вахекова* или *Вахкова* — дело словообразовательной морфологии русского языка, которая может ориентироваться как на чешское, так и на русское словообразование.

Вскрывая словообразовательную морфологию предыдущих эпох, мы сталкиваемся с фактами, не имеющими морфологического значения в настоящее время и относящимися скорее к области этимологии. Но эта этимология — не что иное, как факты словообразовательной морфологии прошлого. Такова историческая морфология современного испанского названия *Saragossa* < *Цесареа Августа* или французского имени *Луи* < герм. *Людвиг*, ст.-фр. *Хлодовео*.

Историческая морфология не равнозначна этимологии слов в том плане, в каком изучают этимологи происхождение слов и их основ. Она не занимается рассмотрением значения того или иного корня или основы в ту или иную эпоху, а вскрывает соотношение частей слова, кажущегося теперь простым или производным, и не бывшим таковым в момент образования, обнаруживает структуры прошлого, объясняя формы морфем, входящих в состав неразложимого или иначе разлагаемого на современном этапе развития языка слова.

Словообразовательная морфология соприкасается с семантической морфологией, о которой, в частности, пишет Е. В. Гу-

¹ См.: Н. А. Янко - Триницкая. Закономерность связей словообразовательного и лексического значений в производных словах: «Развитие современного русского языка». М., 1963, стр. 83.

лыга². Именно благодаря семантической морфологии слово *спутник* в вин. ед. имеет форму *спутника* (о человеке) и *спутник* (о неодушевленном предмете). К семантической морфологии может быть отнесено и деление имен на мелиоративные и пейоративные³, поскольку от значения и назначения имени зависит и состав его морфем, и модель, по которой оно образуется.

В противоположность семантической можно выделить структурную (формальную) морфологию, фиксирующую определенные формы, независимо от связанных с ними значений.

Предлагаемая работа посвящается главным образом словообразовательной и отчасти семантической и структурной морфологии. В ней рассматриваются основы собственных имен и модели, по которым эти основы соединяются друг с другом, а также различного рода варьирования собственных имен. В работе сознательно принят термин словообразовательная морфология, а не словообразование, потому что под словообразованием автор понимает живой продуктивный процесс, а значительное количество собственных имен было образовано в предыдущие эпохи в различных языках по моделям, тогда им свойственным, в настоящее же время можно лишь вскрывать эти механизмы и, за редкими исключениями, нельзя вновь ими пользоваться. Проблемы транскрипции собственных имен специально не рассматриваются, но поскольку в результате того или иного, удачного или неудачного транскрибирования получают варианты, обладающие определенной морфологической структурой, вопросы транскрибирования присутствуют здесь как бы на втором плане.

В задачу работы не входит семантический анализ имен — соотношение имени собственного как слова с понятием и степень его аутосемантии или синсемантии. Здесь постулируется, что каждый раз известно, какого типа имена рассматриваются, и выделение собственного имени из ряда других слов не требуется⁴. Однако вскрывать лексическое значение компонентов имени необходимо, потому что, не зная, что имеешь дело с такой-то лексемой в такой-то форме, нельзя быть уверенным в правильности морфологического анализа.

² Е. В. Гулыга. Аутосемантия и синсемантия как признаки смысловой структуры слова. «Филологические науки», 1967, № 2, стр. 63.

³ «Мелиоративный, возвеличительный — слово, предназначенное для того, чтобы представить высказываемое в благоприятном свете, в противоположность уничижительному; уничижительный, пейоративный (детериоратив) — выражение, имеющее целью представить понятие в неблагоприятном свете» (Ж. Марузо. Словарь лингвистических терминов. М., 1960).

⁴ А. В. Суперанская. Заимствование слов и практическая транскрипция. М., 1962, стр. 10—14.

Не разбирается в книге и словоизменительная морфология, потому что она индивидуальна для каждого языка и в общем согласуется с его нормами. На русском материале различные случаи склоняемости и несклоняемости собственных имен были рассмотрены ранее в специальной статье ⁵.

Работа в том плане, в каком она задумана, оказалась бы невозможной, если бы не было выполнено множество частных ономастических исследований, своеобразный итог которым здесь подводится.

Сопоставление мало похожих, на первый взгляд мелких и локально ограниченных данных, позволяет сделать обобщения, недоступные для одного исследователя, работающего в какой-либо одной области ономастики. Ссылки на работы советских и зарубежных ономатологов приводятся по возможности полно ⁶. Кроме этого, было специально проанализировано несколько выборок имен различных типов:

1. Личные имена, употребляющиеся в Севском р-не Брянской области, собранные и расклассифицированные учительницей и краеведом Ольгой Андреевной Славяниной, любезно предоставившей их автору.

2. Список личных имен в официально принятой и сокращенной форме, употребляющихся в Европе, составленный автором на основе православных и католических святцев и различных исследований по ономастике.

3. Картотека фамилий жителей г. Москвы, составленная автором на основе телефонных книг г. Москвы с добавлением материала из газет и журналов.

4. Список нестандартных фамилий, составленный энтузиастом-ониматологом сотрудником Ленинградского ЗАГС'а А. В. Сусловой по материалам газет и «Бюллетеня Министерства высшего и среднего специального образования СССР» по просьбе автора.

⁵ А. В. Суперанская. Склонение собственных имен в современном русском языке. «Орфография собственных имен». М., 1965.

⁶ В моей книге «Ударение в собственных именах» (М., 1966) были сознательно приняты формы *аппелятив*, *форманта*. Здесь делаются некоторые отступления. Принимается написание *апеллятив*, поскольку в лингвистической практике пишут то два *п*, то два *л*, ср. фр. *appellatif*, ит. *appellativo*, англ. *appellative*, ср. также военно-спортивный термин *аппель* и юридический *апелляция*. Чтобы избежать ненужных удвоений, здесь принимается написание с одним *п* и *л*. А. А. Реформатский вслед за С. О. Карцевским употребляет *форманта*. Однако всеобщая ономастическая практика складывается в пользу мужского рода термина, и в этой работе слово *формант* употребляется в мужском роде. Автор не отказывается от принятого в книге об удареии написания *дими́нутив*, согласующегося с англ. *diminutive*, фр. *diminutif*, *diminution*, ит. *diminutivo*, хотя в славистических работах принято писать *деминутив* (Т. Витковский, Я. Свобода). Последнее согласуется с новолатинским *diminuo* — уменьшать, убавлять, *diminutivum* — уменьшительное слово. Форма с *i* также включается в латинские словари, но от нее делается отсылка к формам с *e*.

5. Картотека современной и исторической топонимии Крыма, составленная автором по материалам, хранящимся в Историческом музее г. Москвы и любезно предоставленным для ознакомления научным сотрудником музея М. И. Наврот, которая также помогала датировать старинные и малоизвестные карты.

6. Картотека наиболее известных и наиболее часто употребляющихся топонимов, отечественных и зарубежных, с вариантами, в которых они употреблялись с начала XX в. до наших дней, составленная автором по словарям географических названий П. Перова, И. И. Огиенко, М. Б. Волостновой, К. И. Былинского и М. С. Бодварского.

Автор приносит глубокую благодарность М. И. Наврот, О. А. Славяниной и А. В. Сусловой за предоставление материалов и ценные консультации.

ГЛАВА I

ФОНОЛОГИЧЕСКОЕ И МОРФОЛОГИЧЕСКОЕ В ОНОМАСТИКЕ

Чтобы понять специфику фонологии и морфологии собственных имен, необходимо хотя бы в самых общих чертах остановиться на их отличиях от нарицательных. Прежде всего следует отметить, что, если тот или иной предмет имеет имя нарицательное, он отнюдь не обязательно имеет еще и собственное имя. Если же известно, что у данного предмета есть собственное имя, у него обязательно есть и нарицательное. Таким образом, собственное имя — это вторичное название данного предмета, дополняющее и уточняющее первичное, нарицательное, и служащее для различения известных подобных предметов друг от друга. Усвоение собственных имен опирается не столько на ассоциации, сколько на запоминание. Очевидно, в этой вторичности и кроется причина того, что некоторые ученые (Ж. Вандриес)¹ отказываются безоговорочно относить собственные имена к словарному составу языка.

Собственные имена могут быть по-настоящему восприняты и поняты лишь в соотнесенности с теми субъектами или объектами, которые они называют. Для восприятия нарицательных имен такая строгая конкретизация не нужна. Собственные имена — слова особые, употребляющиеся в особой сфере и в особой функции². Они больше, нежели имена нарицательные, зависят от экстралингвистических фактов, в связи с чем регулируются не всецело законами языка, но и некоторыми социальными, юридическими и историческими закономерностями. Это же позволяет им в ряде случаев не реагировать или выборочно реагировать на некоторые нововведения в области языка, например на орфографические реформы. Обслуживая одновременно язык с его нормами и общество с его вкусами, собственные имена входят и не входят

¹ См.: Ж. В а н д р и е с. Язык. Лингвистическое введение в историю. М., 1937, стр. 179.

² См. об этом: А. А. Р е ф о р м а т с к и й. Топономастика как лингвистический факт. «Топономастика и транскрипция». М., 1964, стр. 9—34.

в словарный состав языка, подчиняются и не подчиняются его законам³.

С этим положением связано еще одно отличие собственных имен от нарицательных: фонемный состав нарицательных имен более четкий и строгий, чем состав имен собственных. Наричательные имена могут отличаться друг от друга лишь одной фонемой, как, например, *тиф* и *тип*, *кот* и *код*, *мы* и *ми*. Такие случаи, как *шкаф* и *шкан*, когда два дублета, пришедшие в русский язык различными путями, совпали в одном значении, — большая редкость. Варьирование фонемного состава нарицательного — явление не типичное, а чередования фонем допустимы лишь в строго определенных рамках. Если бы фонемный состав нарицательных не был так тверд, затруднена была бы и реализация связи нарицательных с понятиями: строго очерченное понятие должно иметь строго определенное звуковое обозначение, а строгий фонемный состав имеет в свою очередь право на строгую орфографическую регламентацию.

Как раз наоборот обстоит дело с собственными именами: не имеющие столь тесной связи с понятием, закрепленные за отдельными субъектами или объектами, они могут варьировать и фонетически, и акцентологически, и морфологически, и даже лексически в очень широком диапазоне.

Поскольку собственные имена принадлежат к международной лексике и переходят из языка в язык и из диалекта в диалект в той же или почти в той же материальной форме, в какой они употребляются в породившем их языке или диалекте, этимологический состав собственных имен любого языка чрезвычайно пестр. Помимо современных форм собственных имен, в любом языке отмечаются также и имена предыдущих эпох. В каком бы языке имя ни употреблялось, всякий раз оно будет фактом этого языка, причем имена как факты данного языка могут быть в различной степени освоены этим языком⁴.

Переходя из одного языка в другой, заимствованное слово, и в том числе имя собственное, стремится найти свое место в системе языка-приемника, для чего ему необходимо получить наиболее подходящее фонетическое и орфографическое изображение. При этом происходят многочисленные морфологические переработки, ассоциации и диссоциации, продиктованные спецификой заимствующего языка. Очень часто заимствованное слово не сразу обретает искомую форму. Ей могут предшествовать различные промежуточные варианты звучания и написания.

Имена собственные сложились как необходимый инвентарь на базе словарного состава языка и являются полноправными

³ Подробнее см.: А. В. Суперанская. Ударение в собственных именах в современном русском языке. М., 1966, стр. 26.

⁴ Там же, стр. 26.

словами, но словами с особым назначением и с особой специфической функцией, что и отличает их от имен нарицательных. В связи с тем, что они не переводятся (за редким исключением), а заимствуются из одного языка в другой, они относятся к международной лексике и принадлежат одновременно многим языкам, хотя каждое имя возникло на основе одного какого-нибудь языка. Таким образом, изучение имен собственных как правило тесно связано с проблемой заимствования слов и, шире, с проблемой взаимодействия языков. } 2а

Анализ собственных имен возможен в разных планах и на разных уровнях: от первоначального фонетического через фонематический и морфологический до лексического и даже синтаксического. Перечисленные уровни обследованы не в одинаковой степени. Объясняется это опять-таки спецификой собственных имен: они не выделяются ни на фонетическом, ни на фонематическом, ни даже на морфологическом уровне. В потоке речи звуки, составляющие имя собственное, едва ли чем отличаются от звуков, составляющих имя нарицательное. Даже необычные для данного языка сочетания звуков еще не свидетельствуют о том, что это имя собственное. Это может быть с равным успехом заимствованное нарицательное или аббревиатура своего языка.

Все перечисленное касается и уровня фонем. Добавим лишь, что значимость (valeur) фонем⁵ у собственных имен несколько ниже, чем у имен нарицательных (см. об этом дальше).

На морфологическом уровне также не происходит еще выделения собственных имен, хотя морфемы дают значительно более широкий диапазон противопоставления собственных и нарицательных имен. Прежде всего есть немало служебных морфем, чаще всего употребляющихся в собственных именах. Далее, есть немало корневых морфем, лексическое значение которых в современном языке не прослеживается, и тем не менее они выделяются как самостоятельные морфемы, что в именах нарицательных — большая редкость. Возвращаясь к «спору о буженине»⁶, к слову с неясной корневой морфемой, отметим, что в очень многих собственных именах корень столь же неясен, как в слове буженина, но он выделяется и может быть без труда назван благодаря тому, что входит в определенный сопоставительный (словообразователь-

⁵ В терминологии Н. А. Слюсаревой — *ценность* (см.: Н. А. С л ю с а р е в а. Теория ценности единиц языка и проблема смысла. — Материалы к конференции «Язык как знаковая система особого рода». М., 1967, стр. 64).

⁶ Г. О. В и н о к у р. Заметки по русскому словообразованию. «Изв. АН СССР», ОЛЯ, 1946, т. V, вып. 4; А. И. С м и р н и ц к и й. Некоторые замечания о принципах морфологического анализа основ. «Доклады и сообщения филол. ф-та МГУ», 1948, вып. 5; А. А. Р е ф о р м а т с к и й. Агглютинация и фузия как две тенденции грамматического строения слова. «Морфологическая типология и проблема классификации языков». М.—Л., 1964, стр. 74 и сл.; К. А. Л е в к о в с к а я. О понятии производности основ. «Вопросы составления описательных грамматик». М., 1961. стр. 173—174.

ный) ряд. Как отмечает В. А. Никонов, слово возникает лишь на пересечении рядов (в плане семантическом или формальном). Этимология — не что иное, как отыскание этих координат⁷. При утрате ряда сознание говорящих стремится восполнить образовавшийся разрыв, подыскивая слову ряд, хотя бы и мнимый. Так рождаются «наивные этимологии».

А. А. Реформатский⁸ называет корневой элемент в слове *кон* ²-ина — корнем, радикасом: R, а в слове *бужен* ²-ина — потенциальным корнем, радикасоидом (R). Если придерживаться этой теории, то в большинстве собственных имен мы имеем дело только с радикасоидами, нарицательное значение которых не прослеживается в данном языке или вообще в известных нам языках. А раз непонятно значение радикасоида, он может являться в нескольких вариантах, каждый из которых будет своеобразным поиском места имени в ряду.

В именах собственных очень много непонятного с точки зрения современного языка, в связи с чем они являются богатым источником народной этимологии. В. А. Богородицкий отмечал морфологизацию и семасиологизацию в народной этимологии, в частности в случаях переделки иностранных фамилий на русский лад: венг. *Калаш* — *Калашёв* — *Калачёв*, ит. *Чичери* — *Чичерин*, англ. *Гамильтон* — *Гамантов* — *Гаматов* — *Хомутов*⁹. Эти факты народной (ложной)¹⁰ этимологии говорят о том, что человек всегда, сознательно или бессознательно, ищет значение имени собственного, пытается истолковать его так, чтобы непонятное, чужезычное или устаревшее слово своего языка стало понятным и доходчивым, а вместе с тем легче запоминающимся.

Выявление собственного имени и его отличий от нарицательного происходит лишь на уровне целого слова. Вот почему в работах по ономастике более низкие уровни не всегда учитываются, а следовательно, не анализируются и те элементы, из которых

⁷ В. А. Никонов. Поиски системы. «Этимология». М., 1963, стр. 218.

⁸ А. А. Реформатский. Что такое структурализм. — ВЯ, 1957, № 6, стр. 34.

⁹ См.: В. А. Богородицкий. Лекции по общему языковедению. Казань, 1915, стр. 167.

¹⁰ Читателей, настаивающих на термине ложная этимология и на запрете термина народная этимология, отсылаю к полемике Ю. А. Карпенко с В. А. Никоновым, см.: Ю. О. Карпенко. Топоніміка і її місце в лексичному складі мови (лекція). До V Міжнародного з'їзду славістів. Чернівці, 1962, стр. 10—11. — По мнению В. Кипарского, в научной этимологии соотношение истинности — ложности 50% к 50% (доклад в Ин-те русского языка АН СССР, декабрь 1967). И в народной этимологии может быть истинность, но соотношение истинности — ложности в ней иное. Н. В. Подольская оценивает его как 5% к 95%. Ф. Л. Атли считает народную этимологию достойной изучения, но не в ономастике, а в фольклористике (F. L. Utley. The linguistic component of onomastics. «Names», 1963, v. 11, № 3, стр. 154).

строятся имена, и основная масса исследований посвящается именам собственным как словам ¹¹.

Поскольку фонемный состав большинства заимствованных слов определяется в ряде языков, и в частности в русском, тем, как они произносятся и как пишутся, очевидно, что соотношенность звук : фонема : буква у заимствованных и у исконных слов данного языка различна. В словах исконных к определенному фонемному составу была в свое время приспособлена более или менее приемлемая орфограмма, причем в русском языке, где сильно развита фузия, меняющая облик морфем на их стыках, большое внимание обращалось на единство в написании морфем ¹². Когда по каким-либо причинам эта орфограмма перестает удовлетворять, производится орфографическая реформа, и все слова, содержащие фонему <т>, начинают писаться с графемой *т*.

В словах заимствованных, в зависимости от времени и пути заимствования, одна и та же иностранная фонема <т> может изображаться графемой *t*, *d*, *z* или их сочетаниями и, следовательно, соотноситься с русскими фонемами <т>, <д>, <з> или их сочетаниями. При современных заимствованиях иностранная фонема <т> обычно переводится в русскую фонему <т> и потом получает изображение с помощью буквы *т*. Реже бывает наоборот: иностранная буква *t* передается с помощью русской буквы *т* и потом осознается как фонема <т>. Если слово заимствуется дважды и записывается в соответствии с разными правилами, получаются дублиеты (*нейрит* — *неврит*) нарицательных имен или варианты (*Труман* — *Трумен* — *Трумэн*) собственных.

Применительно к нарицательным именам обычно говорят о дублиетах, а к собственным — о вариантах опять таки из-за различий в значении. Там, где заимствованное разными путями слово обретает разные значения — это **э т и м о л о г и ч е с к и е** д у б л е т ы. Там же, где значение одно и то же, — это **ф о н е м а т и ч е с к и е**, **о р ф о г р а ф и ч е с к и е**, **ф о н е т и ч е с к и е** и т. п. в а р и а н т ы. Очевидно, к подобным же вариантам следует отнести такие русские орфографические и фонематические дублиеты, как *шкаф* и *шкан*, *кади* и *кадий*, *неврит* и *нейрит*, *эвфония* и *эйфония*, *амброзия* и *амерозия* и т. д. ¹³ Разница в том, что нари-

¹¹ Было бы ошибочным вовсе отрицать наличие работ, посвященных изучению отдельных элементов, из которых состоят собственные имена. В. А. Никонов, А. К. Матвеев и их ученики занимаются статистикой фонем в топонимах разных языков и территорий; Г. Сафаревич, М. Карась, С. Роспопд в Польше, как и В. Михайлович в Югославии, прослеживают ареалы отдельных топонимических моделей и формантов. Но всего этого еще очень мало по сравнению с общим объемом необследованного материала.

¹² См.: А. А. Реформатский. Агглютинация и фузия как две тенденции грамматического строения слова, стр. 74 и сл.

¹³ Многочисленные примеры и их классификацию см.: А. В. Супера-нска я. Написание заимствованных слсв в современном русском языке. «Проблемы современного русского правописания». М., 1964, стр. 84—92.—

пательные имена с дублетным написанием и произношением, единичные на фоне варьирующего написания и более или менее единообразного произношения слов в литературном языке, стремятся к его унификации. Вторые и третьи варианты их постепенно либо переходят на положение стилистически и семантически значимых (*ноль* — *нуль*), либо уходят в прошлое. Варьирование же собственных имен бесконечно и многообразно.

А. Мартине выделяет м о н е м ы, т. е. возможные звуки языка, составляющие открытый список, и ф о н е м ы, составляющие закрытый список, поскольку число их в каждом языке ограничено, а в диалектах одного и того же языка может быть различно. Так, в кастильском испанском 24 фонемы, а в испанском языке Америки — только 22. Вариант французского языка, которому обучают иностранцев, содержит 34 фонемы, а многие парижане, родившиеся после 1940 г., используют систему из 31 фонемы¹⁴. На лингвистическую значимость фонем не влияют варьирования контекста. Без фонем невозможно функционирование любого языка¹⁵. «Каждому различию значения непременно соответствует различие форм»¹⁶. Однако это последнее высказывание справедливо главным образом для имен нарицательных, для которых верно и обратное: каждое различие форм свидетельствует о различном значении, и даже такие, казалось бы, незначащие различия, как *снег* и *снеу* или р. мн. *апельсин* и *апельсинов*, могут иметь стилистическое значение, характеризую говорящего. В собственных же именах нередко дело обстоит по-другому: различие форм может и не сопровождаться различием значения. Кроме того, в отличие от имен нарицательных, собственные имена (особенно недавно заимствованные), могут и не укладываться в фонологическую систему данного языка¹⁷, в связи с чем в ряде языков (и в том числе и русском) для собственных имен, как и для заимствованных слов, допускается некоторое расширение звучаний, остающееся за пределами его основной фонологической системы, почему в собственных именах монемы иногда оказываются важнее фонем.

Этот выход за рамки фонологической системы данного языка может быть большим или меньшим в зависимости от различных исторических и лингвистических причин. Например, в заимство-

Ср. также различные мнения по поводу синонимов и дублетов, представленные в сб. «Лексическая синонимия» (М., 1967).

¹⁴ А. Martinet. *Éléments de linguistique générale*. Paris, 1960, стр. 24—25.

¹⁵ Там же, стр. 29.

¹⁶ Там же, стр. 42.

¹⁷ Поскольку определение сущности фонем не входит в данную работу, в дальнейшем будем исходить из положений Московской фонологической школы. Варианты и вариации фонем будем называть аллофонами, равно как варианты морфем — алломорфами.

ваниях из французского немецкий язык допускает носовые гласные, русский — гласные типа [õ], а английский развил согласный [ɫ], относительно которого ведутся споры, стал ли он самостоятельной фонемой английского языка. Языки народов Средней Азии в заимствованиях из русского языка допускают согласные [ɸ], [ɟ], [ʃ], которых нет в национальных фонологических системах, русский же язык сам получил фонему <ɸ> вместе с заимствованиями из иностранных (и в первую очередь греческого) языков, после того как [ɸ] как глухой вариант [β] стал возможен в словах собственно русских (после падения редуцированных ъ, ь). Таким образом, заимствованные слова и собственные имена, расширяя звуковой состав данного языка, способствуют и увеличению числа его фонем.

Однако роль собственных имен и заимствованных нарицательных здесь не вполне одинакова. Наричательные скорее укладываются в фонологическую «сетку» данного языка, собственные дольше сохраняют свою индивидуальность, в том числе и звуковую. Так, например, заимствованные в конце XVIII — начале XIX в. из французского языка в русский слова *портфель*, *фётр*, *ришельё* с необычным для русского языка [œ] очень скоро превратились в *фётр*, *портфёл*, *ришельё*, и лишь немногие лица, подчеркивающие иноязычное происхождение этих слов, произносят в них [œ]¹⁸. Заимствованные тогда же или раньше имена собственные *Гёте*, *Ришельё*, *Мальмё* сохраняют [œ] в речи большинства образованных людей.

М. Я. Гловинская¹⁹ на основе экспериментальных данных доказывает существование в русском языке фонологической подсистемы для редких слов, к которым можно отнести и собственные имена. Эта подсистема отражает, по ее мнению, фонетическую картину основной системы. Аналогичные сведения приводят Ч. Фриз и К. Пайк, выделяя у лиц, владеющих лишь одним языком (мазатеко), более чем одну фонематическую систему (заимствования из испанского языка, об иноязычном происхождении которых говорящие не догадываются)²⁰. Е. Гендерсон в сиамском языке находит 10 фрагментарных систем²¹. Называть ли указанные явления фонологической подсистемой или считать нефонологизованными вариантами определенных фонем — вопрос терминологический, обсуждением которого едва ли следует здесь заниматься.

¹⁸ Ср.: Н. И. Толстой. Заметки о славянских именах собственных и их транскрипции. «Топонимастика и транскрипция». М., 1964, стр. 120.

¹⁹ М. Я. Гловинская. Фонологическая подсистема редких слов в современном русском языке на материале заимствований (канд. дисс.). М., 1966.

²⁰ Ch. C. Fries, K. L. Pike. Coexistent phonemic systems. «Language», Baltimore, 1949, v. 25, № 1, стр. 29, 31.

²¹ Eugénie J. A. Henderson. The phonology of Loanwords in some south-east Asian languages. «Transactions of the Philological society». Oxford, 1951, стр. 131—158.

Важно одно, что заимствованные слова и в первую очередь собственные имена не укладываются как правило в параметры заимствующего языка и что они способствуют расширению фонологической системы, будь то пополнение репертуара фонем или новые возможности их сочетаний, несвойственные словам исконным²².

Наличие нескольких подсистем нередко отражает различные диахронические срезы: время проникновения в данный язык или ассимиляции в нем слов того или иного языка, относящихся к той или иной сфере лексики. Подробно рассматривающий второстепенные фонологические системы для русского языка Х. Кучера отмечает, что реализация в том или ином заимствованном слове основной системы вместо второстепенной свидетельствует о его ассимиляции в русском языке. Внутри одной и той же морфемы стараются избежать реализации разных систем (*шоссе, сонет, депо*)²³. Т. Милевский выделяет потенциальные фонемы, возможные в заимствованных словах²⁴.

Фонетика иноязычного слова — первое, к чему обычно обращаются при заимствовании собственных имен. Например, английское название Highgate надо прежде всего прочесть: [ˈhaɪɡɪt]. Но далее одной лишь фонетикой ограничиться нельзя. Передача *Хайгит*, довольно точная фонетически (для южноанглийского стандарта), затемняет фонематическую и морфологическую картину, мешая восприятию безударного звукового комплекса *gɪt* как *гейт* (при чтении под ударением). Фамилия Twaddell [twɒdl] может получить в русском языке множество написаний, в зависимости от того, как она будет интерпретирована — *Тводл, Туодл, Туодел, Тводделл, Тводел, Тводделл* и т. п.

При заимствовании собственных имен очень часто происходят фонетические подмены, при которых две и больше иноязычные фонемы заменяются одной фонемой заимствующего языка и, наоборот, одна и та же заимствованная фонема передается разными фонемами заимствующего языка. Например, тюркские и арабские *Ш* и *С* заменяются в русском языке единственной фонемой <к>, а русские твердое и мягкое <т> заменяются во французском языке единственной фонемой <t>.

В связи с этим в собственных именах нет столь четких противопоставлений одного имени другому, если они отличаются одной какой-либо фонемой, как это имеет место в нарицательных. Так,

²² Ср.: Н. А. Е с ь к о в а. О некоторых морфонологических явлениях современного русского языка (на материале образований с суффиксом *-ец* от географических названий с основой на задненёбные согласные). «Топономастика и транскрипция», стр. 65—81.

²³ Н. К у ч е р а. Inquiry into coexistent phonemic systems in slavic languages. «American contributions to the IV International congress of slavists (Moscow, september 1958). 's-Gravenhage, 1958, стр. 8—10.

²⁴ Т. М и л е в с к и. Derywacja fonologiczna. «Biuletyn polskiego towarzystwa językoznawczego», 1949, IX, стр. 42; ср.: Z. S t i e b e r. Na marginesie derywacji fonologicznej.— Ibid., 1950, X, стр. 72.

в заимствованных словах может игнорироваться противопоставление фонем по глухости — звонкости, даже если само по себе это качество фонематично в одном из взаимодействующих языков или в обоих: нем. *Dresden* [s] — русск. *Дрезден*, англ. *Higgins* [z] — русск. *Хиггинс*. Точно так же может игнорироваться твердость — мягкость: *Ливерпул* и *Ливерпуль* — одно и то же, хотя *мел* и *мель* — разные слова. Взрывность — фрикативность тоже оказывается не всегда различительной чертой: в тюркских заимствованиях варианты *кыр* и *хыр*, *кыз* и *хыз* могут относиться к одному и тому же. Ср. также подмены в заимствованиях: чешск. *Praha*, русск. *Прага*. Ср. русское варьирующее произношение слов *бога*, *благо*, *богатый* ²⁵. Место образования согласного звука также оказывается не столь существенным, если англ. [ð], [θ] передаются не только как *д*, *т*, но и как *з*, *с*. Ряд, подъем, лабиальность гласного нередко нарушаются при заимствовании, как может нарушаться и сингармонизм.

Значительно реже, чем в исконных словах, различие иноязычных слов опирается лишь на какую-нибудь одну гласную фонему. Чаще заимствованные слова отличаются друг от друга и от слов заимствующего языка целиком всем своим составом, всем набором гласных и согласных. Это ослабляет различительную роль отдельных фонем иностранных слов и делает возможным варьирование фонемного состава в заимствующем языке. В связи с этим, если два имени отличаются друг от друга одной-двумя фонемами, есть основание полагать, что это — варианты одного и того же имени, поскольку для собственных имен значимы не бинарные оппозиции, а групповые противопоставления гласных определенного ряда, степени подъема или лабиализации и согласных определенных типов. Так, англ. *Cambridge* ['keimbɹɪdʒ] может быть передано по-русски и *Кеймбридж* и *Кембридж*, *Water-Road* — и *Уотер-Род*, и *Уотер-Роуд*, и *Вотер-Род* и т. п. Дальше этой групповой, или типовой, оппозиции (противопоставления звукотипов или звукорядов) значимости фонем в собственных именах, за редким исключением, не идут. Объясняется это, видимо, различием происхождения нарицательных и собственных имен. Источники нарицательных имен любого языка многообразны, но в них всегда есть ядро этимологически близких друг другу, так называемых исконных слов. Источники собственных имен значительно разнообразнее, и подобного целостного ядра у них нет. Обычно в любом языке бывает несколько групп этимологически более или менее близких имен, взятых из разных систем, при этом не подряд, а выборочно, в связи с чем и фонематические оппозиции не могут реализоваться в них столь же строго, как в родном языке. Здесь противопо-

²⁵ А. А. Реформатский. «[ʏс']». — «Вопросы культуры речи», вып. VII. М., 1966; стр. 120; А. Б. Пеньковский. О некоторых закономерностях усвоения орфоэпических норм (з смычное и γ фрикативное). «Вопросы культуры речи», вып. VIII. М., 1967, стр. 61—72.

лагаются друг другу слова или морфемы целиком. Поэтому оформление заимствованных слов, и особенно собственных имен, должно преследовать прежде всего сходство морфем и слов, одинаковую запись одних и тех же морфем в составе разных слов, а не мнимую фонетическую близость, которая и не играет при этом столь важной роли.

Положение это не касается отдельных типов собственных имен родного языка, где возможны прямопротивоположные явления. Так, русские фамилии *Крайнев* и *Крайнов*, *Кочнев* и *Кочнов*, *Конев* и *Конов*, *Голев* и *Голов* отличаются друг от друга лишь одной фонемой, твердым или мягким конечным согласным основы, и тем не менее это — разные фамилии. Поскольку наиболее «своим» пластом собственных имен для русского языка оказываются фамилии, *value* фонем в них выше, чем в других типах ономастической лексики, особенно в личных именах, основная масса которых — заимствования.

Если в топонимии *Керман* = *Кермен* = *Кырмен* = *Кырман* и т. д., значит основная роль принадлежит здесь не фонемам, а морфемам в их каком-то общем виде. Если же в фамилиях англ. *Spencer* и *Spenser*, русск. *Чепраков* и *Чопраков*, *Борщев* и *Борщов* — разное, то основная роль принадлежит не фонемам, а буквам. Напомним, что *Вышний Волочок* и *Вышний Волочек* одно и то же. Следовательно, фонемам принадлежит значительная роль в топонимах данного языка. В заимствованных топонимах, как и в личных именах и заимствованных фамилиях, важнее морфема (в общем виде), в фамилиях данного языка важнее всего буква (в силу юридической стороны их функционирования).

При транскрибировании иноязычных имен еще не окончательно решен вопрос, что важнее: пофонемная передача со всеми свойственными ей вариантами фонем или стремление к единообразной передаче морфем во всех случаях. Такие названия, как сканд. *Стонефьюр*, *Флеккефьюр* при *Тронхеймсфьорд* или англ. *Alderman* — *Олдермен* при *Олдерманвилль*, *Фолл* и *Фолс* — *Fall* и *Falls*, когда слово 'водопады' *Falls* смешивается с *False* 'фальшивый' или *Лейк-оф-Бейс*, где неизвестно, что такое *Бейс*: *Bays* [z] 'заливы' или *Base* [s] 'основание', показывают, что пока что транскрибирующие ориентируются на передачу фонем, не думая о показе морфемного состава слова.

Поскольку практическая транскрипция, с помощью которой иноязычные собственные имена заимствуются в тот или иной язык, не предусматривает создания каких-либо новых фонологических единиц в языке-приемнике, фонемный состав собственных имен, заимствованных и своих, в общем один и тот же, и в дальнейшем обсуждении здесь этот вопрос не нуждается. Такой факт, как введение дополнительных (русских) букв в алфавиты языков некоторых народов СССР для передачи русских собственных имен, еще ничего не говорит об изменении фонемного состава националь-

ных языков. Лица, знающие русский язык, произносят русские собственные имена по-русски, а не знающие — подменяют в произношении русские буквы звуками своего языка, ср. вариант *Пурунза* фамилии *Фрунзе* в разговорной речи некоторых турков.

Подобно тому, как фонемный состав собственных имен индивидуален в каждом языке, а международно их звучание, морфология собственных имен индивидуальна в каждом языке, а международна их структура. Под структурой следует понимать прежде всего звуковой состав их: чередование гласных и согласных, открытые или закрытые слоги, однословность или многословность названий. Эта единая структура, если так можно выразиться, вписывается в морфологическую систему каждого языка своим особым индивидуальным образом: созвучные ей элементы морфологизируются, не меняясь, несозвучные могут сильно видоизмениться, приспособляясь к системе данного языка; могут получить наращения или, наоборот, быть сокращены, могут вовсе выпасть. Например, название населенного пункта *Бешев* воспринимается в русском языке в ряду других названий на *-ов*, *-ев*: *Кричев*, *Киев*, *Канев*, *Змиев*, *Борцов* и т. д., хотя для тюркских языков *Беш-Эв* 'пять домов', и *-ев* (при слитном написании) не имеет ничего общего с русским суфф. *-ов*. Ср. географическое название *Кунград* (*Кунграт*), которое по-русски даже пишут через *д* по созвучию с морфемой *-град*, хотя на самом деле это тюркское родо-племенное название, не имеющее отношения к слову 'город'.

При заимствовании иноязычное название включается в морфологическую систему языка-приемника, в связи с чем в слове могут произойти неожиданные изменения. Так, чехи склоняют *Zakopané* — род. п. *Zakopaného*, русск. *Закопане* нескл., в чешск. *Helsinki*, род. пад. *Helsinki* — мн. ч., *Брюгге* — *Bruggy*, *Бремен* — *Brémy* — мн. ч. Чехи придерживаются норм Запада — оставляют в неприкосновенности иноязычную орфографию, даже если она противоречит чешской морфологии: *Casablanca*, *San-Francisco*. Но это препятствует склонению имен в чешском языке. Чтобы все-таки склонять подобные слова, в них в косвенных падежах конечное *s* меняется на *k*: род. пад. *Casablanky*, *San-Franciska*. В ряде названий *k* из косвенных падежей распространилось и на именительный: *Jamačka*, -у (ж.), *Maroko*, -а (ср.), ср. более полную ассимиляцию *Špicberky*, -ů — *Шпицберген*. Так тесно переплетается здесь орфографическое и морфологическое. При этом в произношении образованных людей романское *s* в определенных случаях произносится [k], а в произношении менее образованных людей оно может звучать как [ts].

При заимствовании в русский язык имен и географических названий классических языков сложились свои традиционные морфемные замены. Так, от латинских имен, оканчивающихся на

-as, род. ед. -atis, -antis, русские формы образуются от полной основы, проявляющейся в родительном падеже, минус окончание род. ед. -is: Gigas — Gigantis — *Гигант*, Maecenas — Maecenatis — *Меценат*. Этому же правилу следуют и греческие имена на -ας, род. ед. -αυτος: Ἀτλας — Ἀτλαντ-ας — *Атлант*. Латинское конечное -us в русском языке всегда отбрасывается: Vulcanus — *Вулкан*, Germanicus — *Германик*. Если латинскому -us предшествует гласный, -us меняется на -й, Appius — *Аппий*, Vergilius — *Вергилий*, Morpheus — *Морфей*, Eneus — *Эней*. Латинские имена, оканчивающиеся на -o, -io (род. ед. -onis), в русской передаче оканчиваются на -он, т. е. они образуются от полной основы, минус окончание род. пад. -is: Aquilo — Aquilonis — *Аквилон*, Cupido — Cupidonis — *Купидон*, Cicero — Ciceronis — *Цицерон* ²⁶.

При передаче географических названий подобные замены не практикуются, и названия греческих островов, например, передаются как *Родос*, *Хиос*, *Самос* и т. д. То же по-чешски: Lesbos, Rhodos. Правда, традиции эти не универсальны. В Югославии, наоборот, названия греческих островов передаются без -ос: *Сар*, *Сам*, *Род*, *Пар*. Ср. по-английски: Rhod, Sar. Но для личных имен в английском языке иная традиция: они заимствуются в форме номинатива: Apollo, Cicero, Thucydides независимо от того, полностью ли проявляется у данного типа имен основа в номинативе и включает ли номинативная форма специальные суффиксы или нет.

В свете всего изложенного может возникнуть вопрос о правомерности проблематики данной книги. Действительно, с одной стороны, собственные имена, казалось бы, подобно другим словам, состоят из фонем и морфем, а с другой стороны, собственные имена международны, а международных фонем и морфем нет. Очевидно, международно их звучание, которое в каждом конкретном языке может соответствовать разным фонемам и иметь разную морфологическую соотнесенность, и международны отношения компонентов внутри имени: Golfo di Napoli, The Bay of Naples — *Неаполитанский залив*. Также международны и формы числа в названиях *Афины*, *Альпы*, *Пиренеи*, но *Хельсинки* (ед. нескл.), хотя в русском просторечье, равно как в литературном чешском языке, это множественное число. Международно употребление или неупотребление артикля в составе географических названий в языках, имеющих артикли (см. стр. 118).

Таким образом, в собственных именах международно звучание и отношения. Видимо, это и суть категории, заменяющие их международную фонологию и морфологию. В каждом же конкретном языке они не мыслятся вне фонологии, и тем более морфологии.

²⁶ И. И. Огиенко. Об ударении в собственных именах исторических лиц, писателей, деятелей и т. п. Киев, 1912, стр. 17—20.

Фонология и морфология — отрасли языковедческой науки, выступающие в структурной лингвистике на равных правах ²⁷, — занимают в ономастике, этой особой отрасли лингвистики, весьма неодинаковое место. Роль морфологии оказывается неизмеримо большей, поскольку ей в ономастике принадлежит оформление слов. Морфология вводит слово в предложение, передавая его в ведение синтаксиса, осуществляющего его функционирование в контексте.

Образующая, черновая, строительная роль в ономастике принадлежит не одной только фонологии. Последняя разделяет ее с фонетикой и орфографией, которые, как две стороны одного и того же явления, отражающие устную и письменную форму одних и тех же слов, питают и поддерживают ее. Особенно ясно это на примере передачи иностранных собственных имен, где написание дает своего рода оптические характеристики, отличающие одно собственное имя от другого; произношение дает звуковые характеристики, в которых многое, различающееся на письме, теряет свои различия. Фонематика же удерживает транскрибирующего от излишнего фонетизма или орфографизма.

Поскольку морфемы строятся из фонем, именно фонематический контроль помогает правильно записывать морфемы в языке заимствующем. Значит, роль фонологии здесь служебная, и основное ее назначение — правильная запись морфем, а стало быть, и целых слов, поскольку слово — это совокупность морфем.

фонология автор подчиняет
к морфологии.

²⁷ Подробно об этом см.: Г. А. Климов. Фонема и морфема. К проблеме лингвистических единиц. М., 1967, стр. 75 и сл.; 93 и сл.

ОСНОВЫ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН

Существуют две самостоятельные, однако достаточно тесно связанные между собою группы собственных имен: имена, сложившиеся естественным путем, и имена, искусственно созданные, выдуманые. Вторые в свою очередь делятся на употребляющиеся в реальной действительности, наряду с естественно сложившимися именами (придуманные новые личные имена, искусственные фамилии, переименования географических объектов), и на имена книжные (имена и фамилии героев литературных произведений, названия мест действия). Книжные имена составляют особую сферу так называемой поэтической ономастики, источники которой весьма разнообразны и своеобразны. Особенно интересны они своими основами, которые требуют специального тщательного изучения, что отчасти делается¹. В данной работе поэтическая ономастика не рассматривается, из искусственных собственных имен берутся лишь те, которые функционируют в жизни, при этом делаются специальные оговорки, основное же внимание уделяется именам, возникшим естественным путем.

Анализируя строение имени собственного, следует говорить лишь об основах и формантах, поскольку входящие в состав основы префиксы, корни и суффиксы обычно суть слагаемые тех доономастических образований, которые послужили базой для собственных имен, в состав же последних вошли уже готовые основы (эпонимы)², которые либо оформились ономастическими формантами: *Сапожник-ов*, либо остались в неизменном виде при превращении эпонима в собственное имя: *тайга* 'лес' — ж. д. станция *Тайга*. Лексические значения основ имен собственных

¹ Э. Б. М а г а з а н и к. Поэтика имен собственных в русской классической литературе. Имя и подтекст (автореферат канд. дисс.). Самарканд, 1967; В. Н. М и х а й л о в. Собственные имена как стилистическая категория в русской литературе. Луцк, 1965; Л. И. Р о й з е н з о н, И. М. П о д г а е ц к а я. Исследования по русской поэтической ономастике. «Ономастика», 1965, т. X, ч. 1—2; 1966, т. XI, ч. 1—2.

² Греч. *эп-оним*, *эп-онимия* — на-именовавший, на-именование. В широком смысле это — исходное имя или слово, от которого образовано данное именование. В более узком — имя человека, послужившее основой для другого, производного имени или названия.

весьма специфичны и не могут рассматриваться в одном ряду с основами имен нарицательных, что способствует некоторому обособлению имен собственных от прочих слов языка.

В каком бы языке ни употреблялось имя, оно обязательно имеет основу и формант (в том числе и нулевой). Основы собственных имен могут обладать рядом общих черт, независимо от языка, в котором они употребляются, в соответствии с универсалиями, свойственными человеческому мышлению и восприятию. Можно выделить обязательные и необязательные (факультативные) топо- и антропоосновы, которые более четко выделяются в топонимии, чем в антропонимии. Каждому типу собственных имен (даже этимологически общих) свойственны свои особые основы, хотя возможен и взаимный их обмен. Так, для имени личного *Ярослав* можно говорить о двух основах: *яр* и *слав*, а в названии города *Ярославль* фигурирует неделимая основа *Ярослав-*, в фамилиях *Ярославский* и *Ярославлев* выступает нерасчлененная основа *Ярослав(ль)*, а в фамилии *Ярославцев* — апелативная основа *ярославец*, и налицо лишь единственный словообразовательный акт: *Ярослав(е)ц* + *ев*, а все предшествующие сложения (*Яр* + *о* + *слав*, *Ярослав* + *ль*, *Ярослав(ль)* + *ец*) никакого значения для объяснения образования фамилии *Ярославцев* не имеют.

В настоящее время в славянских языках одни и те же основы могут входить как в состав топонимов, так и в состав антропонимов. В разные эпохи и в разных языках наличие топооснов в антропонимии и антропооснов в топонимии представлено по-разному. Например, в настоящее время в топонимии СССР широко представлены основы фамилий выдающихся людей, в дореволюционной топонимии было много названий поселений, образованных от личных имен первопоселенцев, в еще более раннее время, до того как институт частной собственности на землю сложился и окреп, в топонимии преобладали названия, отражающие природные особенности местности, и, естественно, антропоосновы в них встречались значительно реже. Наличие тех или иных основ в названиях определенных типов может служить своеобразным показателем возраста названий. Несмотря на указанную взаимосвязь, существуют и свои индивидуальные закономерности, в соответствии с которыми образуются и функционируют топо- и антропоосновы. Поэтому дальнейшее описание целесообразно давать отдельно для тех и других.

АНТРОПООСНОВЫ

Антропонимы (имена личные, прозвища, фамилии) — слова, генетически связанные друг с другом, обладают общими основами: личные имена выкристаллизовываются из прозвищ, и те и другие

служат источниками фамилий. Фамилии в свою очередь могут стать основами прозвищ и личных имен. Поэтому об основах всех этих типов имен можно говорить вместе как об антропоосновах.

Обязательные антропоосновы отражают характеристику того или иного лица по физическим свойствам и недостаткам, по поведению, по происхождению (патронимическому или оттопонимическому), сравнивают человека с различными предметами, животными, птицами, растениями, отражают профессию, занятие, социальное положение и т. п. Необязательные антропоосновы характеризуют лицо по отдельным событиям из его жизни, особенностям речи, различного рода случайностям.

Личные имена

В настоящем изложении термин *личные имена* понимается широко как индивидуальные именования субъектов, независимо от происхождения этих слов и их взаимоотношения с нарицательными именами данного языка, т. е. под ним подразумевается то, что в настоящее время воспринимается и как прозвища, и как личные имена в узком смысле слова, поскольку разница между теми и другими не столько лингвистическая, сколь юридическая, связанная с модами и традициями того или иного народа и с его законодательством в области ономастики. В наши дни в странах Европы личные имена отличаются от прозвищ главным образом тем, что в первых нарицательное значение основ не столь очевидно, как во вторых. В прозвищах оно почти всегда свежо, за исключением отфамильных прозвищ, а также некоторых сугубо индивидуальных, разгадка которых кроется в различного рода эпизодах из жизни прозываемого. В личных именах нарицательное значение основ почти всегда затемнено. Прозвища всякий раз создаются вновь, личные имена переходят из поколения в поколение, при этом изменения, которые они претерпевают с течением веков, почти никогда не приводят к смешению имен — этих своеобразных традиционных слов. Различие имен прозвищных и традиционных особенно сильно в тех странах, где была строгая канонизация, т. е. где выбор имен регулировался церковью. Так, например, в славянском мире, а особенно у русских, канонизация разорвала, разделив по разным сферам употребления, имена, составлявшие некогда одну систему, сделав одни из них употребительными, а другие — архаизмами и экзотизмами, но это никак не повлияло на структуру имен, на их модели и на характер основ, в которых отражаются те же экстралингвистические универсалии, но выраженные средствами других языков или словами, свойственными разным периодам развития одного и того же языка.

В личных именах выделяются обязательные и необязательные основы, причем в прозвищных именах они значительно разнообразнее, чем в традиционных. Говоря о личных именах, следует

сразу же остановиться на двух группах, которые выделяются этимологически и исторически. Это — имена одноосновные и двуосновные. При этом следует сделать уточнение: любое двуосновное имя, употребляясь во фразе, становясь основой какого-либо дериватива или изменяясь по падежам, имеет только одну морфологическую основу, выделяющуюся в данный момент. О двуосновных же именах можно говорить, лишь анализируя их историческую морфологию, а не современный узус. Иногда встречаются имена, у которых можно обнаружить три и даже четыре лексических основы, но обычно это — те же двуосновные, а вернее — двухкомпонентные имена, один (или оба) из компонентов которых — сложное слово: греч. Ἐξ-αχστο + ~~χλῆς~~, Θεο-δεξι + λαζ. А. Фик отмечал, что от этого имя в целом не делается трехосновным³. В данной главе рассматривается характер этих основ. Способам их соединения посвящается следующая глава.

Как отмечалось выше (см. стр. 6), существуют мелиоративные и пейоративные имена. К первым С. Роспанд относит наследственные двуосновные, закрепленные некогда за правящими династиями (*Святослав, Изяслав*), а также различные ласкательные варианты, ко вторым — обсервационно-прозвищные (*Мал, Заяц*) и уничижительные варианты различных имен⁴. Такая характеристика строится не в морфологическом, а в семантическом плане. Обращение к более широкому материалу показывает, что двуосновные имена могут быть и пейоративными, а одноосновные — и мелиоративными, и это деление отнюдь не параллельно. Верно, что одноосновные имена часто по происхождению своему — прозвища. Но есть среди них и специально придуманные, пожелательные (религиозные, мистические, идеологические и пр.): франц. *Кретъен* — 'христианин', арабск. *Муслим* — 'мусульманин', новые русские *Коммунар, Октябрь, Май* и др. Двуосновные имена совсем не обязательно пожелательные. Среди неканонической части их, сохранившейся в составе фамилий, очень многие носят обсервационно-прозвищный характер: *Белоконь, Лихобаба, Взвернигуба, Перебейнос, Чернобород, Черножук* и т. д. Следует, однако, отметить, что существует значительный стилистическо-семасиологический разрыв между неканоническими и каноническими двуосновными именами и что канонизированы были главным образом обсервационно-нейтральные или мелиоративные имена. Важно и то, что в прозвищных двуосновных именах компоненты логически сочетаются друг с другом, а в канонических мелиоративных этого может и не быть.

Имена многих индоевропейских языков образованы по сход-

³ A. Fick. Die griechischen Personennamen nach ihrer Bildung erklärt und Systematisch geordnet. Göttingen, 1894, стр. 10—12 (основной материал собран А. Фиком; Бехтель — соавтор, им же составлено предисловие).

⁴ С. Роспанд. Структура и классификация древневосточнославянских антропонимов (имена). — ВЯ, 1965, № 3, стр. 9—10.

ным моделям из лексически однородных основ, что может свидетельствовать как об общности их происхождения, так и о том, что существуют определенные, присущие каждому из этих языков традиции, в соответствии с которыми создаются имена. И если репертуар имен с течением времени меняется, то лексическое значение основ сохраняется в определенных рамках, при этом широко используются апеллятивные синонимы.

Например, среди основ древнегреческих зоофорных имен известны такие синонимические названия животных, как *ἄκρίς* и *βροῦκος* 'саранча', *ἄλωπηξ* и *κίναδος* 'лиса', *γρῶλος* и *χῆρος* 'поросенок', *κυνίσκος* и *σχύμνος* 'собачка', *κόμαρος* и *ἄστακός* 'морской рак', 'омар' и *ἐλαφος* и *νέβρος* 'олень' и т. д.

Репертуар лексем, входящих в состав двусосновных имен, более ограниченный по сравнению с одноосновными именами, поскольку и выбор одноосновных прозвищных имен по существу свободный, а двусосновных — традиционный. Так, в древнегреческом языке в состав двусосновного имени могли входить не любые слова, а лишь строго определенная группа именных основ. Некоторые могли быть только в конце или в начале, другие в обеих частях сложения. Новые компоненты допускались в состав имен неохотно, при этом неременным условием было сохранение в качестве другого компонента традиционной именной основы, чтобы имя могло войти в именной ряд. Нельзя было образовать новое имя из двух неименных слов, раньше не входивших в состав имени. Морфемы *ἀγορά*, *λύκος*, *λέων* входили почти исключительно в мужские имена, а *ἄρετή* — в женские⁵. Чернота расценивалась как признак силы, отсюда имена *Μέλαγχρος*, *Μελάιν-ωπος* и т. д. Много имен с компонентом *ἵππος*, *ναῦς*, *ξένος*, а позже — *βοῦς*⁶. В основе многих имен лежат сравнения, национальные представления и образы, отразившиеся в сказаниях: пчела — заботливость⁷. Из сравнений родилось и имя 'Ἀνθρωπος 'человек'. Если *Λέων* это 'человек, подобный льву', то *Ἄνθρωπος* 'человечный человек'. Ср. инд. *Puruṣa-vyāghra* 'человек-тигр' и *Puruṣa-puruṣa* 'человек-человек'⁸.

Названия неодушевленных предметов в качестве имен личных восходят к восточной фантазии. На Востоке это — жемчуг и другие драгоценности, у греков блестящие предметы⁹: *Ἀστήρ* 'звезда', *Ζῶπυρος* 'искра', *Ἀνδράκιον* 'уголек'¹⁰.

⁵ А. F i s k, Указ. соч., стр. 7—12.

⁶ Там же, стр. 14.

⁷ Там же, стр. 324.

⁸ Там же, стр. 325.

⁹ Ср. из другой области: якуты до революции боялись брать в качестве антропооснов названия блестящих приятных предметов, чтобы не сделать ребенка привлекательным для злых духов. После революции эти интересные предметные основы появились в новых якутских именах. См.: «Справочник личных имен народов РСФСР». М., 1965.

¹⁰ А. F i s k. Указ. соч., стр. 329—330.

Именные основы, входящие в канонические имена, в большинстве случаев вышли из употребления как апеллятивы; значения их начали вскрывать ученые XIX—XX вв. Однако наше сегодняшнее восприятие отличается от восприятия тех же самых имен в древности и не может совпадать с ним. У разных народов сложилось свое традиционное восприятие личных имен, причем различного рода ассоциации со словами своего языка мешают объективному анализу действительного происхождения их. Например, имя *Τῆχων Тихон* из греч. 'счастливы́й' воспринимается в русском языке по аналогии со словом *тихий*, как *Игнатий* — лат. *Ignatio* 'неведущий' сопоставляется итальянцами сегодня со словом *igneo* 'огненный'. Имя *Александра* в традиционном русском истолковании определяется как 'мужественная', а в более точном — 'защитница мужей', в то время как современные греки воспринимают его как 'отталкивающая мужчин' в противоположность *Элександра* — 'заманивающая мужчин'¹¹.

Имя *Алексей* традиционно у нас истолковывается как 'помощник' или 'защитник', однако греческий глагол *ἀλέξω* многозначен: это и 'отражать' и 'предотвращать' и 'охранять' и 'защищать'. Во всем этом усматривается элемент помощи, при этом не только помощи земной, но и божественной. Интересно, что примерно теми же значениями наделен арабский глагол *на́сара* — 'помогать', 'защищать', 'даровать победу', 'избавлять', в связи с чем имя *Насыр* (причастие действит. залога) может быть воспринято как 'побеждающий', 'помогающий', 'помощник'. Того же корня имена *Мансур* (причастие страдат. залога) 'кому дарована победа', т. е. 'победитель', и *Интысар* (отглагольное существительное) 'победа', 'триумф'.

Сравнение индоевропейских двусосновных имен разных периодов показывает, что чем древнее слово, тем менее значение его в целом выводимо из суммы значений компонентов. Однако это объясняется и нашим незнанием древних реалий.

Современные двусосновные прозвищные имена, хорошо сохранившиеся в русских и украинских фамилиях типа *Беловол*, *Косолоб*, а также возникающие ежедневно в быту для различного рода добавочных именовании людей и использующихся также в качестве кличек животных (*Чернохвостик*, *Белошейка*) — это сложные апеллятивы, употребленные в качестве собственных имен. Их апеллятивное значение как единого целого не утратилось. Древние же имена, утратившие свои апеллятивные значения, могут рассматриваться лишь как образованные по определенным моделям; смысловые связи их компонентов не очевидны, хотя само по себе значение компонентов может быть установлено. Так, герм. *Friedhelm* не

¹¹ Установлено в беседе с греческим оноματοлогом Д. Ваякакосом, автором большой аннотированной библиографии по греческой ономастике XIX—XX вв.

может быть истолковано ни как 'мирный шлем', ни как 'шлем мира'. Точно так же и имя Snewart не значит 'снежный сторож' или 'страж снега', Asclind не 'ясеневая липа', Fridubald не 'мирно-отважный', Wolfhari не 'волчье войско', Hildegund не 'война-война', Siegfried — не 'победоносный мир'. Семантике в подобных именах отводится лишь ограниченная роль: компоненты должны обладать «приятным» значением, лексическое же содержание целого при этом мало интересно. Так, у западных франков времен Карла Великого исторически засвидетельствована супружеская пара Hilde-gaudus и Agen-trudis. Своим детям они дали имена из различных сочетаний и перестановок частей своих имен с добавлением некоторых других компонентов: Hilde-gaus, Agen-ardus, Hilde-brandus, Hil-trudis. Лексические значения новых имен не являются суммой значения их частей¹². То же для греческих имен отмечает А. А. Белецкий: имя сына могло включать одну из морфем имени отца¹³: *Герофант* сын *Феофанта*, *Аристолох*, сын *Трасилоха*¹⁴.

Анализируя двусосновные греческие имена, Ф. Бехтель не видит смысла в сложении значений компонентов *Λυσιχρίτος*, *Λυσιφάντος*, *Λυσιφών*, ср. *λύσις* 'развязывание', 'освобождение', *χρίτος* — 'избранный', 'лучший', *φάντος* глагольное прилагательное к *φαίνω* 'светиться', 'показываться', *φωνή* 'звук'¹⁵.

Отметим также разрыв между значением основ в момент создания имен и тем значением, которое им приписывают исследователи XIX—XX вв. Так, принятая в настоящее время у немцев расшифровка имени *Зигфрид* 'кто посредством победы приносит мир', — надуманна¹⁶. То же отметил Ф. Бехтель для греческих имен. В своем предисловии к капитальному труду А. Фика он писал, что морфеме со значением 'весь', встречавшейся у Гомера только в виде 'Αγε, а позже и 'Ηγε, 'Ηγησι, исследователи XIX в. приписывали связь с глаголом *ἡγεομαι*, чего не было в древнегреческую эпоху. Ср. постепенное видоизменение древнего имени *Гесиод*. Поэт из Кимы звался *Αἰσιόδος*. Поселившиеся в этой местности беоты стали звать его 'Ησιόδος. Позже, по аналогии со словами *ἡγῆς*, *ἡσῶ* аглаут стали аспирировать.

Изучение характера именных основ и их места в сложении может дать сведения о времени возникновения имени. Так, элемент *ἀγορά*, употреблявшийся в именах героев лишь в качестве второй части, начинает употребляться в качестве первого компо-

¹² M. Gottschald. Die deutsche Personennamen. Aufl. 2. Berlin, 1955, стр. 8—9.

¹³ А. А. Белецкий. О собственных именах в новонайденных ольвийских надписях. «Советская археология», 1958, XXVIII, стр. 80.

¹⁴ Примеры приводятся по кн.: Э. И. Соломоник, Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1964, стр. 80,

¹⁵ A. Fick. Указ. соч.

¹⁶ См.; M. Gottschald. Указ. соч.

имена позднее, в именах реальных исторических лиц. Некоторые такие имена представляли собой перестановку компонентов имен героев ¹⁷.

К числу необязательных, но довольно часто встречающихся именных основ относятся числовые. Имена с этими основами произошли в связи с различными особенностями уклада жизни разных народов. Как полагают, у русских и римлян они связывались с порядком появления на свет детей в больших семьях. У некоторых тюркских народов числительные, обозначавшие десятки от 30 до 90, означали возраст отца в момент рождения ребенка. У греков, у которых нумеровались дни месяца, числовые имена соответствовали дню рождения ребенка, ср. имена по дням недели, также означающие дату рождения ребенка: польск. *Пёттек*, русск. *Суббота*. У арабов, греков и римлян практиковались также имена по названиям месяцев.

Очень большую роль в истории ономастики сыграли мусульманские канонические имена, распространившиеся вместе с исламом (с VII в. н. э.) во многих странах Азии, Африки и частично в Европе. Роль их в русской ономастике значительно больше, чем это можно предположить. Очень многие русские географические названия и фамилии по своему происхождению так или иначе связаны с татарским языком и принятыми у татар мусульманскими именами, которые в свою очередь восходят к именам арабским ¹⁸.

В различных тюркских языках арабские имена изменили свое ударение, в соответствии с различными звуковыми законами изменился их фонемный состав, так что в современном *Мамёт* трудно узнать арабское *Мухаммад*. Однако основа большинства татарских имен арабская. Многие мусульманские мужские имена, до сих пор очень распространенные у тюркоязычного населения нашей страны, по своему происхождению — эпитеты Аллаха, которых, как считается, было 99: *Малик* 'владеющий', 'царь', *Джамаль* 'красота', *Карим* 'щедрый', *Рахман* 'милосердный', *Наджиб* 'благородный', *Ахмад* 'славнейший' и т. д. В качестве женских имен у магометан часто давались отвлеченные понятия, связанные с кораном и исламом: *Мамлакат* 'царство', *Амаль* 'надежда', *Дина* 'вера', *Махаббат* 'любовь' и т. д.

Арабский как и древнееврейский, относится к семитским языкам, основную особенность структуры которых составляет консонантный характер корня. Гласные выполняют в нем лишь функцию вспомогательных построений, соотнося слово с определенным грамматическим классом. Так согласный комплекс *с-л-м* означает в арабском 'целостность', 'безопасность', 'мир', 'здоровье'. Различная огласовка превращает его в *салима* 'быть целым',

¹⁷ А. Fick. Указ. соч., стр. 304.

¹⁸ Подобных взглядов придерживается Н. А. Баскаков, ср. его выступление на Всесоюзном совещании по антропонимике (М., 1968).

‘благополучным’, ‘свободным’, откуда личные имена *Салим* ‘целый’, ‘невредимый’, ‘здоровый’, *Мусалим* ‘мирный’, ‘снисходительный’, *Муслим* ‘принявший ислам’, ‘мусульманин’, *Сулейман* (= евр. *Соломон* и *Залман*) ‘мирный’, ср. тат. женск. *Сельме* (арабск. *Сильми*) — ‘мирная’, православно-женское *Саломя*, *Соломония* (укр. *Солоха*), *Соломонида*, ср. груз. *Абесалом* из др.-евр. *Абшалом* ‘отец мира’.

Таким образом, в основу личных имен кладутся определенные экстралингвистические универсалии, выраженные словами того или иного языка.

Ниже приводится сопоставление некоторых наиболее типичных антропооснов и целых антропонимов. Например, обращает на себя внимание параллелизм некоторых греческих и германских имен: греч. *Θρασύ-βουλος* из *θρασύς* ‘смелый’, ‘отважный’ и *βούλη* ‘воля’, ‘совет’ и герм. *Konrad* из *kühn* ‘смелый’ и *rat* ‘совет’, ‘воля’; греч. *Δημο-σθένης* и герм. *Volkhard* состоят из компонентов *δημος* = *volk* ‘народ’ и *σθένης* = *hard* ‘сильный’, ‘твердый’; греч. *Δημο-κλής* и герм. *Dietmar* из *κλέος* = *mar* ‘слава’ и *δημος* = *deot* ‘народ’, а греч. *Λέ-ανδρος* = герм. *Volkmann* ‘народ’ + ‘человек’.

Отметим также параллелизм лексического значения и звучания основ, употребляющихся в славянских и германских языках, что может объясняться либо заимствованием, либо изначальной этимологической близостью ряда слов обоих языков, либо, наконец, длительным контактированием, в результате чего одни германские основы уподобились славянским по значению, а другие — по звучанию. Ср. герм. *Салабер* и слав. *Домажир* с параллельным значением (герм. *сала* — дом с залом + *бер* — знатность, богатство). То же значение имеют компоненты имени *Хеймрих*. В именах *Дитмар* (*Деодмар*) и *Дедослав* первые компоненты уподобились по звучанию, вторые же равны по значению. Таким же уподоблением по звучанию можно считать герм. *hram* (ворон) и слав. *греми*, герм. *Milard* и слав. *Милрад*, *Милодраг*, герм. *Milberht* — *Милонег*, *Milbald* — *Милослав*, *Hrodhard* — *Твердислав* (с обратным порядком компонентов), *Willmar* — *Волимир*, *Waldemar* — *Владислав*, *Gottlieb* — *Богумил*, *Hariber* — *Боримечка* (болг.). Германская морфема *мар* по значению сближается со славянской ‘слав’, а по звучанию — с морфемой *мир* (*жер*).

Приводим сопоставительный список некоторых германских и славянских морфем (в порядке латинского алфавита):

agil (острие меча)	остро
al	все
bald	яро
brun (кольчуга, броня)	брони
deod (народ)	дед (по созвучию)
frid	мир

frod	мудр
gast	гость
hard	тверди, твердо
hari	рати, полк
heim	дома
hlod	слав (и по созвучию люд)
hram(ворон)	греми
hrod	слав
hrog	сно
gib(an)	дан
gud	добр, драг, мир
liut	люд
mar	слав
mil (любезный) }	мил
mun (любимый) }	
mund	рати
rad	рад(ети)
ric	рог(ато) = богато
sala (зал, дом с залом)	дома
stang (острие, пика)	стани (становиться)
wahl, gast	гость
wald(an)	влад(ети), волод(ети)
wig(=hari)	полк
wil	воли
win	друг, драг

Многим народам свойственны (или были свойственны) имена с ярко выраженной отрицательной окраской. Например, в древности у русских употреблялись такие имена, как *Горе, Грязнуха, Захворай, Мертвой*. У тюркоязычных народов в так называемый год Свиньи давались имена типа *Навоз, Собачье Ухо* и с более отвратительным, откровенно неприличным значением¹⁹.

Подобные имена были вызваны к жизни суевериями. Особенно часто их давали в семьях, где умирали дети. У славян, кроме того, был специальный негативный тип имен с приставкой *не*, близкий к искусственным именам. Многие подобные имена сохранились в виде основ современных фамилий: *Немил, Неустрой, Нехорош, Невер, Нелюб, Неудача, Невидим; Безух, Безрук, Безнос* и т. п. Последние могли соответствовать истине, а могли, наряду с другими, быть просто «обманными» именами. С. Роспонд отмечает имя *Нерат* как вызванный суеверием заменитель имени *Ратибор*. Ср. также имена с префиксом *недо-*: *Недотепа, Недошива*, и имена, где начальный компонент может быть воспринят и как *не-* и как *недо-*: *Недогон, Недостал, Недоход*. Очень редко имена с отрица-

¹⁹ Подробнее см.: «Справочник личных имен народов РСФСР», стр. 38—39, 232; А. В. Суперанская. Как вас зовут? Где Вы живете? М., 1964, стр. 29. С. Роспонд. Указ. соч., стр. 15.

ниями имели положительные значения: *Незлоба*, *Немешай*. Ср. также стоящее вне этих оценок *Небаба*.

Особо следует выделить теофорные, т. е. буквально «богоносные», имена, в состав которых входят либо нарицательные со значением 'бог', либо собственные названия того или иного бога. Теофорные имена эпохи политеизма значительно отличаются от имен эпохи монотеизма. В период политеизма в состав этих имен включались имена различных богов и героев, а слово бог — греч. θεός, перс. скифск. бага, скр. deiva и т. д. означало одного из богов. Все имя обычно представляло собой конструкцию, с помощью которой выражалась принадлежность тому или иному богу либо происхождение от того или иного бога. Таковы скр. *Калидаса* — *Кали* — неземная царица — олицетворение ужасов, *Рамадаса* — *Рама* — легендарный герой, греч. Ἀπολλώνιος, Διογένης, Ἡρόδοτος, Ἑρμαγόρας, др.-герм. Oswald, Anselm в честь бога Асена, Ingram, Ingvar, Ingrid в честь бога Инге, Irminhard, Ermelinda — в честь бога Ирмина, Elfreich, Elbin в честь низших божеств альбов, или эльффов.

У греков имена богов в качестве имен реальных людей употребляются с IV в. до н. э., когда исчезает страх перед языческими богами. Еще меньше боялись греки иноземных богов: в VIII в. до н. э. встретилось имя Παταίος по финикийскому идолу, в 408 г. до н. э. в Афинах отмечено в качестве мужского имя Ἀδωνίς — по египетскому божеству. Некоторые подобные имена могли возникать из прозвищ, как и имена, упоминающие титанов и героев. Так, известен спартанец *Деркилид*, имевший добавочное имя *Сизиф*²⁰.

С принятием христианства объявляется жестокая борьба всему дохристианскому: разбиваются изображения богов пантеона, надгробия с могилами язычников идут на забутовку крепостных стен, но имена, в состав которых входили обозначения древних богов, сохраняются.

Имена, в состав которых входит нарицательное обозначение бога, подвергаются переосмыслению как несущие идею единого бога. Новые теофорные имена как правило мужские, прежние же в равной мере могли быть мужскими и женскими. Немалая роль в создании и пропаганде теофорных имен принадлежала евреям эллинистической церкви, или эллинистической диаспоры. От них новые и обновленные теофорные имена были заимствованы принявшими христианство греками и переданы римлянам, славянам, германцам.

Еврейские теофорные имена часто имели форму предложения с подлежащим-термином со значением 'бог' — il, el, l, io: *Иоанн* — 'бог благоволит', *Рафаил* — 'исцелил бог', *Измаил* — 'слышит бог', *Даниил* — 'бог мой судья', *Илья* — 'бог мой Яхве'. Это

²⁰ А. F i c k. Указ. соч., стр. 304—307, 314.

могли также быть сравнения: *Михаил* — 'кто как бог' или определительные сочетания: *Гавриил* — 'муж божий', *Матвей* < *Матфей* < *Матетно* — 'дар божий'. В евангельской усеченной форме *Матвей* греч. θ — вторичное сближение с $\theta\epsilon\omicron\varsigma$.

У арабов до ислама были и политеизм, и христианство, и были теофорные имена обоих типов. Проповедники ислама, пытаясь обосновать свое вероисповедание, возводили его истоки к уже существующим мировым религиям, для чего установили родство пророков ислама с христианскими и пытались выяснить взаимоотношение аллаха с доисламскими племенными божествами. В частности, одно время пробовали объявить Лат, Манат и Уззу дочерьми Аллаха. Но это противоречило корану, так как, во-первых, у Аллаха не было жены, во-вторых, это не отвечало выработавшемуся у исламизированных и военизированных арабов отношению к женщине, не отвечало и обычаю арабов определять своих потомков по мужской линии, т. е. считать своими наследниками лишь сыновей ²¹.

Арабские теофорные имена — обычно субстантивированные сложения, где термин с означением 'бог' стоит в родительном падеже и зависит от существительного со значением 'дар', 'помощь', 'предсказание', 'счастье', 'раб' и нек. др., круг которых узок и специфичен. В качестве второго компонента, помимо слова *Allāh* 'аллах', употреблялись также имена доисламских богинь Лат и Манат: *Sa'd Manāt* 'счастье Манат', *Zayd al Lāt* 'прибавление Лат'. Теофорные доисламские имена, состоящие из сочетаний перечисленных слов с обозначением бога или каким-либо эпитетом его, подразумевали христианского бога, поскольку в доисламский период среди арабов было немало христиан. Сохранились они и при исламизации. Обозначение бога в этих именах могло быть как в арабской, так и в еврейской форме: *Gabraīl*, *Šahmīl*, *Samuwīl* (*Samūīl*) и *Šam'allah*, *Taymallah*, 'Abdallah.

С введением ислама эти имена переосмыслились и стали связываться с мусульманским богом ²², появились и псевдотеофорные, содержащие во второй части имена пророков ислама или апеллятив со значением 'пророк': *Абд-Али*, *Абд-ун-Наби*, абстрактные термины ислама: *Абд-аль-Баракат* 'раб благоденствия', *Абд-аль-Ислам* 'раб ислама', *Абд-ад-Дин* 'раб веры' ²³. Новые теофорные имена проникли в Персию и Армению, где получили национальное выражение: *Худавердз* = Богдан, и в Турцию — *Алаверды* с тем же значением. *Худа* перс. 'господин' позже стало обозначать единого бога. Так эти имена калькировались.

²¹ Л. И. Климович. Ислам. М., 1965, стр. 25—26.

²² L. Caetani, G. Gabrieli. *Onomasticon arabicum*, v. I. Roma, 1915, стр. 75, 83—89.

²³ Там же, стр. 90.

Некоторые византийские теофорные имена — кальки древне-еврейских, но семитская глагольность в них не сохраняется. Славяне создали свои теофорные и псевдотеофорные имена под влиянием греческих: *Богодар*, *Богдан*, *Боголеп* — кальки имен *Феодор*, *Феодосий*, *Феопрепий*. На имена *Богодан*, *Богухвал*, *Богумил*, *Богуслав*, как полагают, повлияли скифские имена с компонентом *bagā* — instr. sing. от слова 'бог', но не единый, не теос, в результате *Богухвал* = др.-перс. *Bagafarna(ts)*. Такое влияние возможно в связи с пребыванием ираноязычных скифов на славянской территории в VI—IV вв. до н. э.²⁴

С. Роспонд выделяет имена типа *Богухвал* в разделе *cas. obliq.* + *nomem*, считая компонент *богу* дательным падежом²⁵. Однако другие древне- и среднерусские имена, в том числе и реконструированные из фамилий, не подтверждают этой модели. С творительным же падежом имена есть: *Челомбит*, *Челомбей*. Встречается также родительный падеж числительного (*Семилет*, *Трехден*) — нововведение, не отмеченное у С. Роспонда. Указанные факты свидетельствуют о справедливости скифско-славянской параллели²⁶. Интересно, что в балтийскую антропонию теофорные имена не проникли. Отсутствуют в ней и имена с общебалтийским обозначением бога *deiwa*. На славянское имя *Молибог* могли оказать влияние также и псевдотеофорные имена типа *Отченаши*, *Аминь*.

Древнегерманские теофорные имена немногочисленны. Один из немногих примеров — имя *Гудлейфр* ('данный богу') = слав. *Глеб* может рассматриваться как калька с лат. *Diodor*, греч. *Теодор* (*Феодор*), евр. *Матфей*. Имена *Gottlieb*, *Fürchtegott* — значительно более поздние, созданные немецкими церковниками в Средние века.

Латинские теофорные имена немногочисленны (*Диодор*), зато многочисленны латинские и итальянские псевдотеофорные имена с компонентом 'благо': *Бенвенуто*, *Бонифацио*, *Бонавентура*, *Бонаккорсо*, *Бонаджунта*, *Бонаюто*, *Бонкомпаньо*, *Бонконте* — с мистическим или пожелательным значением, многие из которых относятся к позднему Средневековью.

Параллели латинским именам с морфемой *bon*, *bene* можно видеть в греческих псевдотеофорных именах с морфемой *eu*: *Бенедикт* = *Евлогий*, *Бонифацио* = *Евдоксий*, *Евдоким*, *Бонавентура* = *Евтихиан*, *Евтихий*. Но у греков таких псевдотеофорных имен

²⁴ T. Milewski. Słowiańskie imiona osobowe na tle porównawczym «Z polska studiów sławistycznych (prace na V Międzynarodowy kongres sławistów w Sofii. 1963. Seria 2. Językoznawstwo)». Warszawa, 1963, стр. 106.

²⁵ С. Роспонд. Указ. соч., стр. 16.

²⁶ Славянско-скифская общность в образовании имен отмечается также в параллельных именах русск. *Светлана* и скифск. *Роксана* (др.-перс. *Рохшанек*) с тем же лексическим значением основы и материально, и функционально тождественным суффиксом *-ана*.

значительно больше и, кроме чисто мистических, религиозно направленных имен типа *Евангел*, *Евламний*, среди них есть и такие, которые по своему содержанию перекликаются с германскими воинственными именами: *Евкле*й (благославный), *Евникиан* (благопобедный), *Евсд* (благопутный, благоуспешный), *Евпор* (богатый), *Евстафий* (твердостоящий), *Евстохий* (меткий), *Евстратий* (добрый воин), ср. герм. Lambert, Sigimar, Wigmar, Wachart, Maginhart, Richhart, Deganhart, Luitbald, Adalbald и т. п. При близости значения компонентов перечисленных имен отмечаются, однако, их существенные формальные отличия: единое *ев* в греческих именах и отсутствие единого оформления в германских, что позволяет предположить некоторое влияние германских имен на увеличение количества греческих псевдотеофорных имен, но не обратное влияние.

Анализ основ новых неканонических русских имен, появившихся после революции, показывает, что значительную часть их составляют иноязычные личные имена, фамилии или просто слова, что было невозможно до революции: *Ампер*, *Бекар*, *Арлекин*, *Ванцетти*, *Вилли*, *Вильямс*, *Вальдемар*, *Гамлет*, *Герольд*, *Гарри*, *Гений*, *Герт*, *Даниэль*, *Декарт*, *Джон*, *Джонрид*, *Майор*, *Микель-анжело*, *Нельсон*, *Тельман*, *Феб*, *Эдиссон*.

Значительную часть составляют также слова, отражающие новые отношения, новые реалии, названия приятных предметов и даже просто непонятные слова: *Аврор*, *Атеист*, *Воль*, *Горн*, *Гранит*, *Осоавиахим*, *Индустрий*, *Капиталин* (в честь «Капитала» Маркса), *Маркслен*, *Мартен*, *Октябрь*, *Ревдиг*, *Ревдиг*, *Ревдиг*, *Ревдиг*, *Мэлс*, *Свет*, *Совет*, *Титан*, *Философ*, *Авиэтта*, *Альтернатива*, *Гортензия*, *Граната*, *Ракета*, *Лазурита*, *Лири*, *Магнолия*, *Новелла*, *Руина*, *Свобода*, *Слава*, *Улада*, *Фея*, *Хризантема*, *Эдда*, *Элегия*, *Юнната*. Некоторые имена произошли от географических названий: *Афон*, *Париж*, *Рим*, *Ангара*, *Гренада*, *Лима*, *Пальмира*, *Элада*, *Лозанна*, *Марсель*, *Ирана*.

Наибольшую группу составляют имена, созданные из морфем своих и иноязычных имен или из подобия таких морфем по именным моделям: *Алентин*, *Аделин*, *Арлентин*, *Валентарий*, *Варлен*, *Вилиан*, *Виликтон*, *Вилор*, *Вилорк*, *Вингалий*, *Виолен*, *Драстомат*, *Евлантий*, *Майеслав*, *Оводий*, *Наргений*, *Реональд*, *Адинаида*, *Алентина*, *Альгина*, *Анилиса*, *Аполения*, *Изаветта*, *Лентрозина*, *Линаида*, *Радиолина*, *Энгельмина*, *Тавелина*, *Лючемира*.

Изредка употребляются имена древнеславянские и древнерусские слова, не употреблявшиеся в качестве имен ранее: *Лель*, *Горимир*, *Мечислав*.

Сравнение новых неканонических имен со старыми (но все же возникшими после христианизации) именами, которые можно реконструировать на основе сохранившихся фамилий, дает прямопротивоположную картину: компоненты старинных имен были ярко предметны, а значение слова в целом определялось суммой

их значений: *Желтонос, Златоцвет, Кривонос, Мокроус, Новожен, Остробород, Светловид, Сероштан, Тихонрав, Черноус, Широкобород, Однокоз, Тригуб, Шестопал, Семихат, Стодел*. Перечисленные имена, вероятно, не были апелятивами, хотя можно отметить и двусосновные нарицательные типа *пивовар, новосел*.

Значение основ показательно и в некоторых других отношениях: у древних германцев на первом месте были воинственные имена, поскольку военная доблесть издавна была у них высшим идеалом. В составе имен отмечаются названия оружия, его частей и материалов, из которых оно изготовлялось; слова со значениями 'война', 'сражение', 'победа', 'герой', 'отвага', 'могущество', 'господство', 'верность', 'благородство', а также названия воинственных зверей (волк, медведь, ворон, орел, кабан). У славян преобладают компоненты: 'добр', 'свет', 'свят', 'твори', 'расти', 'мир', 'слав'. У греков и римлян — слова, подчеркивающие в человеке человеческое. У евреев и арабов — слова, подчеркивающие отрешенность от земного и обращение к богу.

Так, в каждую эпоху у каждого народа был свой подход к выбору именных основ. В результате почти каждое имя содержит в себе информацию о времени и месте своего возникновения. Изучение именных основ дает многое не только для изучения обычаев и взглядов людей прошлого, но и для хронологизации имен, а вместе с ними — древнейших памятников, служа таким образом не только лингвистике, но и истории и археологии.

Фамилии

Система помен — согномен начала складываться на Западе в VIII в., но всеобщей стала значительно позже. Так, по свидетельству А.-Ф. Потта²⁷, фамилии вошли в общее употребление лишь в XIV в. Первое и основное, с чем были связаны фамилии как особые добавочные имена, — семья, род, дом, поэтому очень многие фамилии образованы от других собственных имен, обозначавших указанные реалии: имена и прозвища родственников, этнонимы, место происхождения. Основы личных имен были описаны выше, основы топонимов даются ниже, этнонимы в данной работе не рассматриваются, поскольку почти каждый из них требует особого исследования. Упомянем здесь лишь о некоторых бессуффиксных фамилиях, искусственных фамилиях и псевдонимах, употребляющихся в русском и некоторых европейских языках.

Анализ бессуффиксных фамилий, употребляющихся у лиц, говорящих по-русски, показывает, что обычно односложные фамилии не имеют в русском языке апелятивного значения и по своему

²⁷ А. -F. P o t t. Die Personennamen. Insbesondere die Familiennamen und ihre Entstehungsarten... Leipzig, 1853, стр. 9.

происхождению бывают образованиями нерусскими: *Гур, Гац, Сак, Пар, Кан, Шур, Прик, Окс, Фукс, Шик, Восс, Чос, Шнип, Шнер, Зарх, Лац, Стом, Цын, Им, Рысс, Шак, Безь, Гучь, Надь*. Реже они имеют нарицательное значение: *Шут, Кур, Мак, Сук, Борц, Дрель, Жук, Горб, Грек, Гром, Груз, Рог, Лис, Куц, Сыч, Раз*. Иногда это слова диалектные: *Свец, Шлак*. Слова с односложной основой, оканчивающиеся на -а, -о обычно совпадают с апелятивами: *Беда, Сало, Бурса, Вишня, Доля, Зима, Книга, Муха*. Есть среди них и непонятные в литературном языке диалектные слова: *Чена, Цыба*.

Двусложные бессуффиксные фамилии обычно совпадают с нарицательными: *Алмаз, Атлас, Баран, Барон, Болгар, Богач, Бондарь, Бурак, Бурлак, Бурьян, Вечер, Гусак, Джигит, Кисель* и т. д. Более длинные фамилии обычно совпадают с простыми или сложными словами: *Головня, Воробей, Кукуруза, Ломака, Ребенок, Серебро, Скрипка, Круподер, Листопад, Черномаз*.

Все эти фамилии-слова встречаются также в виде фамилий со специальными суффиксами: *Листопадов, Воробьев*. Фамилии, не имеющие апелятивного значения в русском языке, — обычно слова иностранного происхождения.

Искусственные фамилии ограниченнее в своих основах. Как правило они образуются только от «благозвучных» основ, чем уподобляются каноническим личным именам. Создание искусственных фамилий всегда приводит к своеобразному перебору в существующей традиции. Таким перебором, например, было образование духовных фамилий на -ский по моделям, свойственным русским боярским и польско-украинским дворянским фамилиям, чтобы «облагородить» слишком простые, ничем не выделяющиеся из крестьянских, фамилии русских священников. Основами для таких фамилий, помимо канонических личных имен и названий церквей и церковных праздников, служили также апелятивные основы обычных русских фамилий, переведенные на латинский язык. Фамилия *Скворцов*, переделанная таким образом, превращалась в *Стурницкий, Спокоев* — в *Траквилицкий*. Ср. также трудносопоставимые с русскими: *Мелиоранский, Иорданский, Коринфский, Фармаковский, Хрисанфский*. На севере европейской части России в Олонецком духовном училище в середине XIX в. в один день и час родились две фамилии: *Суперанский* и *Гумилевский*, связанные бинарной оппозицией. Дали их двум бесфамильным мальчишкам, один из которых был сыном сельского священника, а другой — дьякона той же церкви. Так появились две искусственные фамилии, созданные по контрасту. Фамилию *Гумилевский* давали и в других семинариях как кальку русской фамилии *Смирнов*. Фамилия *Суперанский* оказалась единственной в своем роде, нигде не повторенной.

Ряд церковных фамилий от латинских основ образовывался с суфф. -ов: *Аргентов, Флёров, Юстинов*. Были церковные фамилии

с русскими основами — кальками теофорных и псевдотеофорных имен: *Богословский, Богоявленский, Богодуховский, Достоевский, Благоволин, Благодравов, Богосклонов*. Ср. один из латинских прообразов таких фамилий — *Беневоленский*. Ряд фамилий отражал некоторые моменты из евангельских притч (*Виноградов*) или некоторые просто приятные реалии (*Взоров, Розов, Туберозов, Милостин*). Ср. основы фамилий по названиям церковных должностей: *Приоров, Архимандритский, Первосвященский*.

Проблема создания искусственных фамилий возникла в настоящее время в Скандинавии, где число принятых имен, а следовательно и патронимических прозвищ, очень ограничено. Пока скандинавы жили по хуторам и имениям, они отличались друг от друга по названиям земельных наделов, не вводя патронимики в активное употребление: *Свен из Утвассена, Хильда из Сёрм-ланда, Юхан с Оаксена* и т. д. Переселившись в города, они взяли в качестве фамилий патронимические прозвища, в результате чего в скандинавских странах появились тысячи *Свенссонов, Йонсенов, Андерсонов, Юханссонов, Кнудсенов* и т. д. Применяется даже машина по созданию искусственных фамилий по образу и подобию естественных, но люди не хотят расставаться со своими теперешними фамилиями и брать себе искусственные.

Искусственные фамилии отличаются от псевдонимов тем, что они единственные; они записываются в документах и не предполагают наличия другой фамилии, которая, если и существовала когда-то (обычно в виде деревенской прозвищной фамилии), то давно забылась. Псевдонимы не исключают, а наоборот, предполагают, наличие других, настоящих имен и фамилий.

Псевдонимы

Псевдонимы — это особый разряд собственных имен, отношение которого к истинным именам в известной степени такое же, как отношение собственных имен к нарицательным: если объект имеет собственное имя, он обязательно имеет и нарицательное. Если он имеет псевдоним, у него есть обязательно настоящее собственное.

Под псевдонимами в быту понимается вымышленная фамилия. В действительности понятие псевдонима шире: есть псевдоимена, псевдоотчества, псевдопрозвища, псевдофамилии, псевдогеографические названия: греч. ψεῦδος 'ложь', ψεύδω 'обманывать'.

Псевдоимена и псевдоотчества распространены в быту, когда человек по каким-либо причинам переделывает свои истинные. Например, артист, зовущийся в быту *Павел Герасимович*, по документам *Погос Карапетович Лисициан*, что вызвано приспособлением армянского имени к русской речи, к тому же армянск. *Погос* этимологически и исторически соответствует русскому *Павел*. Писатель *Константин Симонов* в действительности *Ки-*

рилл — последний псевдоним, очевидно, вынужденный, так как Симонов плохо выговаривает [л] и [р], возник же он случайно, когда кто-то по инициалу назвал Симонова *Константином*. Баритон ГАБТ Корсов *Богомир Богомирович* был Геринг *Готфрид Готфридович* — «перевод» немецких имен на русский язык. Часто такие псевдонимы бывают у татар: *Михаил* вместо *Мухутдин*, *Алексей* вместо *Али*, у евреев: *Михаил* вместо *Моисей*, *Мендел*, *Мейер*; *Марк* вместо *Мордухай*.

Все это ни в коей мере не может считаться равнозначными заменами или эквивалентами, это псевдоимена, более удобные для повседневного общения. Точно так же очень часто люди разные сложные отчества заменяют простым псевдоотчеством: Артур *Артурович* — Артур *Иванович*, Анна *Адольфовна* — Анна *Андреевна*, Елена *Фердинандовна* — Елена *Федоровна*. При этих заменах обычно сохраняются инициалы, но балерина Павлова Анна *Павловна* была Анна *Матвеевна*.

От подобных псевдоимен и псевдоотществ следует отличать юридически закрепленнуюмену имен и отчеств, примером которой может служить тот факт, когда немецкая принцесса *Софья*, став русской царицей, назвалась *Екатериной II* (жена Петра III).

Многие менялись именами при побратимстве: *Иван* становился *Петром*, а *Петр* — *Иваном*. Многие меняют свои имена и сейчас, но все это не псевдоимена, а просто новые имена, при которых все старые именованья исключены. Это имена единственные, псевдонимы же подразумевают наличие истинных имен. Таким образом, отличие псевдонима от непсевдонима прежде всего в юридическом плане. Как уже отмечалось, псевдонимы-фамилии ближе всего соприкасаются с искусственными фамилиями. Свойство фамилий не отражать никаких черт человека позволяет свободно менять фамилии и принимать псевдонимы. Особенно часты псевдонимы в артистической и писательской среде. Одно время была даже традиция писать под псевдонимами²⁸.

Псевдонимы-фамилии употребляются либо вместе с имеющейся фамилией: Новиков-*Прибой*, Салтыков-*Щедрин*, Мельников-*Печерский*, либо вместо нее: *Горький* вместо *Пешков*²⁹. Псевдонимы могут быть индивидуальные и групповые. Индивидуальные могут различным образом перекликаться с настоящими фамилиями, например, актер П. Д. *Ленский* < *Оболенский*, Г. А. *Бакланов* (баритон) < *Бакис*, *Златогорова* (контральто ГАБТ) < *Гольдбер*, В. Р. *Павлинов* (тенор оперы Зимина) < *Пикок* — англ. павлин, *Остужев* А. А. < *Пожаров* (артист Малого театра),

²⁸ См.: И. Ф. М а с а н о в. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. М., т. I, 1941; т. II—III, 1949; Ю. И. М а с а н о в. В мире псевдонимов, анонимов и литературных подделок. М., 1963.

²⁹ Это не единственный псевдоним писателя. В пародийном жанре он известен как *Евстигней Смертяшкин*. По несколько псевдонимов имели многие писатели, актеры, общественные деятели.

Леонидов Л. М. < Вольфензон (артист МХАТ) — замена основы 'волк' — основой 'лев', М. Дворский < Иосиф Гофман (пианист) — перевод немецкой основы фамилии. Наоборот, можно отметить нерусские псевдонимы, образованные из русских: Сариотти М. И. < Сироткин (бас Мариинского театра), Литвин Фелия < Литвинова Фекла Васильевна (сопрано Мариинского театра), Лифарь С. < Лифарёв Сергей (балетмейстер), Артем А. Р. < Артемьев А. Р. (артист). Однако часто псевдонимы никак не связаны с истинной фамилией: Анатолий Франс — Анатолий Тибо (писатель), Оффенбах Ж. — Леви (композитор), Буренин М. Д. — Малинин (певец), Морской Г. А. — Ягницкий (тенор Мариинского театра), Гарденин С. И. — Коваленко (тенор Большого театра), Ленин М. Ф. — Игнатюк (артист Малого театра), Рашель — Элиза Феликс (трагическая актриса), Тарханов М. М. — Москвин (артист МХАТ), Станицын В. Я. — Гезе (артист МХАТ), Санин А. А. — Шенберг (режиссер), Станиславский К. С. — Алексеев (артист МХАТ), Петров И. И. — Краузе (бас Большого театра), Бакст Л. С. — Розенберг (художник), Давыдов В. Н. — Горелов (артист Александринского театра), он же Вывод.

И в заключение — курьез, связанный с именем выдающегося певца Титта Руффо. У его отца Ореста Титта была любимая собака по кличке Руффо. Он случайно убил ее на охоте и очень об этом скорбел. В это время у него родился сын, которого в память собаки он и назвал Руффо. Певцу, однако, это не понравилось, и он перенес имя на место своей фамилии, вследствие чего стал именоваться не Руффо Титта, а Титта Руффо³⁰.

Групповые псевдонимы относительно редки: Братья Тур — Тубельский и Рыжей, Кукурыникисы — Куприянов, Крылов, Николай Соколов. Можно отметить также цирковые псевдонимы, которыми зовется целая группа жонглеров, наездников, иллюзионистов, а также парные псевдонимы клоунов: Бим и Бом, Мик и Мак, обычно отличающиеся лишь гласными³¹.

Псевдонимы-прозвища в завуалированной форме говорят о каких-либо свойствах именуемого. Так, чтобы ввести в заблуждение царскую цензуру, революционеры прошлого века именовали Жана-Жака Руссо в своей переписке Иваном Яковлевичем Рыжеслуновым, полностью переводя его фамилию и заменяя его французские имена русскими эквивалентами. Иногда за псевдонпрозвищем может скрываться несколько лиц, а иногда и редколлегия. Таковы, например, газетные и журнальные псевдонимы типа Обозреватель, Комментатор. Несколько иного рода псевдонимы работников, связанных с космонавтикой: Главный Теоретик,

³⁰ С. Ю. Левик. Записки оперного певца. Изд. 2. Москва, 1962, стр. 154 (ссылка на книгу Титта Руффо «Моя парабола», 1937).

³¹ Сведения о псевдонимах собраны А. А. Реформатским. См. также его статью «Псевдонимы» в журнале «Семья и школа» (1963, № 6, стр. 43).

Главный Конструктор, Космонавт-Пять (см. «Известия», 20 июня 1963 г.). Ср. также псевдонимы из технических журналов: Quadrate, Cathod Ray, Hans In Allen Gassen. Эти и подобные псевдонимы могут быть поставлены в один ряд с прозвищами, но отнюдь не с фамилиями.

ТОПООСНОВЫ

В основах географических названий разных стран и эпох, как и в антропоосновах, много общего. С одной стороны, существуют определенные экстралингвистические универсалии, обязательно отражающиеся в топонимах, — отсюда типологическое сходство названий разных стран, данных на разных языках. С другой стороны, в каждом языке в каждую эпоху существует ограниченное количество основ, от которых возможно образование топонимов, — своего рода типичные основы. К такому выводу можно прийти, наблюдая историческую смену названий населенных мест Крыма. Оказывается, что топооснов, существующих в каждый данный период у каждого данного народа бывает не бесконечное множество, а ограниченное число, в связи с чем в любую эпоху на этой небольшой территории было много названий-тезок. Анализ гидронимической карты Европейской части СССР дает ту же картину. На смежных территориях оказываются реки с одинаковыми названиями, очевидно, данными примерно в одну и ту же эпоху, что также свидетельствует об относительной бедности возможностей у дававших названия. Ср. *Вязьма* — бас. Верхней Волги и *Вязьма* — бас. Верх. Днепра; *Ильеть* — приток Волги (выше Казани) и приток Камы; *Сула* — приток Казанки и Свияги (почти что напротив друг друга); *Яуза* — пр. приток Ламы, пр. прит. Гжати, л. прит. Литошни — бас. Верхн. Волги и *Яуза* — л. прит. Москвы-реки; несколько рек с названием *Дубна* — бас. Верхней Волги; *Березина* — небольшая речка, правый приток Днепра ниже Смоленска, и большая река *Березина* — пр. прит. Днепра; *Черная* — л. прит. Плюсы и *Черная* — пр. прит. Яны, правого притока Плюсы (Псковская обл.); *Насва* — пр. прит. Смердели и *Насва* — л. прит. Удры, бас. Ловати (начинаются рядом); *Ольша* — пр. прит. Днепра, впадает выше Орши и *Ольша* — л. прит. Каспли (л. притока Зап. Двины) — начинаются примерно в 75 км. друг от друга. В новое время фантазии больше не стало. Так, например, на Волге между Дубной и Астраханью насчитывается по меньшей мере 17 названий населенных мест с основой *Волг-*, *Волж-*, при этом *Приволжск* — 2 названия, *Приволжский* — 1, *Волжск* — 1, *Волжский* — 2, *Волжское* — 1. Термином *Заволжье* издавна обозначалась левобережная Волга, ср. название географической области *Саратовское Заволжье*, сейчас же город *Заволжье*, в нарушение традиции, оказался на правом (напротив Городца, выше Горького). Вблизи Ярославля три населенных пункта носят имя *Некрасова*, а к северу от Астрахани три поселка включают в свои

названия основу *Лебед-/Лебяз-*. В бассейне верхнего Днепра имеется 14 рек с названием *Ректа*, 3 реки *Веть* ³².

В качестве топооснов употребляются как правило слова, отражающие особенности объектов. Может быть, этих характерных черт бывает в каждую эпоху не так много, поскольку апперцепция человека выборочна, а у людей определенного круга, определенной эпохи, определенного культурного уровня эта выборочность бывает также определена: у кочевников — ориентация на местности, у землевладельцев феодальной эпохи — принадлежность земельных участков, в социалистическую эпоху — увековечение героев труда и обороны, понятия, связанные с социалистическим строительством. В каждом языке и в каждую эпоху топоосновы оформляются своим особым, только им свойственным образом, содержание же топооснов не может не быть одинаковым, однотипным, если они даны людьми одного уровня развития, несмотря на то, что они говорят на разных языках. Таким образом, наиболее типичные топоосновы — это слова, обозначающие экстралингвистические универсалии на том или ином языке.

Топоосновы, как и антропоосновы, можно разделить на обязательные (императивные) и необязательные (факультативные). Репертуар первых ограничен материально и типологически, репертуар вторых — очень разнообразен, хотя и в нем выделяются свои типы, некоторые из них представлены сотнями и тысячами примеров.

Подобно антропонимам, топонимы можно разделить на естественно возникшие и искусственно созданные, придуманные. Естественно возникшие топонимы создавались веками, форма их отшлифовывалась в народном употреблении. Искусственные топонимы рождаются в канцеляриях; они даются вновь созданным или переименованным объектам; форма их во многом зависит от языкового чутья изобретателя и от его диалектной базы.

Основы искусственно созданных топонимов имеют определенную политическую окраску. Например, названия на юге Европейской части СССР, отвоеванном у турок в XVIII в., были в значительной степени специально придуманными, многие из них порождены идеями симпатии к Греции. В словообразовательном отношении их роднит элемент *-поль* со значением 'город': *Севастополь* 'священный город', *Симферополь* 'город-собирающий', *Мелитополь* 'медовый город', *Ставрополь* 'город креста', *Езуполь* 'город Иисуса'. Были среди них также названия по именам владельцев или влиятельных лиц — *Кристинополь*, *Мария-Терезинополь*, *Иванополь* (*Янушполь*). Многие новые советские топонимы включают слова, обозначающие реалии социалистической эпо-

³² Н. В. Подольская. Проблема изучения типовых связей названий бассейна одной реки. «III Республіканська ономастична (гідронімічна) конференція (тези)». Київ, 1965, стр. 134.

хи: *Октябрьский, Первомайское, о-ва Октябрьской Революции* и т. д.

Обязательные топоосновы чаще проявляются в названиях физико-географических объектов, а необязательные — в названиях населенных пунктов. В первых больше строгости, системности, закономерности, во вторых больше случайности, правда, как выражается В. А. Никонов, случайность их исторически обусловлена определенным кругом явлений и событий, возможных для одной эпохи и невозможных для другой³³, но даже с принятым ограничением репертуар этих необязательных топооснов практически исчерпаем.

К числу обязательных топооснов относятся различные географические термины — слова, отражающие реально существующие в природе разновидности ландшафта. Словарь Э. М. и В. Г. Мурзаевых³⁴, насчитывающий свыше 2000 местных географических терминов, служит хорошим, однако недостаточно полным перечнем их. Его дополняет «Словарь нерусских географических терминов и слов, встречающихся в географических названиях», составленный С. А. Тюриным и А. К. Яковлевой³⁵, и специальные словари географических терминов, разработанные для отдельных стран и языков сотрудниками ЦНИИГАиК³⁶.

Большинство слов, обозначающих детали рельефа и свойства водных источников, — очень древние, а потому короткие. Средняя длина их (в письменном виде) 3—4 буквы, что создает широкую возможность для омонимии. Так, например, *ала* арабск. 'верхний', тюркск. 'пестрый'; *ак* корейск. 'гора', тюркск. 'белый'; *ван* хант. 'ближний', японск. 'бухта'; *кар* коми 'город', арм. 'камень', кирг. 'снег'; *лор* индонез. 'север', хант. 'озеро'; *шен* арм. 'село', перс. 'песок', фр. 'горная цепь'. Естественно, что в результате смены населения, агрессий, миграций и т. п. первичные топоосновы часто с трудом распознаются, а обросшие многочисленными формантами языков, пришедших на смену, они образуют новые топоосновы, далекие от изначальных.

Как отмечают многие ученые, местные географические термины обнаруживают сдвиги значения. Так, иранск тадж. *дарья* 'большая вода' означает большую широкую реку. В древности

³³ См.: В. А. Н и к о н о в. Введение в топонимику. М., 1965, стр. 20—23.

³⁴ В. и Э. М у р з а е в ы. Словарь местных географических терминов. М., 1959.

³⁵ См.: «Атлас мира. Указатель географических названий». М., 1954, стр. 560—572.

³⁶ А. С. Т и т о в а. Словарь русской транскрипции терминов и слов, часто встречающихся в географических названиях Казахстана. М., 1960; Ф. К. К о м а р о в. Словарь русской транскрипции терминов и слов, часто встречающихся в географических названиях Якутской АССР. М., 1964; О н ж е. Словарь русской транскрипции эвенских и эвенкийских терминов и слов, часто встречающихся в географических названиях Сибири и Дальнего Востока. М., 1967. — Ряд подобных же словарей готовится к изданию.

этим термином называлось и море. Сдвиги значения происходят не только во времени, но и в пространстве. В словаре Э. и В. Мурзаевых при многих терминах (*тайга, парма, полой, тундра* и др.) показано, какими значениями в каких районах они обладают. И не исключена возможность, что варьированию в пространстве эти термины обязаны прежде всего своим варьированием во времени, т. е. один и тот же термин в разное время достигал разных областей; ко времени прихода народа, в языке которого был термин *х*, из области А в область В, значение термина менялось с x_1 на x_2 .

Таким образом, словесно тот же самый термин *х* участвует в топонимии областей А и В. Но в области А он употребляется в значении x_1 , а в области В — в значении x_2 . На этом свойстве изменения значения топооснов может строиться хронология топонимов. Ср. калм., бур., монг. *нор*, *нур* 'озеро', 'пруд', а у эвенков 'море'; удм., коми *нюр* 'болото', манс. *няр* 'болото', хант. *нярым* 'болото', зап.-сиб. *нор* 'омут', 'яма с водой', ср. названия *Нарым, Норильск, Нуры, Норбы*. Это связано и с ландшафтными различиями.

Помимо слов и морфем, обозначающих детали рельефа, к обязательным топоосновам относится также ряд определений, характеризующих свойства объектов. Это слова и морфемы со значением 'хороший', 'плохой', 'добрый', 'злой', 'чистый', 'светлый', 'мутный', 'соленый', 'горький', 'зловонный' и т. п., а также цветовые и числовые определения. Особенно много подобных определений в составе тюркских топонимов и в славянских названиях тех территорий, где имел место контакт с тюркоязычным населением. Таковы, например, названия с определением 'золотой': якутск. *Алдан*, казах. *Алтын-Тёбе*, монг. *Алтан-Булан*. Ср. существующие в окрестностях Телецкого озера народные названия его: *Алтынсор*, *Алтанколь*, *Алтынкуль*. Ср. названия *Золотая балка*, *Золотой курган* в Крыму на территории бывшего тюркского заселения.

Истинность этимологий устанавливается путем соотнесения первичного апелятивного значения основы с географическими особенностями объекта. Например, предполагаемую тюркскую этимологию названия *Саратов* < *Сары-тау* следует принять за истинную, поскольку серовато-зеленая гряда холмов, тянувшихся вдоль Волги с севера на юг, неожиданно обрывается вблизи города. Желтый цвет этого обрыва (в соответствии с особенностью почвы) издали обращает на себя внимание плывущих по реке. Ср. *Белогорское* и *Белогорки* ниже по Волге, где начинаются меловые горы. В Швеции имеется ряд названий населенных пунктов с основой *хольм* 'большой остров'. Было непонятно, почему названия с основой 'остров' даны объектам, лежащим не на море. Загадку лингвистов разгадали геологи, показавшие, что ранее уровень моря у берегов Скандинавии был выше. Море отступило. Острова

соединились с материком. Морфема 'остров' вошла в названия населенных мест, расположенных не на море.

Рядом исследователей ставится под сомнение правомочность некоторых определений, употребляющихся в составе гидронимов и отражающих, как это представляется сейчас, свойства их характера, настроения. Действительно, подобные определения как бы персонифицируют объекты, а отсюда недалеко и до фольклора с его легендами и наивными этимологиями. Ср. названия рек: армянск. *Гехарот* 'сумасшедшая', крымск. *Хаста-баш* 'дурная, шальная голова'.

Может быть, все эти определения и не соответствуют истории возникновения названий, которые могли принадлежать народам, жившим в этих местах еще раньше, но поскольку они воспринимаются на основе функционирующих в данных местах языков и поскольку характер объектов оправдывает присвоение им подобных названий, следует и эти этимологии относить к числу реальных, а не ложных.

Все указанные и ряд подобных слов относятся к обязательным топономам потому, что они отражают объективную действительность, а основная черта физико-географических названий как раз и есть фиксация этой действительности. То, что эта действительность для нас часто бывает утерянной (и, быть может, безвозвратно) из-за давности наименования, не отменяет первичного назначения топонима — фиксировать истинное положение вещей, давать характеристику, выискивать отличительный, дифференциальный признак, выделяющий данный объект из серии однотипных. Иное дело, что для первобытного человека отличительными могли быть признаки несущественные, интегральные с точки зрения современных людей.

Среди цветовых определений, входящих в состав топонимов, встречаются почти все более или менее регулярно выделяющиеся цвета: белый, черный, зеленый, синий (голубой), красный, желтый. Эти определения отмечены в названиях, данных на различных языках, при этом часто они означают не просто (физически) тот или иной цвет, а имеют дополнительные нецветовые значения.

Как показывает В. Михайлович в работе, посвященной сербско-хорватским названиям ветров, ссылаясь на данные М. Филиповича, символика ветров, известная древнекитайским космологам, была перенесена в Европу гуннами, аvaraми, тюрками, монголами. Современные турки и монголы продолжают обозначать восток синим (голубым) цветом, юг — красным, запад — белым, север — черным.

М. Филипович отмечает на территории Югославии многочисленные *Белые берега* и *реки*, в названиях которых, возможно, отразилась старая китайская система ориентации.

Ту же систему В. Михайлович выявляет в названиях ветров ряда областей Югославии ³⁷. Иную цветовую систему в названиях ветров отмечает Э. М. Мурзаев для Азербайджана ³⁸, где *черный ветер* — это западный, а *белый ветер* — восточный. Возможно, это связано с названиями морей, поскольку *Черное море* находится к западу от Азербайджана, а одним из прежних названий Каспийского моря было *Ак-дегиз* — 'белое'.

В речных названиях тюркск. *Қара-су* — это не только черная вода, но и термин, обозначающий водоем определенного типа, при этом вода в нем может быть отнюдь не черной. *Қара-су* — это 1) родник; 2) стоячая вода; 3) тип реки, питающийся выходами грунтовых вод у подножья гор. Вода в *Қара-су* обычно бывает прозрачной. Тюркск. *Ақ-су* — это тип реки, текущей с ледников. В *Ақ-су* вода обычно мутная ³⁹.

В ряде случаев цветовые определения имеют политическую окраску: желтый — царственный цвет у ряда восточных народов, красный — цвет знамени народов социалистических стран; ср. старое русское *красный* в значении 'красивый': *Красная площадь*, *Красная улица* в г. Краснодаре ⁴⁰, *красный холм* — 'лучший пахотный участок' в ряде средне- и северорусских областей.

Из числовых определений, встречающихся в составе топонимов, особенно распространены *два, три, четыре, пять, шесть, семь, десять, двенадцать, сорок, сто, тысяча*. Отчасти это связано с реалиями: *три вершины, пять холмов* и т. п. получают названия, фиксирующие количество представленных объектов, ср. индийск. *Пенджаб* (*Панджаб*) 'пять вод', тюркск. *Беиштау* 'пять гор' и т. п. Однако числа выше шести нередко отражают не истинное количество однотипных объектов, а служат как бы указателями, обозначающими неопределенное множество. Выбор же числительного — *семь, двенадцать, сто* связан с древней символикой чисел, различной у разных народов.

Редкий случай отмечен Г. Е. Корниловым — башкирский ороним *Берсианка* из *берсие* — одна вишня ⁴¹. Однако вторая часть этого названия — обычное существительное, а не географический термин. В оронимии выделение одинокой, отдельно стоящей горы

³⁷ В. М и х а й л о в и ч. Српскохрватски називи ветрова. «Прилози проучавању језика, II. Нови Сад, 1966.

³⁸ Э. М. Мурзаев. Основные направления топонимических исследований. «Принципы топонимики». М., 1964, стр. 31.

³⁹ А. Н. Кононов. О семантике слов *қара* и *ақ* в тюркской географической терминологии. «Изв. Отделения общественных наук АН Тадж. ССР», 1954, вып. 5, стр. 83—85.

⁴⁰ Очевидно, из желания подражать столичному во многих кубанских станицах главная улица зовется также *Красной* (Тимашевская и др.).

⁴¹ Г. Е. Корнилов. К вопросу о способах образования башкирских гидронимов и оронимов. «Вопросы топонимастики», вып. I. Свердловск, 1962, стр. 39. — Ср. название *Бергуль* — одно озеро: О. Т. Молчанова. Тюркские названия озер Западной Сибири. «Языки и топонимия Сибири», I. Томск, 1966, стр. 10.

или вершины по сравнению с группами гор имеет смысл. В других типах названий этого обычно нет. В антропонимах числительное 'один' встречается довольно часто: *Одноглаз*, *Однокоз*, ср. *Первуша*, *Одинец* (единственный).

Интересно, что всем более или менее доступным объектам были даны «земные» названия и лишь отдельные труднодоступные объекты получили имена, связанные с обозначениями богов, неба, небесных тел. Например, название *Тянь-Шань* по-китайски значит 'небесные горы'. Монголы их зовут *Тенгри-ола*⁴², что имеет то же значение. Киргизы же узнали это название лишь недавно из учебников географии. Еще лет сорок назад они называли Тянь-Шань своим *Ала-Тоо* — 'пестрые горы'. Но высшую точку этих гор зовут наполовину по-монгольски *Хан-Тенгри* 'царь неба'. В описание Птолемея (около 100 г. н. э.) включено название *Лунные горы* — у истоков Нила, куда было трудно добраться жителям Ойкумены⁴³.

Существует мнение, что ряд древних названий рек связан с именами богов (согласно греко-римской мифологии, каждая река, ручей или источник имели свое божество, свою нимфу). Имена этих нимф впоследствии стали также употребляться в качестве имен людей. Но какова здесь историческая закономерность, названа ли река по нимфе или наоборот субстратное речное название после более или менее длительного употребления в греческом языке стало отождествляться с именем нимфы, пока неясно. В Азии речным богом Аму-Дарьи и Вахша, ее главного истока, считался *Охшо*, который иконографически слился с Шивой⁴⁴. Связаны ли генетически слова *Вахш* и *Охшо* — вопрос, требующий дополнительных изысканий.

Необязательные основы в составе названий физико-географических объектов встречаются значительно реже, чем в составе названий населенных пунктов. Например, отдельные гряды, скалы Днепровских порогов назывались *Стрельчатая*, *Богатырская*, *Гроза*, *Разбойник*, *Шкода*, *Волчье Горло*, *Лохань*, *Ненасытнейший*⁴⁵. Все эти названия отражают скорее фантазию человека, нежели отличительные признаки камней и участков пути между ними. Сравнение же этих своеобразных топонимов с названиями

⁴² Тюрко-монгольск. *тенгри* تڭرى 'бог', 'божество', 'небо', 'небесный дух' (Л. Будагов. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, т. I. СПб. 1868, стр. 370).

⁴³ Несколько лет тому назад при съемках и картографировании некоторых малонизученных районов Восточной Сибири, давая названия безымянным горам и речкам, топографы также обратились к небесным телам, создав топонимы *Лунный*, *Марсианский* и т. п. Этот эксперимент вызвал неодобрение ряда географов, однако исторически такой подход вполне оправдан.

⁴⁴ «История таджикского народа», т. 1. Под ред. Б. Г. Гафурова и Б. А. Литвинского. М., 1963, стр. 378.

⁴⁵ С. П. Обиорский, С. Г. Бархударов. Хрестоматия по истории русского языка, ч. I. М.—Л., 1938.

камней р. Чусовой показывает сходство образов, положенных в основу названия, своего рода типичность фантазии человека. На р. Чусовой также есть камень *Разбойник*, *Богатырь*, есть и *Шайтан*. Подобие Днепровской *Лохани* можно видеть в Чусовских камнях *Ямоватом* и *Дыроватом*. Есть там также камни *Ревень*, *Глухой*, *Востряк*, *Собачьи Ребра*, *Кобыльи Ребра* ⁴⁶.

В названиях урочищ, особенно в тюркских языках, содержатся намеки на события, происшедшие в данной местности. Обычно это названия-фразы: *Махмет-Гельды* — 'Магомет пришел', *Джез-казган* — '[где] медь копали'. Они ~~не характеризуют~~ объекты с точки зрения их физических свойств, но могут иметь определенное историческое объяснение.

В названиях населенных пунктов обязательных основ значительно меньше, потому что населенное место — это всегда населенное место, и разновидностей его (село, деревня, слобода, город, городок, крепость, выселок, бутырки, хутор, мыза, починок, погост) при всем разнообразии типов поселения все же несравнимо меньше, чем типов рельефа.

Необязательные топоосновы в большей степени историчны, чем обязательные. Последние лишь характеризуют время употребления слова в данном языке в определенном значении, первые же отражают реалии той или иной эпохи. Обращение к различным реалиям также исторично. Например, в Сибири есть населенные пункты *Лейпциг*, *Париж*, *Варшава*, *Берлин*, *Бранденбург*, *Шарлеруа*. Их названия даны солдатами Суворова и Кутузова, поселившимися здесь после войн. Под Самаркандом есть *Париж*, *Мадрид*, *Каир*, *Пекин*; названия даны при Тимуре и его преемниках в честь столиц государств, еще не завоеванных ими ⁴⁷. *Джума* — 'пятница', у мусульман праздничный день недели, — топооснова необязательная, но обычная для эпохи господства мусульманской религии. *Аргуново* — *аргун* владимирск. 'плотник', ср. *Плотников* переулочек в Москве. Основа необязательная; в название населенного места попала в составе имени личного (фамилии) в ту эпоху, когда при образовании географических названий обращались к именам и прозвищам первопоселенцев или владельцев. *При заводе ферросплавов* — городок к северу от Актюбинска — топооснова необязательная. Могла попасть в состав названия населенного места в период бурного развития индустриализации.

Основами вновь создаваемых географических названий могут быть собственные и нарицательные имена. В случае, если за основу берется имя нарицательное, желательно, чтобы оно отражало какую-нибудь отличительную черту объекта. Однако отличитель-

⁴⁶ Л. Г. Г а л у л к о. Названия «камней» реки Чусовой. «Вопросы топонимистики», вып. I. Свердловск, 1962, стр. 45—46.

⁴⁷ И. В. С е р г е е в. Тайна географических названий. М., 1963, стр. 133—134.

ным признаком не может быть свойство, присущее многим объектам, т. е. в тайге название *Таежный* не будет отличительным, как не отличительно в горной местности название *Горный*, в приморской — *Морской*, *Приморский*, на Волге — *Приволжский* и т. д. Наоборот, на Волге будут отличительными названия по ее притокам (в местах их впадения), в горах — по полянам, ложбинам, на равнинах — по возвышенностям, пусть незначительным⁴⁸.

Любое переименование нарушает старые привычные ассоциации, осложняет поиски нужного объекта, вносит диспропорцию в исторически сложившуюся топонимическую систему, а кроме того создает иллюзию новизны объекта, в действительности существующего очень давно. Поэтому топонимические исследования никогда не довольствуются фиксацией современного состояния имен, а сопряжены с кропотливыми архивными изысканиями.

Таким образом, несмотря на указанное разнообразие, основы географических названий оказываются практически обозримыми. Они часто бывают связаны с исторической и диалектной лексикой того языка, которому принадлежат, а также с языками, участвовавшими в формировании топонимии той или иной страны. Поэтому, наряду со словарями географических названий, в которых для определенных целей объединяются реальные названия той или иной территории, составляются и словари топооснов. Так, словарь основ топонимов Англии, составленный А. Х. Смитом, включает помимо древнеанглийских, еще и древнескандинавские, французские и кельтские топоэлементы⁴⁹. Единственное пока что пособие по славянским топоосновам, составленное В. Шмилауэром, преследовало несколько иные цели, в связи с чем оно было построено не на территориальных, а на языковых принципах⁵⁰. Стремясь не пропустить ничего, автор собрал: 1) основы топографического и географического характера: *мох-* (Моховое), *мутн-* (Мутная), *низ-* (Низкое), 2) антропоосновы, встречающиеся в топонимии: *нос* (Носовка), наряду с географическим термином *нос* — 'мыс', и 3) основы слов, связанных с хозяйственной деятельностью человека: *мыт-* (Мытное).

Поскольку пособие предназначается как вспомогательное для составителей общеславянского ономастического атласа, в нем собраны эквиваленты морфем во всех славянских языках (включая и некоторые диалекты), в греческом языке и их перевод на латинский и немецкий языки, что делает работу особенно ценной.

⁴⁸ См.: В. А. Никонов. Закон ряда в географических названиях. «Onomastica», IV—1. Wrocław — Kraków, 1958; Он же. Введение в топонимику, стр. 38—42.

⁴⁹ A. H. Smith. English place-name elements. Cambridge, 1956.

⁵⁰ V. Šmilauer. Příručka slovanské toponomastiky. Praga, Díl I, A—L, 1963; Díl II, M.—L., 1964.

В пособии не всегда четко различие между основой и корнем. С одной стороны, это и не всегда возможно, потому что основа может быть равна корню: *Волк* — и, с другой стороны, с одним и тем же корнем могут образовываться разные основы.

В связи с односложностью многих старых славянских корней среди них немало омонимичных: *пасть* — 1) рот, 2) падать, 3) пасти; *весь* — 1) целый, 2) племя, 3) деревня; *зол* — 1) злой, 2) зола; *жал* — 1) жалеть, 2) жало; *пар* — 1) пара (два), 2) пары (испарения, вспаханное поле) и т. д.

Под влиянием фузии — своего рода преобразований стыкующихся частей морфем — в русском языке многие старые корневые морфемы являются в двух видах, что первоначально зависело от позиции в слове. Там, где фонетические изменения перестали зависеть от позиций и где в сильных позициях эти изменения закреплены фонематически, они отражаются и в орфографии. Так, двойками оказываются корневые морфемы *пак/пач* (пако, паче), *ног/нож* (нога, подножие), *паст/пасть* (пастух, пасти), *пасть/пад* (упасть, падать), (пе) *рек/(пе)реч* (поперек, перечить), *пруг/пруж* (подпруга, пружина), *рог/рож* (рог, отрожье), *сад/саж* (сад, сажать) *сох/сош* (1 соха, сошник; 2 сохнуть, росошье), *струг/струж* (стругать, стружка), *век/веч* (век, вечность), *вид/виж* (видеть, вижу) и т. д. Эти факты не всегда отражаются в пособии.

МОДЕЛИ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН

Рассмотренные выше топо- и антропоосновы — это лишь морфемы, правда ведущие, смысловые, входящие в состав топонимов и антропонимов. Собственные имена могут образовываться из смысловесущих морфем данного языка, имеющих в нем апелятивное значение, а также из особых именных морфем, употребляющихся в данном языке и не имеющих в нем апелятивного значения, равно как из морфем придуманных или заимствованных.

Существует несколько способов образования имен: без всякого словообразовательного акта путем одного лишь переосмысления: *бор* — *Бор*; с помощью аффиксов: *бор* — *Боровое*, *река* — *Заречье*; путем сложения основ: *Косогор*, *Владислав*; путем сочетания слов: *Новая Деревня*. Возможно и сочетание этих способов, например сложение основ с аффиксацией: *Краснозаводск*, *Новослободская*.

Компоненты собственного имени (если только оно не однокомпонентно), всегда бывают в каких-то отношениях друг с другом, иначе они не могли бы объединяться в одно целое. Существует непрерывный континуум степеней взаимоотношенности компонентов: от обычного синтаксического словосочетания (*Петропавловск на Камчатке*, *Петропавловск Камчатский*) до спаянного единства, где ни один компонент не может быть смещен или заменен другим (*Месопотамия*). На более подвижных типах можно наблюдать, как в прошлом формировались типы, неподвижные сейчас.

Обычно каждому типу собственных имен присущи свои определенные модели. Нередко варьирования имен бывают вызваны стремлением говорящих привести нестандартное имя в соответствие с определенной моделью. Перестройке обычно подвергаются имена предыдущих эпох или других языков, исходная структура которых не вполне ясна для членов данного языкового коллектива. В связи с этим следует остановиться на понятиях *внутренняя форма* и *тип*.

Под внутренней формой имени следует понимать его определенную внутреннюю организацию, в соответствии с которой имя было в свое время образовано, своего рода соотношение

значений компонентов. Внутренняя форма имени обычно отражает словообразование, имевшее место в момент первичной номинации. Внутренняя форма одних слов очевидна, других — затемнена, стерта.

В контактирующих языках, а также в языках родственных, встречаются имена собственные с одинаковой внутренней формой, но состоящие из различных материальных элементов в зависимости от особенностей каждого языка. А. П. Дульзон отмечает, что в нижней части Чулыма (пр. приток Оби) одни и те же по внутренней форме топонимы имеются в трех вариантах — кетском, тюркском и селькупском¹. Одинаковую внутреннюю форму имеют и такие имена личные, как еврейское *Матвей*, греч. *Теодор*, серб. *Божидар*. Однако сейчас внутренняя форма этих имен (кроме *Божидар*) непонятна без знания языков, из которых имена заимствованы. С течением времени может стать непонятной и внутренняя форма имен своего языка, потому что они подвергаются переразложению и опрощению (*Маросейка* из *Малоросейка*) или потому, что их компоненты становятся архаизмами (*Куделино*, *Кросино*, *Туинцево*, *Воропаев*, *Мичурин*).

Воспринимая какое-нибудь иностранное или старинное свое слово, человек обычно ищет в нем ассоциаций со словами своего родного языка, ищет внутреннюю форму слова, чтобы лучше понять и запомнить его. «Разбор незнакомого слова на знакомые части является важным средством для запоминания терминов, но нередко производится ошибочно. Если человек мало образован, он обычно изменяет запоминаемое незнакомое слово так, чтобы оно стало прозрачным на почве родного языка»². Так, в морском термине *рынду бей*, получившемся путем устного заимствования из англ. ring the bell, звуковой комплекс, соответствующий английскому глаголу, стал существительным, а соответствующий существительному — глаголом. Английский глагол с артиклем уподобился существовавшему в русском языке слову *рында* 'паж'. Чем древнее имя, чем больше модификаций оно претерпело, заимствуясь из одного языка в другой, тем труднее добраться до его первоначального нарицательного значения. В таких случаях приходится прибегать к историческому исследованию, а иногда значение может быть объяснено только условно, предположительно. Например, в Калифорнии есть несколько географических названий со словом birch 'береза' — дерево, которое там не растет. Считают, что такие названия, как Birch-Creek, были даны по древесной породе, ошибочно принятой за березу или специально названной березой первыми поселенцами, так как это напоминало их родину. Известно, что название Birchville происходит

¹ А. П. Дульзон. Выступление на дискуссии о теории субстрата. «Доклады и сообщения Ин-та языкознания АН СССР», 1956, IX, стр. 102.

² Н. В. Юшманов. Грамматика иностранных слов. «Словарь иностранных слов». М., 1942, стр. 808.

не от березы, а от человека по фамилии L. Burch (омофоны). В дальнейшем, по ассоциации с березой, и в названии изменилось на *i*.

Происхождение же названия Bicycle Lake объяснить невозможно. Быть может, внутреннего форма этого слова новая, созданная на основе народной этимологии, которая говорит, будто на берегу этого озера был найден старый ржавый велосипед. Более убедительного объяснения нет. Очевидно, первоначальная внутренняя форма утрачена, а в современном названии имеет место какая-то лингвистическая замена ³.

В немецком Mailand из итальянского Milano произошла подстановка другого слова благодаря фонетической близости итальянской части слова lano, не имеющей здесь самостоятельного значения, с немецким Land (земля), первая же часть названия ассоциировалась со словом *май*. Подстановку одного слова вместо другого находим и в русской былинах про Ивана Грозного; он «подкоп подводил под *Булат-реку*», вместо *Булак* (тюркск. — 'ручей', 'река'). Все это разные проявления народной этимологии, стремление расшифровать непонятное.

Некоторые гостиницы существуют в Англии чуть не с эпохи Средних веков. Названия их не менялись, однако подверглись подобным же переосмыслениям в связи с тем, что входящие в них слова перестали быть понятными. Так, в современном Elephant and Castle едва ли можно узнать прежние Infante de Castille, а в Goat and Compasses — God encompasseth us ⁴.

Интересны в этом отношении старые церковные названия улиц и переулков, связанные с реалиями, мало понятными современному молодому и среднему поколению. Например, в Москве, в районе Зубовской площади, есть *Неопалимовский* переулок; название имеет своим истоком церковную легенду о неопалимой купине — огненном кусте, который горит и не сгорает (аллегорическое изображение материнской любви). С. И. Ожегов в 50-е годы отмечал, что многие произносят его как *Нэо-палимовский*, *Нэо-полимовский*, (ср. *неолит*, *неофутуристы* и т. д.), морфологизируя первую часть слова на греческий лад и превращая вторую в подобие названий от фамилий. Н. А. Слюсарева в 60-е годы отметила дальнейшую градацию этого названия: *Ново-Палимовский*, с переводом псевдогреческого *нео-* на русский язык. Н. А. Слюсарева наблюдала интересное переосмысление названия и еще одного переулка: *Зачатьевский* > *Зайчатевский* (теперь ул. Дмитриевского, примыкает к Метростроевской ул.). Название дано по церкви Непорочного зачатия девы Марии. В связи с тем, что реалия перестала быть понятной, название в народном употреблении превра-

³ См.: E. G. G u d d e. California place names (a geographical dictionary) Berkeley, Los Anseles. Calif., 1949.

⁴ Сведения эти любезно сообщила автору Лойс Спенсер, доцент Лондонского университета.

тилось в обычное образование от фамилии (*Зайчатъев*). Название *Азербайджан* в произношении некоторых русских превращается в *Айзербайджан*, очевидно, под влиянием *Ай-Петри*, *Ай-Василь*, а груз. *Веселидзе* — в *Веселидзе*, под влиянием названия соседнего русского селения *Веселое*.

Слово т и п употребляется в ономастике в разных значениях. Говоря о разных типах имен, имеют в виду топонимы и антропонимы, личные имена и прозвища и т. п. Тип может быть понят и словообразовательно (В. А. Никонов), и тогда аффиксация или сложение основ в целом выступают в качестве типов, хотя и то и другое относится скорее к способу словопроизводства, нежели к характеристике получающихся в результате этих процессов слов.

Представляется, что понятие «тип» не следует сужать до одного лишь способа словопроизводства, так как среди аффиксальных имен, как и среди полученных сложением основ (а не слов, как пишет В. А. Никонов), могут быть свои типы, характеризующиеся той или иной особенностью сложения или определенной формой какого-нибудь падежа — генитивный тип (улица *Горького*, о-ва *Общества*), тип *pluralia tantum* (*Афины*, *Соединенные Штаты*, *Выселки*), тип двойственное число (*Бахрейнские* о-ва — арабск. *Бахрейни* — 'двух морей'), тип с редупликацией (*Ахтар-Бахтар*, *Джур-Джур*). Типы могут строиться и на логических отношениях компонентов имени: атрибутивный, посессивный, независимо от способов выражения.

В. А. Никонов высказывается против измельчания понятия «тип», за его широкое понимание, без чего, по его мнению, невозможно «выяснение основных типологических закономерностей топонимики»⁵. Однако это может быть и не так. Прежде всего есть типы объектов, которым свойственны определенные типы имен, например определенной категории микротопонимов в тюркских языках присущи названия глагольного типа, в то время как для названий населенных пунктов предпочитают определительные сочетания. В славянских языках, наряду с обилием аффиксальных топонимов, имеется множество антропонимов, образованных путем сложения основ. В германских языках, при преобладании в топонимии сложения основ, фамилии часто бывают аффиксальными, а для уменьшительных имен аффиксация — это почти единственное средство образования. Таким образом, и аффиксация, и сложение основ представлены и в славянской, и в германской ономастике, правда распределение этих способов по типам имен в обоих языках различно, хотя ни одному типу имен ни сложение основ, ни аффиксация не чужды. Понятие типа не может быть тотальным, и нет прямого равенства: ономастике такого-то

⁵ В. А. Н и к о н о в. Славянский топонимический тип. «Географические названия» (серия «Вопросы географии», сб. 58). М., 1962, стр. 17.

языка — такой-то словообразовательный тип. Можно говорить лишь о преобладающем способе соединения элементов имен.

Если взглянуть на факты ономастики глобально, то, наоборот, можно выделить множество словообразовательных типов, в разной степени представленных в разных языках и на разных территориях, переходящих из одной страны в другую, сужаясь и расширяясь, видоизменяясь и все же оставаясь в определенных рамках. В связи с этим можно говорить о глобальной типологии ономастических систем, при которой определенные значения или отношения выражаются средствами разных языков, имеющими или не имеющими между собой материальную общность.

Типологию следует отличать от классификации. Типы существуют вне нас и помимо нас, а классификацию создаем мы, объединяя или разъединяя на основе принятой нами платформы те или иные типы. Так, исходя из межъязыковых универсалий и опираясь на логическое начало, мы в атрибутивную группу объединяем и турецкий изафет, и германское сложение основ, и славянское определительное словосочетание. Исходя из словообразовательных возможностей какого-либо определенного языка, мы обязаны выделить все аффиксы и все типы словосложений, и каждая мельчайшая рубрика будет своего рода типом (или подтипом). Сравнивая данные такого анализа для ряда языков, выясняем, чем система имен в языке А отличается от системы имен в языке В. При укрупненном же понимании типа все эти нюансы пропадают. Необходимо лишь отдавать себе отчет, о какой классификации идет речь: словообразовательной, апелятивно-семантической или релятивно-логической. Чтобы избежать расплывчатости в понимании типа при словообразовательной классификации, можно пользоваться термином *модель*, который в данном случае будет однозначным. Однако понятие *модель* подразумевает продуктивность, а тип может таковым и не быть.

Н. А. Янко-Триницкая, помимо термина *модель*, вводит еще и более частный — *образец*, понимая под моделью «структурную схему производных слов с указанием аффиксов и категориальной характеристикой производящей основы», а под образцом — «структурную схему производных слов с указанием аффиксов, а также семантики производящей основы»⁶. Таким образом, одни модели могут быть представлены единственным образом, а другие — несколькими. Эта закономерность, описанная Н. А. Янко-Триницкой на материале имен нарицательных, справедлива и для собственных имен. Но в связи с ослабленностью семантики эпонима понятия *модель* и *образец* будут отличаться в ономастике различной степенью точности и детализации категориальной характеристики производящей основы. Например, при

⁶ Н. А. Янко - Триницкая. Закономерность связей словообразовательного и лексического значений в производных словах. «Развитие современного русского языка». М., 1963, стр. 85—86.

общей модели отчеств на -ович (-евич), если основа имени оканчивается на -в, между *в* и *евич* вставляется *л*: *Яковлевич*, *Иовлевич* (*Иевлевич*) — особый образец. Ср. общий и регулярный образец *Иван* — *Иванович*, *Карп* — *Карпович*.

В образовании имен собственных участвуют не все словообразовательные средства языка, а лишь строго определенные. А тот факт, что для имен собственных в разных частях одной и той же страны, пользующейся одним и тем же языком, могут использоваться разные, порой и совершенно не похожие друг на друга словообразовательные модели, не всегда представленные в литературном языке, заставляет о структуре собственных имен и способах их образования говорить особо, отдельно от имен нарицательных.

Деление объектов на крупные (и, следовательно, хорошо известные не только на месте, но и далеко за пределами данной области) и мелкие (известные на ограниченном пространстве ограниченному числу людей), как и людей на всемирно известных и знакомых лишь односельчанам — реальный экстралингвистический факт. Вместе с субъектом или объектом делается известным и его имя, и модель, по которой это имя образовано. Так экстралингвистические факты сочетаются с лингвистическими: известность объекта влечет за собой известность имени, а та в свою очередь влияет на популярность или непопулярность тех или иных словообразовательных моделей. Так субъективный факт (личное знакомство большего или меньшего числа говорящих на данном языке с человеком и его именем) превращается в факт объективный — продуктивность или непродуктивность данной словообразовательной модели. Так, например, в русском языке около тысячи лет употребляется имя *Адриан* < лат. 'житель Адрии'. Как не вполне соответствующее русским орфоэпическим нормам, оно развило несколько народных разговорных вариантов: *Адриан*, *Адриян*, *Андреян*, *Адриан*. Когда один из первых советских космонавтов *Андреян* Николаев сделался всемирно известным, в честь его появились маленькие *Андреяны*, при этом исходной и ведущей сделалась не латинская словообразовательная модель, а модель имени Николаева, хотя до этого она квалифицировалась в стилистическом отношении как просторечная.

Известность — неизвестность определяется не только местом нахождения объекта или субъекта и знающих или не знающих его людей, но и их занятием. Это, в частности, относится к микротопонимам. Помимо того, что микротопонимы того или иного района обычно бывают достоянием жителей одного или нескольких населенных пунктов, они, оказывается, бывают известны не всем лицам, живущим в данной местности, а лишь людям, заинтересованным в их существовании. Так, например, женщины того или иного села могут и не знать названий тоней и мелей, где их мужья ловят рыбу, равно как последним могут быть незнакомы

названия частей леса, где их жены собирают грибы или ягоды. Таким образом, ряд микропонимов относится к профессионально-диалектным собственным именам. Существует немало моделей микропонимов, причем некоторые из них в определенной местности могут быть очень стойкими. Например, А. В. Никитин прослеживает современные модели названий мелей и тоней Северо-Запада РСФСР вплоть до новгородских памятников XII в.⁷ И все же модели эти остаются незнакомыми для рядовых горожан, изучающих географию в объеме школы.

В зависимости от степени известности имена собственные воспринимаются по-разному и соответственно встречают разное отношение к себе. Хорошо известные названия понятны без сопровождающих слов, названия менее известные обязательно сопровождаются родовыми поясняющими словами. Названия более известные нормально склоняются, если их форма поддается словоизменению. Склонение менее известных названий вызывает неловкость. Ударение более известных названий обычно стабильно, ударение менее известных — колеблется.

Разным типам собственных имен первоначально были свойственны свои особые модели. Однако эта изолированность в настоящее время не сохранилась, поскольку происходит постоянный взаимообмен типов имен: личные становятся основами фамилий, и те и другие входят в состав географических названий, а от последних в свою очередь образуются фамилии и личные имена.

Наибольшим разнообразием типов обладают топонимы, затем идут зоонимы, фамилии и, наконец, личные имена. Для того, чтобы более четко показать особенности каждого типа собственных имен и выделить присущие ему модели, в дальнейшем изложении отдельно рассматриваются антропонимы и топонимы.

МОДЕЛИ АНТРОПОНИМОВ

Т. Милевский⁸ отмечает, что в каждой общественной группе может быть антропонимическая система, позволяющая однозначно называть каждого нового члена общества. Он выделяет три главных типа антропонимических систем: одноименную, двуименную и трехименную. Примером первой может служить польская система XII—XIII вв., когда человек назывался одним именем, а добавочные патронимические или оттопонимические определения

⁷ А. В. Никитин. Названия рыболовных угодий Калининской, Новгородской и Псковской областей (опыт анализа топонимов-ориентиров). Автореферат канд. дисс. М., 1967.

⁸ T. Milewski. Słowiańskie imiona osobowe na tle porównawczym. «Z polska studiów sławistycznych (Prace na V Międzynarodowy kongres sławistów w Sofii, 1963. Seria 2. Językoznawstwo)». Warszawa, 1963, стр. 101—104

имеют вспомогательный характер и встречаются редко; примером второй — современная польская (*Адам Мицкевич*); примером третьей — современная русская: имя, отчество, фамилия (*Иван Петрович Киселев*) или латинская: *praenomen, nomen, cognomen* (*Gaius Julius Caesar*). Но у римлян практиковалась и четырехименная система: *praenomen, nomen, cognomen, agnomen*: *Публий Корнелий Сципион Африканский*⁹. Римские *cognomen* — соимья и *agnomen* — добавочное имя впоследствии объединились и дали фамилии в нашем современном понимании, а личные и родовые имена объединились в категорию личных имен.

У арабов выделяется 8 типов имен, причем 5 из них в классический арабский период были почти обязательными, а остальные три употреблялись в особых случаях. Это:

1. *Ism 'alam* (*al ism al 'alam*) — личное имя в строгом смысле слова, которое давалось при рождении: *'Amr, Al-Abbas, Zaynab*.

2. *Kunya* — прозвище, *cognomen*, показывающее родственные отношения: *abū 'Amr* — 'отец Амра', *umm Zaynab* — 'мать Зейнаб'.

3. *Nasab* — генеалогическое имя по предкам (отцу, деду); *Ibn Ibrahim* 'сын Ибрагима', *bint Butrus* — 'дочь Петра'.

4. *Laqab* — добавочное имя, титул, возвеличивающий эпитет: *Šams al ma'ālī* 'солнце благородства'; наиболее сложный элемент арабской ономастики, связанный с реалиями, костюмами, идеями мусульманской цивилизации, что часто остается непонятным для европейцев.

5. *Nisbah* — эпитет отношений, тесно связанный с *Nasab*, но в отличие от последнего обозначает этнические и географические отношения людей: *al-'Arabi, al-Rūmī*.

6. *Ism manṣab*, или *ism al-manṣib* — титулы достоинства или почетные прозвища, соотносимые с лат. *cognomina*; позже превращаются в фамилии. Часто связаны с названиями профессий. По форме напоминают *насаб* или *нисбу*.

7. *Takhalluṣ*, или *makhlaṣ*, — имена поэтические, фантастические, особенно у персидских поэтов и писателей — антономасия (*khalāṣa*): *Rūdagi* — из города *Rūdag*, *Firdawsī abūl Qāsim* 'райский' (по характеру произведений — он прославлял султана Махмуда). В качестве *такаллусов* употреблялись также фразы из стихотворений.

8. Термины знаменитости, известности — антономасия. В качестве таковых давались *исм-алам*, *кунья*, *насаб*, *лакаб* и *нисба*: например, *Muwaffaq al-dīn 'Abd al-latīf b. Yūsuf al Baghdadī* известен как *'Abd al latīf*¹⁰.

⁹ «Античные теории языка и стиля». М., 1936, стр. 121.

¹⁰ L. Caetani, G. Gabrieli. *Onomasticon arabicum*, v. I. Roma, 1915.

Термин *автономасия* мало знаком лингвистам. В «Словаре иностранных слов» (М., 1954) он дан в форме *автономазія* (греч. *ἄντ-ονομαζω* — переименовывать, например, города, а также употреблять местоимения; *ἄντ-ονομασία* — риторическая фигура — замена имени эпитетом, автономасия: *Пелеев сын, Пелеид* вместо *Ахиллес*)¹¹ и определен как «замена имени нарицательного собственным: *Крез* вместо *богач*, род метонимий».

Иначе понимает автономасию Л. Н. Андреева. Для нее это — «самостоятельный стилистический прием языка»¹², основанный на одновременной реализации двух типов лексических значений — основного и контекстуального, предметно-логического и назывного¹³. Согласно мнению Л. Н. Андреевой, автономасия — это в первую очередь так называемые говорящие имена и фамилии: мистер *Фокс* 'лисица', мистер *Хедстоун* 'каменноголовый', мистер *Фейсинг-Боут-Уэйз* ('смотрящий в обе стороны', мистер *Вашим-и-Нашим*). В последнем случае, по определению автора, отмечено автономастическое сочетание¹⁴. Все перечисленные именованья Э. Б. Магазаник относит к поэтической ономастике, не наделяя функциями автономасии¹⁵.

Лишь в середине работы Л. Н. Андреева говорит о двух видах автономасии, постоянно действующей (имена-характеристики, служащие единственным средством индивидуализации данного лица в любом контексте) и ситуативной, возникающей в какой-либо речевой ситуации наряду с уже имеющимся реальным именем и не полностью заменяющей его: *Ричард* и *Ученик Дьявола* (у Б. Шоу)¹⁶.

В свете изложенных выше фактов представляется, что собственно автономасией является лишь ситуативная — второй тип, недостаточно освещенный Л. Н. Андреевой.

В. Н. Михайлов вслед за А. А. Потемней понимает под автономасией переносное употребление имен исторических лиц. Согласно мнению А. А. Потемни, автономасия (разновидность синекдохи) представляет собой явление аллюзии. Это своего рода намек, поэтическая ссылка на факт, известный читателю. А. А. Потемня понимал автономасию очень широко, включая в нее разные случаи употребления известных собственных имен. Его последо-

¹¹ И. Х. Дворецкий. Древнегреческо-русский словарь, т. I. М., 1958.

¹² Л. Н. Андреева. Лингвистическая природа и стилистические функции «значащих» имен (автономасии). Автореф. канд. дисс. М., 1965, стр. 4.

¹³ Там же, стр. 5—6.

¹⁴ Там же, стр. 9.

¹⁵ Э. Б. Магазаник. Поэтика имен собственных в русской классической литературе. Имя и подтекст (автореф. канд. дисс.). Самарканд, 1967.

¹⁶ Л. Н. Андреева. Указ. соч., стр. 10.

ватель В. Харциев ограничивал антономасию случаями употребления собственных имен в качестве нарицательных ¹⁷.

Как показывают арабские и греческие примеры, в древности антономасия понималась в широком плане и была обычным приемом в именовании, когда, чтобы возвеличить человека, называли его именем другого, прославившегося чем-либо, или, при возможности именовать различными способами, употребляли одно имя вместо другого. Считалось, что кунья возвеличивает человека. В течение жизни к его имени присоединялись новые куньи. Иногда кунья употреблялась в качестве имени личного. В домашнем кругу кунья обычно не употреблялась.

Формула: kunyah + ism 'alam + nasab + nisbah + laqab была известна уже в IV в. В первые века ислама она несколько видоизменилась: nisbah и laqab поменялись местами: Yas ad Din Abu Fāth Omar Ibn Ibrahim al Hayami an Nišaburi — 'Опора Веры, отец Фатха, Омар сын Ибрахима, Строитель Шатров из Нишапура'. Куньи до ислама редки и скорее метафоричны. Элементы abu, umm в них $\approx$ dzū, sāhib 'господин', 'госпожа', 'обладатель(ница)'. Среди них многие продиктованы табу той эпохи, когда имя отождествлялось с его носителем, когда из суеверия имя держалось в тайне. Текнонимы, или имена, отражающие генеалогию, были одним из видов этого иносказания.

По структуре арабские имена делятся на простые, состоящие из одного слова (mufrad, или ghayr murakkab): Zayd, Battah, 'Amr, и составные (murakkab), которые в свою очередь делятся на: 1) ġumlah, или murakkab isnādi — предложения, или предикативные комплексы: Baraq naḥruh 'трепещет душой', Mā-šā-llāh 'кого бог зовет'; 2) ghayr ġumlah — не предложения. Они в свою очередь делятся на: а) murakkab idāfi, или mudāf wa mudaf ilayhi — составное имя с дополнением, где один элемент управляет другим: Dzū-l-Nūn — 'рыболов', 'господин рыб', 'Abd Allāh — слуга бога', Imru-l'-Qays 'человек из Аль-Кейса', и б) murakkab mazġi — фюзия типа ḥadra/mawt с ложной вторичной этимологией ḥadram + ōt (ūt). Сюда же относят персидские имена типа Sibawayh с формантом wayh.

В настоящее время арабы переходят к обычным фамилиям, т. е. к двуименной системе имя — фамилия, в связи с чем приведенная выше формула не соблюдается полностью. Отдельные части прежней формулы, отдельные куньи, лакабы, нисбы закрепляются в виде фамилий у отдельных лиц, записываются в документах и передаются потомству. Классическое именование сохраняют по традиции лишь отдельные титулованные особы. В связи

¹⁷ А. А. Потебня. Из записок по теории словесности, II. Харьков, 1905, стр. 226—229; В. Харциев. Элементарные формы поэзии. «Вопросы теории и психологии творчества», т. I. Изд. 2. Харьков, 1911, стр. 373; В. Н. Михайлов. Собственные имена как стилистическая категория в русской литературе. Луцк, 1965, стр. 18, 32.

с указанными изменениями в системе именований элементы *умм* у женщин и *абу* у мужчин перестали обозначать «отец» и «мать», а употребляются в фамилиях со значением 'владелец', 'хозяин' и даже просто для передачи неличной принадлежности, как слова-конструкции. Так, *Абу-Бакр* не значит теперь 'хозяин молодого верблюда', а может быть просто чем-то вроде фамилии *Верблюдов*¹⁸, а *Умм-Кульсум* не 'мать румянца', а нечто вроде фамилии *Краснощекова*.

У тюркоязычных народов эта формула именования облекалась в свои национальные формы с патронимическими частицами: перс. *заде* 'рожденный', тюркск. *оглы* (*оглу*) 'сын', *кызы* 'дочь'. Эти морфемы сохраняются и сейчас в фамилиях жителей тюркоязычных республик нашей страны: *Махмедкызы*, *Юсуфоглы*, *Мамедзаде*. При этом теоретически патронимические частицы могут наслаиваться друг на друга: *Мамедзадекызы*, *Мамедоглыкызы* 'дочь Мамедзаде', но на практике этого избегают, и дочь *Мамедзаде* называют либо *Мамедкызы*, несмотря на то, что Мамедом был не отец ее, а дед, либо она получает неизменяемую фамилию *Мамедзаде* (*Мамедоглы*) в форме, принятой у мужчин. Параллельно с этим есть тенденция заменять перечисленные частицы русскими суфф. -ов, -ова: *Мамедова*, *Юсуфов*, *Юсупов*.

Большие мастера придумывать имена — японцы. Согласно их преданиям, человек с длинным именем долго живет. Японские длинные имена пародируются в народных комедиях, где обычно один вспоминает, как его зовут, а другой ему подсказывает или один диктует свое имя другому, а тот его перевирает. Слова, составляющие такие имена, обычно ничего не значат в японском языке, но по мере того, как их повторяют, меняют местами и путают, они начинают вызывать у слушающего различные забавные ассоциации, и чем дольше владелец длинного имени пытается вспомнить, как его зовут, или добиться того, чтобы его собеседник правильно записал это имя, тем больше смеются слушатели. Пример такого имени имеется и в изданных у нас японских народных сказках, где мальчика зовут *'Оньюдо Кбнюдо Мнп-пира Нбнюдо Хйранюдб Сэйтаканбнюдо Хариманббэтто Хэйто-ко Хэйтоко Хэйханокб* и т. д., всего 30 слов¹⁹.

Тот факт, что именные системы чаще всего содержат от одного до трех и, реже, четырех имен, не случаен. Это количество определяется объемом оперативной памяти человека. Как показал В. А. Москович, основываясь на данных Дж. Миллера и В. Ингве,

¹⁸ У тюрков и кавказских народов это сочетание обратилось в одно слово и стало личным именем: *Абубекір*, *Абубакір*.

¹⁹ «Длинное имя. Японские народные сказки». Перевод и обработка Н. Фельдман. М., 1965, стр. 72—78. — В той же сказке в переводе В. Марковой (сб. «Десять вечеров». М., 1965, стр. 128—130) то же имя дается: *Бонза-большой, Бонза-маленький, Бонза-над-всеми-бонзами-бонза, Бонза-толстяк, Бонза-в-мошне-деньгами-бряк* и т. д.

«оптимальным (средним) количеством элементарных символов в одной более крупной единице знаковой системы является интервал в 1—4 символа, максимальным — в 5—9 символов»²⁰. Очевидно, именование людей как раз относится к таким более крупным единицам, для которых максимальное число единиц более низкого порядка — 4. В связи с тем, что человек не в состоянии удерживать одновременно в своей оперативной памяти более, чем 5—9 цифр, букв, слогов, слов, пиктограмм, музыкальных тонов и т. п., величина максимального соотношения уровня слов и морфем в различных языках равна 7 ± 2 морфемы на слово. Нижняя граница этого интервала — 5 морфем на слово — наблюдается в ряде изолирующих языков, верхний предел — 9 морфем — в языках синтетических и полисинтетических, использующих агглютинацию. В языках с внутренней флексией максимум равен 5—6 морфемам. Наблюдается корреляция между количеством морфем в слове (глубиной) и количеством слогов (длиной) его²¹. Заметим, что слоговой анализ русских фамилий показывает, что наиболее типичная длина их — три слога (в форме им. ед. муж.), двусложные и четырехсложные встречаются довольно часто, пятисложные — большая редкость, а шести-, семисложные практически почти не встречаются. Длина имеющихся в материале украинских фамилий не превысила пяти слогов, польских, белорусских, сербских, болгарских — четырех²². Таким образом, и здесь сказывается ограниченность оперативной памяти человека, что подводит теоретическое обоснование под эмпирически полученные факты.

Интересно, что в Америке, где имена артистов кино и театра служат своего рода товарными знаками, желая стать актером, человек прежде всего придумывает себе псевдоним, и основные требования, предъявляемые к псевдониму театральными агентствами, — краткость, ясность, благозвучность и желательность аллитерации. Считается, что *Гарри Мур* лучше, чем *Мортон Голдпейпер*, а *Тони Беннет* лучше, чем *Антони Бенедетто* (актер — итальянец по происхождению). Особенно звучными одно время считались имена, содержащие *p*: *Рой Роджерс*, *Катрин Грейсон*, *Джордж Бернз*²³.

Одноименные системы наиболее древние, так как связаны с примитивной стадией развития общества. Т. Милевский считает,

²⁰ В. А. Московиц. О пределах усложненности структуры единиц различных знаковых систем. — Материалы к конференции «Язык как знаковая система особого рода». М., 1967, стр. 50; О н ж е. Глубина и длина слов в естественных языках. — ВЯ, 1967, № 6.

²¹ В. А. Московиц. О пределах усложненности структуры единиц различных знаковых систем, стр. 49.

²² А. В. Супранская. Ударение в собственных именах в современном русском языке. М., 1966, стр. 124, 140, 145, 150, 160, 163.

²³ E. C. Smith. Treasury of name lore. New-York — Evanston — London, 1967, стр. 122.

что имена, этимологизирующиеся в данном языке (др.-польск. *Болеслав* 'имеющий больше славы'), относятся к молодым антропонимическим системам, которые структурно связаны с системой языка. В молодых антропонимических системах почти любое полнозначное слово может быть именем. Такие системы отличаются богатством и разнообразием форм. Со временем они подвергаются ограничению: более «сильные» категории вытесняют более «слабые», многие компоненты перестают быть понятными: *Болеслав* в современном польском языке воспринимается как 'боли, слава!'. Первичная структура стирается, а молодые системы становятся старыми. В глубокой древности молодыми были системы шумерская и аккадская в Месопотамии. Позже были известны молодые системы у американских индейских племен, из которых лучше других известна ацтекская. Выступавшие в них имена имели первичное значение (суффиксальные образования, словоизменение, вербальные обороты). Предполагается, что подобная же первичная система имен была у племен, говоривших на праиндоевропейских диалектах. Наиболее же архаичные из засвидетельствованных индоевропейских систем (санскритская, авестийская, греческая, галльская) были уже достаточно продвинуты в своем развитии, так как сложные имена в них не образовывались по любому поводу. Они превратились в застывшие формы и одни элементы их могли употребляться лишь в начале, а другие — в конце. Так, глагольный элемент употреблялся в конце следующих имен: скр. *Satru-han* 'тот, который врагов убил', авест. *Aša-stū* — 'тот, который молился Аше', греч. *Ἀνδρο-δάμας* — 'тот, который мужей поработил', галльск. *Virido-vix* 'тот, который мужественно боролся'. Глагольный элемент в начале отмечается в таких именах, как скр. *Sad-aśva* 'тот, который сидит на коне', греч. *Τλη-πόλεμος* 'тот, который выдерживает борьбу', лит. *Vỹ-tautas* 'тот, который боится людей'.

Традиционно выделяется три типа индоевропейских имен: 1) сложные имена (скр. *Aśva-pati* 'господин коней'); 2) имена, образованные из сложных путем их сокращения и последующего расширения специальным суффиксом (скр. *Aśva-la*); 3) апеллятивные имена, т. е. нарицательные, употребленные в качестве собственных (скр. *Mūṣika* 'мышь'). Эти типы имен прослеживаются с самого начала исторической эпохи в девяти группах индоевропейских языков: индийских, иранских, греческом, кельтских, иллирийском, фракийском, германских, славянских, балтийских.

Самой молодой из перечисленных систем имен считается славянская, в которой апеллятивное значение имен до сих пор еще не полностью утрачено. Германские и балтийские имена давно уже образуются с помощью подстановки известных компонентов имен по определенной схеме. Механизация и связанное с ней ста-

рение славянских имен начинаются в Средние века (XIV—XVI вв.). Тогда же славяне переходят к двуименной (а русские к трехименной) системе ²⁴.

Близкими к молодым праиндоевропейским системам были в самой ранней дошедшей до нас стадии имена индийские и греческие, известные с XV в. до н. э., иранские (с VI в. до н. э.), кельтские (с III в. до н. э.), когда они свободно образовывались без морфологических схем и были близки к нарицательным. Но уже к началу новой эры отмечается старение этих именных систем. О том, что имена образовывались согласно определенным схемам, а не по любому поводу, свидетельствуют, например, такие факты, как то, что в хеттском языке сложных апелятивов не было, а сложные собственные имена были, или что в праславянском сложных апелятивов было мало, а сложных собственных имен — много.

Антропонимические системы разных групп индоевропейских языков развиваются в русле прасистемы, претерпевая различного рода отклонения от первоначальной линии развития, вызванные чаще всего контактами с неиндоевропейскими языками.

Появление антропонима изменялось от эпохи к эпохе и от народа к народу. Первоначальные антрононимы-прозвища синтетически объединяли в себе современное имя и фамилию. С возникновением канонизации личные имена отмежевываются от прозвищ, становясь классом фиксированных слов. С развитием официальной документации в особый класс выделяются фамилии, для которых юридическая сторона делается важнее лингвистической. Свободно варьирующими остаются сокращенные личные имена и различного рода прозвища, выполняющие порой роль вторых, неофициальных фамилий.

Переход от одноименной системы к многоименной был в различных странах и языках различным. В Западной и Центральной Европе сейчас обычно дается несколько имен при одной фамилии: англ. *Уилфред-Бернард-Антони Смитсон*. В Испании и Латинской Америке, помимо нескольких имен, человек получает

²⁴ Общепринятое мнение, что система именований у русских не была более, чем трехчленной, нуждается в серьезной проверке. Изучение диалектного материала, начатое И. Т. Поротниковым, Е. Ф. Данилиной и др., с одной стороны, и исторических актовых записей, начатое С. И. Зининым, Н. Н. Бражниковой и др., с другой стороны, дает основания полагать, что система *имя, отчество, фамилия* не только не всегда была основной в именованиях русских людей, но и сейчас в сельских местностях остается второстепенной, употребляющейся лишь в официальных случаях. Запись имен в исторических документах, например: *Бутырского полку солдата Данилы Афанасьева сына Бундорова сын его Андрей Бундоров или Ивановская жена Васильева сына Коробкина вдова Агафья Петрова дочь* (XVIII в.) позволяет думать, что и слова типа *солдат, кузнец, вдова* были обязательным элементом официальных именований в прошлом (примеры С. И. Зинина).

и несколько фамилий²⁵. Простейший пример двойной испанской фамилии — механическое сложение фамилий отца и матери: *Валье-и-Адаро*, *Алимани-и-Болуфер*, *Капабланка-и-Граупера*. Более сложные случаи — добавление фамилий деда и бабушки.

В русской юридической практике двойные личные имена встречаются крайне редко: *Клара-Юлия* Иосифовна Самойлова, *Анна-Алина* Ивановна Столярова, *Орест-Федор* Федорович Мартинцов. Два имени: *Евгений-Филарет* было у брата М. П. Мусоргского. До Филарета в семье умирали младенцы. Двойное имя ему дали, вспомнив обычай, связанный с древнерусскими суевериями²⁶. Два имени: *Иван* и *Евстафий* было у Ивана Грозного, *Зиновий* и *Богдан* у Богдана Хмельницкого.

В настоящее время удельный вес личных имен в системе именований не тот, что был одно-два тысячелетия тому назад. Свою прежнюю единственность они уже давно разделили с фамилиями, а также в ряде случаев, с отчествами и прозвищами. Такое своеобразное в ономастике положение, когда у русских сложилась единственная в своем роде трехименная система, включающая отчества, следует, очевидно, объяснить комплексным общеславянско-греческим влиянием. У греков еще в конце старой эры сложилась система из имени и отчества, которая могла дополняться прозвищами по профессии, по месту жительства, а у женщин еще и именем мужа. Многочисленные примеры находим в греческих посвященных и надгробных надписях: *Гимн сын Скифа из Херсонеса* (194 г. до н. э.), *Аполлон Врач из Триры* (III в. до н. э.), *Оронт сын Абаба* (I в. н. э.), *такой-то* (имя не сохранилось) *сын Папия* (II в. до н. э.), *Госон сын Папия* (V—IV вв. до н. э.), *Калиад сын Артемидора*, *Маркоб, дочь Аристокла, жена Аполлы* и т. д.²⁷. Были и тройные именованья — *Александр сын Христиона внук Аполлония* (II в. н. э.). По распространенному у греков обычаю часто внуку давалось имя деда. Имена рабов и лиц негреческого происхождения, хотя бы и греческие, употреблялись без отчеств.

Исторически известно, что у русских способ величания по отчеству идет от «верхушки» общества — великих князей (и позже царей и их приближенных), которые были тесно связаны с Византийским двором и манеру именовать усвоили оттуда. Известно также, что народному языку отчества не были свойственны (или были нетипичны в повседневном общении) до начала XX в., как,

²⁵ Интересные сведения о многоименности в разных частях земного шара собраны И. В. Бестужевым. Кое-что было им доложено на заседании Московского филиала Географического об-ва СССР в апреле 1967 г., часть материалов опубликована (см.: «Неделя», 1968, № 18; «Наука и Жизнь», 1968, № 7).

²⁶ В. К а р а т ы г и н. Примечания к таблицам родословной М. П. Мусоргского. «Музыкальный современник», 1917, № 5—6.

²⁷ Э. И. С о л о м о н и к. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1964, стр. 38, 40, 50, 59, 75, 77, 79, 100, 102, 114.

впрочем, не были типичны и фамилии. Фамилии на Руси известны уже в XV в. Возможно, они были и ранее, но тогда они назывались *прозвищами* (ср. современное укр. *прізвище*)²⁸.

Слово *фамилия* и более пристрастное отношение к юридической фиксации фамилий появляется в XVIII в. и связывается с деятельностью Петра²⁹. Начиная с XV в. составляются книги боярских, а с XVI в. — дворянских записей, гербовники и т. п.³⁰, в которых записываются все существовавшие на Руси дворянские семьи (потомственные и жалованные), прослеживается история каждого дворянского рода (иногда и вымышленная для большей «родовитости») и пишутся все члены дворянских семей по именам, отчествам и фамилиям.

Парадоксально, что современные греки не удержали традиции именоваться по отчеству, которую они передали нам. И то ли соседство с другими народами, у которых не было отчеств, то ли какие другие факты повлияли на них так, что теперь у них двуименная система: *Манолис Глезос*, *Одиссеус Лампсидис*, *Агнитос Цопанакис*.

Интересно, что именование по отчеству не сохранилось, а может быть, никогда и не было достаточно развитым у групп русского населения, переместившихся в другие страны. Например, В. Васченко описывает антропонимию липован — русских, носителей одного из южнорусских диалектов, переселившихся в XVII в. в Румынию (с. Писк Браильского р-на Галацкой обл.)³¹. Под влиянием принятых в Румынии особенностей именования, а также, возможно, в связи с не полностью реализованной на родине трехименной системой, у них наблюдается полное отсутствие отчеств при наличии имен и фамилии.

До настоящего времени в различных областях России суще-

²⁸ В. И. Тагунова. Прозвищные имена в муромских памятниках письменности XVII—XVIII вв. «Уч. зап. Рязанского и Муромского гос. пед. ин-тов. Труды кафедры русского языка», т. 40. Лексика современного русского языка. М., 1967, стр. 42—43.

²⁹ См. выступление С. И. Зинина на Всесоюзной конференции «Личное имя. Проблемы антропонимики» (М., 1968).

³⁰ Например: Родословная книга дворянства Московской губернии; Государев родословец (Елизаровский родословец — по имени составителя) 1555; Родословные книги (в 6-ти частях в зависимости от знатности рода); Бархатная книга (XVIII в.) (записаны наиболее знатные дворянские роды); Общий гербовник Всероссийской Империи (в 10-ти томах, 1798—1836) (зафиксированы гербы губерний, городов и частных лиц с описанием истории рода); Софийский времячник еже нарицается летописанис русьских князь (1423—1424) (составлен на основе древнейших летописей с указанием истории княжеских родов).

³¹ V. Vascenco. Contribuții la studiul antroponomasticii slave orientale (Observații asupra sistemului numelor de persoană lipovenesti). «Institutul de lingvistică din București. Studii și cercetări lingvistice 1962, Anul XIII, 2, стр. 245—255.

ствуют свои именные системы, состоящие из одного, двух или трех слов, что определяется прежде всего ситуацией: однословные при непосредственном общении и при разговоре о третьем лице, если оно хорошо знакомо говорящим; двусловные и трехсловные — для называния третьих лиц (последние при недостаточности двусловного именованья). Фамилии отнюдь не обязательно входят в состав указанных трех элементов: *Манька Ивана Овдокимовича, Толька Фени Ондриёвны, Вовка Нюрки Любавиной* ³². С. И. Зинин, просматривая книги древних записей, встретил четырех- и пятисловные системы именованья жен и вдов в XVIII в., причем фамилия в них также не была обязательным элементом: *Ивановская жена Васильева сына Коробкина вдова Агафья Петрова дочь, Ивана Иванова сына Олсурьева вдова Пелагея Павлова дочь, Анна Иванова дочь Яковлевская жена Иванова сына Чичерина* ³³.

Личные имена

Указанные в классификации Т. Милевского три типа антропонимов (сложные, производные, апелятивные) с некоторой модификацией сохранились до нашего времени. В разных индоевропейских языках соотношение этих типов различно, однако все три существуют. Сохраняя традиционную классификацию, обратим внимание на ее непоследовательность: апелятивы могут быть сложными и производными. Такая классификация оказывается оправданной лишь постольку, поскольку к сложным антропонимам в ней относятся сложения, вне ономастики не употребляющиеся, к производным — результат сокращения или переразложения этих сложных имен, к апелятивным — то, что отражает живую практику современных языков, в то время как первые две группы включают старые именные образования. В связи со значительными сдвигами, происшедшими в восприятии имен с древнейших времен до наших дней, имена исторически сложные кажутся теперь производными, а исторически производные могут восприниматься как простые, самостоятельные.

В небольшой работе, посвященной общим вопросам ономастики, невозможно проследить все подробности образования и преобразования отдельных типов имен в отдельных языках, поэтому ниже будет дан небольшой обзор, основанный на современном восприятии имен, лишь отчасти отражающий общую картину.

³² П. Т. Поротников. Антропонимика села Пеньки. «Вопросы топонимастики», вып. 3. Свердловск, 1967.

³³ Примеры С. И. Зинина.

С. Роспонд³⁴, в ряде случаев повторяя положения Т. Милевского³⁵, проводит подробный структурный анализ славянских личных двусосновных имен, сравнивая их модели с моделями, представленными в индоиранских языках и отмечая славянские инновации разных периодов по сравнению с изначальными праиндоевропейскими моделями. Сравнение проанализированных им словообразовательных типов с самыми новыми именными сложениями — «извлеченными» из современных русских и украинских фамилий неканоническими двусосновными именами показывает стойкость и живучесть ряда моделей. Например, тип «*попеп + попеп*», особенно его разновидность с основами существительных или прилагательных, оформленными гласным -о в первой части, отмечаются с древнейших времен: греч. Ἰπποδάμης 'взнуздающий коней'; вост.-слав. *Миронег, Доброгость, Ярослав, Любомир*; ср. новые: *Кособок, Тиховод, Червонобоб, Чудород, Златоцвет, Шароглаз*. Таких образований очень много.

Не вполне ясен в классификации С. Роспонда тип «*корень + попеп*». Если имеется в виду глагольный корень, то он должен мало чем отличаться от вербальных основ, выделяющихся в инновациях, если же это нерасчлененный глагольно-именной корень, то на каком основании вторая часть сложения определяется как *попеп* и почему номинизация не относится к слову в целом. В качестве примеров образований «*корень + попеп*» С. Роспонд приводит скр. *San-aśva* 'сидящий на коне', греч. Εὐρύ-δηνος 'остерегающийся народа' и отмечает, что в своем дальнейшем развитии тип этот превратился в «(indeclinabile + корень) + попеп»: скр. *Sam-dhi-mati* 'связывающий мысль', др.-русс. *С-дѣ-слав*, где *дѣ* возводится к праиндоевропейскому **dhe* 'класть', ср. ст.-слав. *дѣти*.

Очевидно, в связи с архаичностью первого элемента тип этот в дальнейшем не прослеживается. Нечеткий для современных славянских языков, он может подвергаться изменениям, подравниваясь под другие, более понятные типы, ср. вербальные новообразования: польск. *Idziślaw* русск. *Твердислав*. Выделяющийся в типе «*попеп + попеп*» подтип с основами на *i* в первой части: др.-русс. *Мстьѣслав, Ратьмир*, как показывает С. Роспонд, имел раньше первый компонент не глагольный, как это кажется теперь, а именной. После падения глухих они перестроились по типу-и: *Мстислав, Ратимир*, ср. *Ратибор, Ратислав*; -и в них вторичное, хотя С. Роспонд допускает и возможность глагольных основ: *ратити* 'воевать', *мстити* 'мстить'.

В праславянских инновациях С. Роспонд отмечает структуры типа «вторичная вербальная основа (корень) + попеп:» *Da-mir*,

³⁴ С. Роспонд. Структура и классификация древневосточнославянских антропонимов (имена). — ВЯ, 1965, № 3, стр. 13—18.

³⁵ Т. Милевский. Указ. соч., стр. 101—107.

Zna-mir, Chotě-mir, Bori-slav (от bori-ti), где корневые *a*, *i* (< *ei*, *ē*, *ē*) отождествились с праславянской основой инфинитива-аориста, а конструкция в целом стала восприниматься как каузатив. Этот тип до сих пор сохранился в южнорусской, украинской, болгарской, сербской антропонимии: *Чепиног*, *Кадигроб*.

В образованиях типа *Варивода*, *Нагнибеда*, *Попивода*, *Палигуда* вторая часть не аккумулятив (как могут восприниматься имена типа *Перебейнос*), а номинатив, в связи с чем каузативность этих конструкций слаба. Ср. также *Майборода*, *Майстрах*, но *Майбогов*, *Недайхлиба* с более ясной каузативностью.

С древнейших времен отмечается тип «indeclinabile + nomen»: скр. *Su-yodhana* 'хороший воин', греч. *Εὖ-όπος* 'с хорошими глазами'. У славян — стереотипные формы с префиксами *bez-*, *do-*, **jъz-*, *na-*, *o-*, *ot-*, *po-*, *pro-*, *pře-*, *před-*, *pri-*, *s-* (*sq-*), *u-*, *vy-*, *za-*: польск. *Biez-dziad*, чешск. *Bezděd*, др.-русс. **Bezděd*; новые русские *Пересвѣт*, *Перехриста*, *Беззуб*. Однако выделение его как равноправного среди других славянских словосложений представляется неправомерным, поскольку в прочих сложениях участвуют полнозначные морфемы, а здесь — имеющие самостоятельное значение, но самостоятельно не функционирующие, роль которых приближается к роли аффиксов (префиксов).

Обращает на себя внимание неоднородность *indeclinabile* в санскритских и греческих именах, с одной стороны, и в славянских — с другой, и если адъективные неизменяемые элементы могут быть отнесены к сложениям, то префиксация в славянских языках всегда была средством слово- и формообразования.

К *indeclinabile* следует также отнести не выделенные С. Роспондом адвербиальные элементы в таких именах, как *Вездеглад*, *Вездеход*, *Зломан*, *Редкокаша*, *Нетудызата* и морфему *полу-*. *Полумордвин*, *Полуян*, *Полумиска*. Может быть, наречными следует считать первые компоненты имен *Домажир*, *Доманег*, отнесенные С. Роспондом к конструкции «*nomen cas. obliq. + nomen*» как местный падеж имени. Ср. более позднее *Домодед*, перестроившееся или сразу образованное по модели «*nomen + nomen*». Подобные имена относятся к сложениям безоговорочно. Префиксальные имена представляется более целесообразным рассматривать как производные, а не как сложные, наряду с именами негативными (*Немил*, *Нерад*).

Отмеченная С. Роспондом среди индоевропейских инновационных схем модель, имеющая *comparativus na-je* < пра-и.-е. *-uos* в первом члене: др.-перс. *Vahyaz-dāta* 'данный лучшими богами', чешск. *Болебор*, *Болеград*, *Пачеслав*, польск. *Болеслав*, *Вячеслав*, *Далебор*, сербск. *Болебрат*, *Боледруг*, *Дражеслав*³⁸, не актуальна в русском языке.

Отмеченная С. Роспондом праиндоевропейская схема иннова-

³⁸ С. Роспонд. Структура и классификация древневосточнославянских антропонимов, стр. 17.

ционного характера с местоимением в первом компоненте разделяется на три подтипа: а) возвратные: *se, sobě*; чеш. *Сеслав, Соберад*, польск. *Сеслав, Собеслав*; б) притяжательные: чешск. *Моймир, Свойбог, Свойслав*, др.-русс. *Мойслав*; в) определительные скр. *Visna-jit* 'побеждающий всех', др.-русс. *Всеволод, Всеслав*. С. Роспонд не упоминает местоимения *сам*, которое имеется в более поздних инновациях: *Самодум, Саморяд, Самосуд, Самород, Самолет, Самохвал, Самозван, Самолыс*. Не отмечен у него и тип с первым членом числительным, в котором выделяются примеры с числительными как основой, оформленной соединительным гласным *о*: *Одноцен, Одновол, Однокоз; Шестопер, Шестопал; Сорокоум, Сорокожердь* и с числительным в косвенном падеже без соединительного гласного: *Семибрат, Семилет*.

В описанных С. Роспондом типах вербальные элементы были как правило в начале. Во втором компоненте глагольный элемент встретился лишь в одном инновационном типе: др.-перс. *Vahyaz-dāta*, да и то без соответствий на славянской почве. В новых же русских именах отмечается значительно больший процент глагольных образований, причем с глагольным вторым компонентом при первом компоненте имени существительном, прилагательном, числительном, местоимении: *Челомбей, Верховод, Водовоз, Рукозуй, Чудодей, Винокур; Новожил, Чернобай, Косогляд, Вездегляд, Вездеход; Самохвал, Самозван*. Интересно, что под влиянием большой глагольности русских имен старинные элементы *слав, мир, хвал* и т. п. воспринимаются в нем сейчас не однозначно (попен по С. Роспонду), а весьма обобщенно, сопоставляясь и с существительным *слава*, и с прилагательным *славный*, и с глаголом *славить*. Возможно, таким восприятием мы обязаны тесному контакту с тюркскими языками, в которых расчленение имени на существительное и прилагательное очень нечетко.

Большинство указанных новых имен имеет значение на почве современного русского и украинского языков, а значит, относится (в терминологии Т. Милевского) к молодым образованиям. Интересно, что, несмотря на значительное отдаление как в пространстве, так и во времени от имен древнеславянских и древнеиндийских, эти имена образуются по аналогичным моделям.

Указанные имена, реконструированные на основе фамилий, очевидно, хронологически относятся к XVIII—XIX вв. В настоящее время, во всяком случае в литературном русском языке, они перестали быть продуктивным типом. Всеобщая паспортизация прекратила свежий приток официально фиксируемых прозвищных имен. Однако они продолжают образовываться, особенно в сельских местностях, и остаются популярными в неофициальных сферах, о чем свидетельствуют и специальные работы ³⁷.

³⁷ В. И. Тагунова. Современные прозвища в диалектной речи Муромской земли. «Уч. зап. Рязанского и Муромского гос. пед. ин-тов. Труды

В XX в. пробудился к жизни и другой тип сложных личных имен, причем имена, официально фиксируемых в документах. Это новые личные имена, появившиеся после революции. Среди них было много таких, основы которых воспринимались только как некий приятно звучащий комплекс, подставляемый в готовую формулу для заполнения «клеточек», без какого-либо сопоставления с реальными падежами реальных слов: *Динаида*, *Леонина*, *Любовета*, *Павлина*, *Азерпинья*, *Эраида* (из смешения имен *Эра* и *Ираида*), *Асфедий*, *Павлодий*. Последнее может быть под влиянием имени *Палладий*. Ср. также современные переосмысления имени *Минодора* — *Милодора* и *Милодория* (примеры О. А. Славиной).

Производные имена

Современная антропонимия обладает большим арсеналом специальных ономастических формантов, которые скорее бывают принадлежностью одноосновных имен, нежели двуосновных.

Следует отметить, что с древнейших времен словообразование, особенно в славянских языках, претерпело ряд изменений и что различного рода деривации в современной антропонимии выходят далеко за рамки сокращения сложных имен и распространения их специальными суффиксами, как это было в древнюю эпоху. Имена, образованные из сложных слов путем сокращения и последующего оформления каким-либо суффиксом, существуют в ряде индоевропейских языков до настоящего времени, но не везде их роль одинакова. В русском языке этими сокращенными именами зовут в приятельском кругу, в семье и очень редко в официальных случаях. В болгарском языке сокращенные имена могут употребляться у взрослых людей, наряду с полными: *Саша Попов* и *Катя Попова* — сценические имена. Во французском языке сокращенные имена иногда даются вместо полных как официальные, особенно женщинам: *Козетт*, *Колет*. В Германии они могут даваться и мужчинам — *Ханс* вместо *Йоханнес*.

Одноосновных имен, производных и непроизводных, у германцев очень мало, да и те, как полагают, получились в результате сокращения двуосновных³⁸. Сейчас почти все они (кроме имени *Карл*) превратились в фамилии. Личные имена современных немцев как правило двуосновны.

У древних греков при обилии двуосновных имен было немало и производных, образованных от двуосновных с помощью специальных суффиксов, в числе их были и патронимические, с помощью которых образовывались имена детей от имен отцов. С течением

кафедры русского языка», т. 40. Лексика современного русского языка. М. 1967.

³⁸ A. Fick. Die griechischen Personennamen nach ihre Bildung erklärt und systematisch geordnet. Göttingen, 1894, стр. 33—35.

нием времени патронимические суффиксы: $-ιδας, -ιδης$ и поэтический $-ιων$ превратились в обычные именные, и человек по имени Ἀγαθαρχίδας вовсе не обязательно должен был быть сыном человека по имени Ἀγαθαρχος ³⁹.

Имена-посвящения образовывались у древних греков от имен богов и их «приближенных» с суфф. $-ιων, -ιος$: $\text{Ἐκαταίος} < \text{Ἐκατή, Νικαῖος} < \text{Νίκη, Τυχᾶιος} < \text{Τύχη}$. Между указанными именами лежат прилагательные типа Τυχᾶιον . Дальнейший этап деривации — Τύχων может быть и сокращением от Τύχηςπιος . Адъективные имена типа $\text{Ἀπολλώνιος, Δημήτριος}$ немногочисленны, но некоторые из них употреблялись часто ⁴⁰.

В русский язык из греческого, наряду со сложными двусловными именами, было заимствовано немало односложных, сокращенных уже в греческом. На русской почве с ними произошли дальнейшие преобразования. Не избежали перестроек и переосмыслений и имена двусловные. Поскольку древнегреческие основы в русском языке за редким исключением не выделяются, многие двусловные имена не кажутся нам сложными словами. В большинстве своем они воспринимаются как производные от каких-то непонятных основ с помощью понятных суффиксов, а иной раз разлагаются на морфемы ошибочно.

Так, в результате переразложения в составе русских канонических имен выделяются форманты $-ий$: *Аверкий, Евдоксий, Кондратий*; $-ей$: *Авдей, Алексей, Досифей*, хотя в именах *Авдей, Досифей* и многих других e относится к основе; $-ай$: *Ермолай, Николай*, хотя $-лай$ — вторая основа этих имен. Ср. вариант *Никола*, где $-а$ воспринимается как флексия и прилагательное *Никольский*, где его вовсе нет; $-ой$: *Васой, Сысой*; $-ан$: *Африкан, Демьян*; $-ен$: *Афиноген, Еммен(ий)*, хотя $-ен$ здесь — часть второй основы; $-ин$: *Константин, Лонгин, Валентин*; $-он$: *Авдон, Агафон, Галактион, Харитон, Никон, Арон, Самсон*, где $-он$ очень различно по происхождению; $-ик$: *Андроник, Клеоник*, где $-ик$ целиком входит в состав второй основы $-ник$, и *Аттик, Галик, Кирик*, где $-ик$ действительно суффиксально; $-ил$: *Феофил, Ермил, Гавриил, Арчил*, где $-ил$ везде относится к основам, но самым различным по происхождению; $-ор$: *Виктор, Диодор, Нестор, Сидор, Федор*, где $-ор$ — также входит в состав основ, причем неоднородных; $-им$: *Анисим, Вадим, Герасим, Серафим*; $-ид$: *Авид, Василид, Леонид*, где $-ид$ представляет собой греческую морфему со значением 'сын'; $-ис$: *Варсис, Наркис*; $-ос$: *Амос, Ваптос, Фирмос*, где это суффикс исходного языка, и ряд других.

Подобные же часто повторяющиеся элементы выделяются и в женских именах: $-ада$: *Асклиада, Олимпиада*; $-ида$: *Аглаида*,

³⁹ W. Pape, G. Benseler. Wörterbuch der griechischen Eigennamen, Bd. I. Nachdruck Aufl. 3. Graz, 1959, стр. XXXII.

⁴⁰ A. Fick. Указ. соч., стр. 301—303.

Дросида, Ираида, Зинаида, Степанида; -ила, -илла: Неонила, Киприлла, Марионилла, Феонилла; -ика: Агафоника, Домника, Мамика; -ина: Валентина, Екатерина, Фаина, Христина; -ена: Аграфена, Киркена, Трифена; -ана: Маркиана, Севастьяна, Татьяна; -уса: Анфуса, Лариса, Раиса; -ира: Глафира, Керкира; -уса: Анфуса, Текуса; -ора: Минодора, Митродора, Нимфодора, Феодора; -ая: Аглая, Архелая; -ея: Вевея, Виридея, Дорофея, Фивея; -ия: Евгения, Евдокия, Клавдия; -оя: Иароя, Казоя; -уя: Перпетуя.

Как сложные в современном русском языке могут быть восприняты лишь некоторые длинные имена, содержащие в середине о, независимо от того, являются ли они действительно таковыми: *Феофил*, *Феофилакт*, *Ксенофонт*, имена же типа *Николай*, *Евдокия* и многие другие не воспринимаются как сложные.

Начавшаяся тысячу лет назад перестройка заимствованных имен продолжается и сейчас. В литературном языке и официальном употреблении она сдерживается общепринятыми нормами. В диалектах же имена давно отошли от принятых в литературном употреблении образцов, причем измененные и преобразованные имена проникают и в официальные записи ⁴¹. Многие из официально зарегистрированных в Брянской области имен обнаруживают стремление перестроиться по моделям, кажущимся людям более сильными и активными ⁴².

Отметим прежде всего обилие усеченных имен, представляющих собой нечто среднее между полными и сокращенными именами: *Евген*, *Евлам*, *Евстах* (Евстафий), *Засим* (Зосима), *Ипат*, *Кон* (Конон), *Нифёд* (Мефодий), *Ликан* (Никандр), *Олип* (Олимпий), *Парфён* (Парфений), *Парфир* (Порфирий), *Прокон* (Проконфий), *Разум* (Разумник), *Рык* (Рикс), *Савёл*, *Свирид*, *Ефан*, *Лихван* (Феофан), *Харлам*, *Алистар* (Аристарх), *Гаврил* (Гаврила). Значительно реже отмечаются варианты с наращением конечного -а: *Меркула* (Меркул=Маркел), *Михайла* (Михаил) или формы, в которых конечное -а заменяет -ай, -ей официально принятого варианта имени: *Ярема* (Еремей), *Никола*, *Микола* (Николай).

Областной в данном случае материал фиксирует не чисто региональные явления. За последнее время в московских и ленинградских загсах лица, дающие своим детям имена *Даниил* или *Гавриил*, отказываются записывать их в этой древней библейской форме, находя ее слишком длинной, отказываются они и от русских народных вариантов *Данила*, *Гаврила*, поскольку конечное -а не типично для слов мужского рода. Устраивают их варианты *Данил*, *Гаврил* (наблюдения А. В. Сусловой). Нередки

⁴¹ См. доклад А. В. Суперанской на I Всесоюзном совещании по антропонимике (М., 1968).

⁴² Материал О. А. Славяниной включает актовые записи о рождении, браке и смерти [за 1943—1960 гг.

случаи контаминации имен: *Евландия* (Евлампия), *Соломонида* (Саламония), *Феона*, *Фиона*, *Феоня*, *Хиона* (Хиония), *Макрида* (Макрина), *Раида*, *Эраида*, *Эродида* (Ираида и Иродида).

Некоторые имена в книгах загсов записаны в форме, отличающейся от общепринятой, при этом в переделке имен «повинны» существующие в языке ономастические модели. Так, влияние имен типа *Терентий*, *Лаврентий* породило формы *Арсентий*, *Евгентий* (Евгений), *Евлантий* (Евлампей), *Парфентий* (Парфений, Парфён). Под влиянием имен типа *Федосий* появилось имя *Абросий* (Абросим), под влиянием *Акиндин*, *Евфросин* — *Аросин* (Абросим), *Лукин* (Лукьян). Очень продуктивны образования на *-ей*, *-он*, *-ан*: *Гапей* (Агапий), *Зиновей* (Зиновий), *Купрей* (Куприян), *Марей* (Марк), *Садокей* (Садокий), *Фатей*, *Фотей* (Фотий); *Арсен* (Арсений), *Филон* (Филимон), *Пимон* (Пимен), *Крисон* (Хрисанф), *Форопон* (Ферапонт), *Курсан*, *Хрисан*, *Крисан*, *Кресан* (Хрисанф), *Евлан* (Евлампей), *Лукан* (Лукьян), *Пиман* (Пимен), *Харлан* (Харлампей).

Иногда наблюдается стремление осмыслить непонятное, приблизить старое к современному, откуда варианты *Арех* (Арефий), *Винамин* (Вениамин), *Граф* (Евграф), *Лисей* (Елисей), *Милентий* (Мелетий), *Неходий* (Мефодий), *Ниходим*, *Кадим* (Никодим), *Листофор* (Христофор).

Подобным же образом меняются женские имена. По известному типу *Аксинья* перестроились: *Графинья* (Аграфена), *Макринья* (Макрина), *Пурфирья* (Пульхерия), *Хрестинья* (Харитина) и мн. др. Суфф. *-ия* получили имена *Христиния*, *Хрестиния* (Христина), *Минодора* (Минодора). Тип *Виринея* повлиял на форму *Хавронея* (Феврония), тип *Ульяна* — на *Химьяна*, *Хемьяна* (Евфимия).

В связи с тем, что в современном языке отчества от имен, оканчивающихся на *-слав*, образуются как *Ярославович*, *Изяславович*, прежнее прозвище по отцу жены князя северского Игоря Святославича (так!) *Ярославна* не воспринимается как отчество. Оно зарегистрировано в настоящее время в качестве имени личного у нескольких женщин, одна из которых даже зовется *Ярославна Игоревна*.

Апеллятивные имена

Апеллятивные имена, как наиболее молодые, обычно связаны с нарицательным значением слов, которое не полностью «стирается». Поскольку долгое время мировоззрения общества были облечены в религиозную форму, среди средневековых апеллятивных имен немало религиозных (*Кретъен* фр. 'христианин'), мистических (*Бенвенуто* ит. 'благопришедший'), просто пожелательных (*Бонкомпаньо* ит. 'хороший товарищ', *Дуранте* 'прочный', *Дезидерио* 'желающий, желанный'). Имена революционных эпох обычно отражают дух свободы, равенства, братства:

новые испанские *Либертад* 'свобода', новые советские *Октябрь*, *Коммунар*.

Как отмечалось, апелятивные имена могут быть простыми (производными и непроизводными) и сложными. Выделяют их в особый класс, потому что не это в них главное. Они образуются каждый раз из свежего языкового материала, а не из готовых онимических (именных) морфем, которые могут и не иметь апелятивного значения в данном языке. Лексическое значение основ апелятивных имен может варьировать очень широко, от мелиоративного до пейоративного, хотя немало среди них и обсервационно-нейтральных имен. Было бы неверно отрицать наличие у апелятивных имен определенных моделей. Однако последние значительно теснее связаны со словообразовательным инвентарем нарицательных.

Примерами апелятивных имен могут служить русские неканонические, зафиксированные в исторических документах XV—XVIII вв. и сохранившиеся в составе современных русских фамилий. Это были одно- и двусловные слова с нулевой аффиксацией: *Ряб*, *Кривошей*, и префиксальные бессуффиксные: *Невер*, *Некрас*, *Постой*, *Занос*, и суффиксальные с первичными (в терминологии А. М. Селищева) суфф. -ай, -ей, -уй, -ан, -ун, -ань, -ень, -ня, -ак, -ик, -ок, -ук, -онок, -ец, -ица, -л, -ло, -ата, -ота, -ута, -ас, -ус, -ис, -аха, -уха, -ша, -аи(а) и др: *Белый*, *Поздней*, *Милуй*, *Лобан*, *Рыкун*, *Чехань*, *Гулень*, *Первуня*, *Лысак*, *Воронок*, *Паршук*, *Гусёнок*, *Зубец*, *Тупица*, *Поспел*, *Прыгало*, *Путята*, *Мякота*, *Малюта*, *Мордас*, *Бобрус*, *Зубаха*, *Говоруха*, *Корташ*, *Новиша* и т. д., а также с вторичными суффиксами, сообщающими дополнительные оттенки словам, существующим самостоятельно и без них: а) значение женского рода: *Белан* — *Беляна*; б) уменьшительное, ласкательное или пренебрежительное значение: *Наделяйко*, *Бессонка*, *Шостачко*⁴³. Очевидно, что перечисленные первичные суффиксы русских имен оказали свое влияние на перебосмысление заимствованных имен (см. выше), в результате чего созвучные этим суффиксам части их стали восприниматься также как суффиксальные. Суффиксальными могут быть и сложные слова: *Новокрецен*, *Однодворец*, *Сладкопевец*, *Златоверховник*.

Поскольку суффиксация в русской ономастике имеет значительно большее значение по сравнению с префиксацией, в материалах А. М. Селищева последняя даже не выделяется, и имена типа *Невер* даются в бессуффиксных, а типа *Захвораи* — в суффиксальных. Однако префиксально-суффиксальных имен очень много, особенно с глагольными основами. Относительно многих из них неясно, специальные ли это именные образования или

⁴³ А. М. С е л и щ е в. Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ. «Уч. зап. МГУ». Труды кафедры русского языка. М., 1948, кн. I, вып. 128.

апеллятивы, употребленные в качестве онома. Поскольку многие из них не употребляются в качестве апеллятивов, особенно имена глагольного типа: *Заселяй, Загоняй, Ожиган, Написан, Помазан, Погуляй, Порывай, Угожай, Разделиша, Ознобиша, Побежим, Погодил(о), Погорел, Потопал, Прохватил(о)*, хотя все они омонимичны определенным глагольным формам, естественно предположить, что это — специальные ономические образования. Однако есть среди этих имен и такие, которые с трудом сопоставляются с человеком: *Выварка, Выставка, Обрезок, Ополовник, Подобед, Потёмка, Приставка, Просёлок, Рассказ*. Очевидно, они были даны в связи с какими-либо очень далекими аналогиями.

Таким образом, одни из апеллятивных имен были образованы непосредственно для характеристики человека: *Полетун, Привезенец, Безбород*, другие существовали как апеллятивы: *Перемёт, Поскакуха* и уже в качестве таковых были использованы для именования людей.

Стремление имени собственного отмежеваться от апеллятива наблюдается в разных языках. Так, для древнегреческого можно отметить различие конечных элементов и акцентов в именах и апеллятивах: *Παρασίτας* и *παράσιτος*, *Ἀφέφω* и *ἄφεψ*, *Λεωφόρος* и *λεωφόρος*. В русском одинаково пишущиеся апеллятивы и фамилии нередко имеют разное ударение: *козák* и *Кóзак*, *козёл* и *Кóзел*, *барáн* и *Бáран*. Имеются отличия и в их склонении: апеллятив: *любовь — любви*, имя: *Любовь — Любви*. Так, попадая в особую сферу, имя стремится отмежеваться от своего обычного употребления, в результате чего *Любовь* и *любовь*, *Панна* и *панна* превращаются в омонимы⁴⁴,

Фамилии

Фамилии у разных народов и у различных социальных групп возникали в разное время. Своего рода фамилиями были слова, обозначавшие происхождение из определенной местности или семьи у людей древности или Средневековья и тем более в эпоху Возрождения: *Иоанн Дамаскин, Иуда из Кариот, Мария Магдалина, Иоанн Лейденский, Гершон бен Соломон из Арля, Эразм Роттердамский* и др. Но как класс фамилии выделились лишь тогда, когда они стали словами массовой номинации, а не случайными прозвищами отдельных лиц. В Европе и у свободно перемещавшихся жителей России это относится к XIV—XVII вв. Вспомним отчет *Феодора Писемского* да *Неудачи Ховралева* о поездке в Англию во времена Ивана Грозного. У турок фамилии появились лишь в 30-е годы XX в. До этого они звались в соот-

⁴⁴ Многочисленные примеры грамматических отличий собственных имен от нарицательных в языках разных типов см.: Е. Курилов и ч. Положение имени собственного в языке. «Очерки по лингвистике». М., 1962; А. А. Реформатский. Топономастика как лингвистический факт. «Топономастика и транскрипция». М., 1964.

ветствии с мусульманскими именными формулами (см. стр. 60). До сих пор фамилии существуют не у всех народов Азии и Африки и даже в Европе (у исландцев) нет фамилий ⁴⁵.

Типы фамилий определяются их происхождением. Поскольку большинство фамилий исторически восходит к словам, характеризующим людей как принадлежащих к определенным семействам или выходцев из определенной местности, преобладающими способами оформления фамилий оказались те морфологические средства, которые передавали принадлежность и отношение. Первоначально это соблюдалось очень четко. Так, например, в русском языке происхождение из определенной семьи, от определенного предка выражалось притяжательными суфф. *-ов (-ев), -ин*, а из определенной местности — суффиксом относительного прилагательного *-ский (-ской)*; в германских языках принадлежность обозначалась суфф. *-er, -es* или морфемами *-sohn, -sen, -son, -sfn*, а происхождение — специальными синтаксическими конструкциями.

Отметим сословную неоднородность фамилий с указанными формантами: русск. *Иванов, Гришин, Волков, Лапшин* — фамилии низших сословий, как и нем. *Bucher*, шведск. *Persson*, англ. *Davidson*. Фамилии *Мещерский, Тверской* принадлежали русским князьям и боярам, как немецкие *von Breslau, von Reichenau* — баронам ⁴⁶. В Скандинавии фамилии типа *av Segerstad* принадлежали обычно мелким владельцам.

Но многообразие фамилий не исчерпывается двумя указанными типами. Помимо них существует множество прозвищных фамилий, не оформленных специальными суффиксами. Они есть и в германских, и в романских, и в славянских языках. В России они особенно типичны для южных районов. По желанию носителей этих фамилий (особенно при переезде в другие места с иными системами именований) некоторые такие апелятивные именованья оформлялись фамильными суффиксами. Интересны модели прозвищных фамилий, свойственных нескольким странам Европы и представленных в немецком, французском и отчасти английском языках:

Французский язык	Немецкий язык	Английский язык
Petitepaul	Kleinpaul	—
Petitepierre	Kleinpeter	—
Petitjean	—	Littlejohn
Grosjean	—	—
GrosPierre	—	—
Grandjean	—	Grandclement

⁴⁵ См. доклад Г. И. Анохина на I Всесоюзном совещании по антропони-
мике (М., 1968).

⁴⁶ Однако частица *фон* — отнюдь не обязательная принадлежность ба-
ронских фамилий, ср. бароны *Врангель, Медем* и др.

Среди германских фамилий много сложений, в которых участвуют не только полнозначные основы, но и служебные слова: нем. Eisenstein (*Айзеништайн, Эйзеништейн*), Gerstäcker — *Герстэккер*, Frühauf — *Фрюауф*, Honerjäger — *Хонериегер*, Buchmann, голл. Bouwmeester (*Бауместер*), Meulenbeld (*Мойленбельд*), Overkamp (*Оверкамп*); англ. Neuman (*Ньюман*).

Многие германские фамилии — сложные слова по своему происхождению — топонимы, употребленные для именования людей без добавления специальных антропонимических формантов и даже без предлогов. Так, англ. Глостер давно уже употребляется вместо фразы duke of Gloucester, Нортумберленд вместо lord of Northumberland и т. д. В связи с этим в английских фамилиях часты топонимообразующие компоненты: *-берг, -филд, -форд, -ленд, -вуд, -ридж, -брок* и т. п.: *Копперфилд, Клифффорд, Рутленд, Шервуд, Питтсберг, Колридж, Пемброк*.

Компоненты с теми же значениями обнаруживаются в голландских фамилиях, но предлог со значением 'из' непременно сопутствует им, в отличие от английских, где предлог of опускается: Van Nieuwenburg — *Ван-Ньивенбург*, Van den Vondel *Ван-ден-Вондел*. В немецких фамилиях отношение к местности не исчерпывается предлогом von (который не опускается), есть и другие предлоги: Meyer zur Capellen, Auf'm Kampe, Zum Linden. В связи с неудобством многословных фамилий и с постоянным стремлением имени собственного к однословности, фамилии подобных типов часто объединяются в одно слово. Так возникают фамилии Zumberg, Zurmühl, Zumwalt, Vomberg.

Фамилии романских языков подобны германским в том смысле, что они также могут включать предлоги для показа происхождения человека из определенной местности или семьи: de la Salle, Des Cartes, Dupont. Но в отличие от германских романские произвищные фамилии могут включать и один артикль: La Marche, La Salle, Le Baron, Le Soldat. В настоящее время среди русского населения много нерусских, в результате чего диалектные и иноязычные фамилии влились в состав русских, значительно их «разбавив». В современной русской практике, помимо фамилий, оканчивающихся на *-ов (-ев), -ин, -ский (ской), -ой, -вой, -их, -ых, -ово, -аго*, которые были достаточно подробно освещены в книге, посвященной ударению⁴⁷, встречается масса других фамилий, многие из которых по своему происхождению диалектные славянские. Это своеобразное положение препятствует прямому и непосредственному соотнесению их с каким-либо определенным славянским языком. Многие из них прозвищного характера, не имеют специальных фамильных суффиксов, и все же наличие более чем одной фамилии с подобным конечным элементом позво-

⁴⁷ А. В. Суперанская. Ударение в собственных именах..., стр. 121—151.

ляет им выделиться в определенный ономастический ряд. Многие из них омонимичны нарицательным именам, что объясняется их прозвищным характером, но часто это нарицательные диалектные или даже устаревшие, неизвестные в литературном языке.

Роль аффиксального элемента при национальной соотнесенности фамилии значительно важнее роли корневой морфемы. Так, образованные от тюркских основ с русскими аффиксами фамилии воспринимаются как русские: *Бабаев, Стаханов, Разметов*, а образованные от русских основ с нерусскими аффиксами не воспринимаются как русские: *Пузис, Пшеничнер, Маслий*.

Среди фамилий, оканчивающихся на согласные, помимо чистых основ: *Ряб, Щерб, Зуб, Глаз*, выделим следующие повторяющиеся конечные элементы (по алфавитному порядку конечных согласных), свойственные также и неканоническим именам:

- ай (-яй): *Бородай, Левай, Мигай, Сугоняй, Захвора́й, Зачиня́й, Погуля́й, Беля́й*;
- ей: *Козей, Палей, Расщепей, Марей, Рабей, Поздней*;
- уй (-юй): *Морсуй, Милуй, Потатуй*;
- ак (-як): *Лысак, Кругляк, Мерзляк, Вишняк, Левак, Русак, Стрижак, Новак, Слепак, Ширяк, Кузмак*;
- няк: *Близняк, Зализняк, Августыняк, Лисняк*;
- ек: *Ерошек, Казачек, Киричек, Волчек*;
- ик: *Бобрик, Карасик, Медведик*;
- вик: *Полевик, Сороковик, Боровик*;
- ник: *Дудник, Книжник, Корабельник, Кукольник, Кабачник, Судник, Чередник*;
- чик: *Зайчик, Пальчик, Волячник, Гайдучик, Еланчик, Хемчик, Соловейчик, Купрейчик, Коновальчик, Сергейчик*;
- щик: *Раковщик*;
- ок (-ёк): *Зубок, Лаповок, Попок, Черток, Шарок, Воронок, Козанок, Кононок, Бурячёк*;
- онок (-ёнок): *Значёнок, Куцёнок, Михайлёнок, Мотылёнок, Степанчонок, Гусёнок, Василёнок*;
- ук (-юк): *Карпук, Комисарук, Лаврук, Паршук, Близнюк, Зеличенюк, Коновалюк, Костюк, Харитонюк*;
- чук: *Бунчук, Воробейчук, Иванчук, Кравчук*;
- щук: *Орищук, Полещук, Левищук, Онищук*;
- ел: *Поспел*;
- ан (-ян): *Лобан, Озеран, Морозан, Россиян, Смолян, Козан, Мовчан, Скокан, Белян, Несмеян, Кован, Письман*;
- ань (-янь): *Головань, Чехань, Щербань*;
- ен: *Люден, Обьден*;
- ень: *Верховень, Гулень, Пивень, Шелепень*;
- ун: *Ковтун, Моргун, Страшун, Щипун, Шипун, Рыкун, Старун, Товстун, Жгун, Крикун*;
- ар: *Водар, Володар, Корчмар, Котляр*;

-арь: Бондарь, Бубарь, Грабарь, Кубарь, Лифарь, Лихварь;
 -ер: Морцинер, Патокер, Пружинер, Пшеничнер, Семёновкер,
 Сорокер, Дубинер, Москвер, Парижер, Ямайкер;
 -ырь: Бобырь, Болдырь;
 -ас: Мордас, Дубас;
 -ис: Млинарис, Пузис, Квашиис; Иванис, Фетис, Феклис;
 -ус: Михайлус, Чернус, Бобрус;
 -ат: Алексат, Осоват, Шкурат;
 -ах: Дубах, Ховах;
 -ух (-юх): Войтух, Бенюх, Ковтюх;
 -ец: Зубец, Дозорец, Земец, Сборец, Якимец;
 -иц: Водиц, Кониц, Любошиц, Мовшиц;
 -ач: Головач, Носач, Пугач, Трубач, Лупач, Длугач, Ковач,
 Карнач, Постригач, Стругач, Храпач;
 -ич: Злобич, Лысич, Любич, Смолич, Степанич;
 -ович: Попович, Якимович, Чубович;
 -аш: Гармаш, Кириаш, Милаш, Корташ, Беляш;
 -ош: Курош, Партош, Радош, Ярош;
 -ыш: Келдыш, Кобыш, Худыш, Черныш, Лапыш, Мордыш.

Среди фамилий, оканчивающихся на -а, помимо слов апеллятивного типа, состоящих из основы и суффикса-флексии -а (Капуста, Лоза, Губа, Гуца, Жила, Дядя), выделяется ряд типов с суффиксальными элементами, которые могут оформлять апеллятивы литературного языка и диалектные онимические образования:

-иба: Нагиба, Скиба, Кандиба;
 -га: Залого, Шелого, Бурдыга, Шмыга;
 -да: Пойда, Найда, Жмуйда;
 -жа: Бурдюжа, Дабижа, Понежа;
 -ка: Бровка, Глинка, Зайка, Шпонка, Золка, Люлька; Заика,
 Сорока; Набока, Падука, Полока;
 -ла (-ля): Куделя, Неделя, Смоля, Шаптала, Перля, Ратохля;
 -ула (-уля): Притула, Бидуля, Зозуля, Красуля, Сигуля, Хо-
 хуля;
 -ана: Беляна, Несмеяна;
 -еня: Курленя, Левашеня, Кривченя, Новошеня, Пастушеня,
 Прибышеня, Тарасеня;
 -ина: Тычина, Щербина;
 -ыня: Пузыня;
 -оня: Лохоня;
 -уня: Первуня;
 -па: Лепа, Скопа, Мазепа, Талпа;
 -упа: Цюрупа, Шкарупа;
 -ора: Мадора, Сикора;
 -ура (-юра): Вигура, Ицура, Коссюра, Пичура, Шептура;
 -та: Вирта, Сурта, Феста, Палта, Пашта;
 -ата: (-ята): Путята;

-ота: *Голота, Сирота, Мякота*;
 -ута (-юта): *Марута, Малюта*;
 -аха: *Зубаха, Малаха*;
 -уха: *Говоруха, Стетюха*;
 -ица: *Дробница, Капица, Копица, Лисица, Масляница, Мете-
 лица, Тупица*;
 -ча: *Иванча, Казача*;
 -ша: *Поликша, Кеperша, Медекша, Ольша*;
 -аша: *Кваша*;
 -иша: *Новиша*;
 -оша: *Микоша*;
 -уша: *Гаркуша, Якуша*;

Значительно реже встречаются фамилии, оканчивающиеся на другие гласные:

-ше: *Вовше, Суше*;
 -ти: *Крути*.

Несколько больше типов среди фамилий, оканчивающихся на -о. Помимо апелятивных субстантивов типа *Благо, Мочало, Шило* и наречных апелятивов типа *Явно, Хитро, Щдро*, можно выделить несколько групп фамилий с однотипными финалями:

-го: *Пуго, Толпыго*;
 -ко: *Лиско, Пospelко, Шостачко; Наделяйко, Наливайко*;
 -ло: *Покатило; Томилло, Чекотилло; Прыгало, Стукало; По-
 могайло*;
 -но: *Войно, Дыхно, Язно, Пружно, Грабино; Фаляно, Паперно*;
 -ро: *Немиро, Сквиро, Спиро, Стиро*;
 -со: *Куксо, Ликсо, Килессо, Колбасо*;
 -то: *Гушто, Нешто, Лахто, Путято, Радутто, Шальто, Шелото, Шашутто; Лопатто*;
 -хо: *Солодухо, Ярхо*.

На примере приведенных фамилий наблюдается стирание граней между собственными именами и апелятивами, между именами и фамилиями, между ономастической суффиксацией и суффиксальными апелятивами. Главенствующую роль приобретает ряд, который и подчиняет себе однотипные образования, независимо от того, выделяется ли в них апелятивная или они-мическая основа или все слово в целом рассматривается как одна нерасчлененная основа: ср. *Бунчук* (апелятив *бунчук* заимствован из тюркских языков и не имеет ошутимого для славянских языков корня, нечто вроде *буженины*) и *Иванчук, Воробейчук*, где морфологический шов явственно ошутим.

Отметим некоторый параллелизм отдельных суффиксов, что свидетельствует о том, что подобные слова, развиваясь как собственные имена, получают свободу выбора форманта, а значит, и возможность варьировать: *Качук — Кацук, Кондратюк — Кондрашук — Кондращук, Андрейчук — Андрущук, Бондарчук — Бондарук, Гребенюк — Гребенчук, Григорук — Григорчук, Ива-*

нюк — Иванчук, Литвинюк — Литвинчук, Макарук — Макаручук.

Иногда в качестве фамилий фигурируют личные имена или топонимы без каких-либо специальных фамильных суффиксов. Русские имена, употребляющиеся в качестве фамилий, редко выступают в своей основной литературной полной форме: *Авдей, Аким, Арист, Веремей, Иван, Кирей*. Чаще это иноязычные имена: *Александр, Зигмунд, Зигисмунд, Конрад, Лоренц, Натали; Ад-жубей, Искандер, Кочубей*; или русские диалектные варианты: *Лёвша, Лушка, Инка* (очевидно, от мужского *Инна* до того, как оно стало женским), *Аксюта, Васюта*.

Топонимы в качестве фамилий: *Чикаго, Марокко, Яффа, Нюренберг, Марсель, Кукуй, Кутайс, Лондон, Франкфурт, Ковда, Кухта, Куба*. Иногда это «усеченное» географическое название: *Одесс, Род*, ср. полное *Родос*. Часто это — еврейские фамилии или фамилии иностранцев. Интересны также этнонимы, названия жителей по месту и слова, обозначающие профессию, зарегистрированные в качестве официальных фамилий: *Француз, Лях, Русак, Россиянин, Татарка, Греж, Кривич, Латыш, Литвин, Япон* (лапландец), *Немец; Сибиряк, Араловец, Самарец, Уманец, Черноморец, Подгаец, Старобинец; Джигит, Драгун, Еднерал* (генерал), *Рыбак, Историк, Мельник, Служитель, Политикан, Штурман, Маляр, Токарь, Фельдшер, Музыкант, Пастух, Кузнец, Ткач*.

Сохранившиеся в качестве фамилий названия жителей по месту — это слова, образовавшиеся естественным путем. Они сохраняют старинные народные формы, порой отличные от современных (см. ниже).

Смешение форм наблюдается в новых, недавно образованных фамилиях, основы которых могут совпадать с основами уже существующих фамилий, а аффиксация иная. На этот случай обратил внимание Дж. Сент-Клер-Собелл в докладе на IV Международном конгрессе славистов в Москве⁴⁸. Однако он слишком прямолинейно возвел неканонические образования к существующим в современном языке нарицательным и тем самым несколько обесценил свое наблюдение. Он сопоставляет фамилию *Орехин* с нарицательным *орех*, *Разин* — с *раз*, *Сабанин* — с *сабан*, *Угрин* — с *угр*, *Распутин* — с *распутье* и т. д. Но здесь разные случаи. С одной стороны, это фамилии, образовавшиеся естественным путем от древних неканонических имен: *Распута — Распутин*, как *Малюта — Малютин*, *Пуята — Пуятин*, *Беспута —*

⁴⁸ J. St. Clair-Sobell. Some remarks on the pronunciation of russian surnames in the english-speaking world.— В кн.: [C. Bryner. J. St. Clair-Sobell, A. W. Weinman.] Three papers in Slavonic Studies presented at the Fourth International Congress of slavists 1958. Vancouver, 1958.

Беспутин. Так же и другие фамилии, оканчивающиеся на *-ин*, подразумевают эпонимы на *-а*, что свойственно ряду говоров (закон открытых слогов): *Орехин* — *Ореха*, *Разин* — *Разя*, *Сабанин* — *Сабаня*, *Угрин* — *Угра*. Ср. современную фамилию *Кашуба*. Или, может быть, фамилию *Угрин* следует считать прозвищной, выделяя в ней *-ин* не как фамильный суффикс, а как суффикс лица: *угрин*, *волошин*, *татарин*, *турчанин*. Тогда здесь можно будет отметить омонимию суффиксов *-ин* притяжательного и *-ин* суффикса единичности.

Дж. Сент-Клер Собелл приводит две фамилии от «слова» *горе* (стр. 30) — *Горев* и *Горин*, хотя вторая может происходить и от эпонима *Гора*. Тут же он помещает фамилию *Яблокин*, но забывает о форме *Яблоков*, которая также возможна, как *Яблочков* при *Яблочкин*. Здесь формы на *-ин* отражают иную морфологию некоторых (к югу от Москвы) говоров, где нет среднего рода, и слова *яблока*, *горя* и даже *ведро*, *белье* — женского рода. Фамилия *Златин* может происходить не только от эпонима *Злато* в южнорусском оформлении *Злата*, но и от женского личного имени *Злата*.

Нельзя объединять, как это делает Дж. Сент-Клер Собелл, образования типа *Вопилов* и *Желанов* только потому, что они оба — глагольные. Если фамилия *Желанов*, подобно *Жданов*, *Нежданов* и др., и происходит от краткого причастия *желан*, *ждан*, *неждан*, то *Вопилов* происходит не от современного прошедшего времени и не от омонимичного ему древнего причастия *вопил*, а от существительного *Вопило*, ср. *Воротило*, *Мерцало*, *Кружало*, *Точило*, *Шумило*. Особенно очевидно это на последнем примере, где глагольная форма была бы *шумел*. Фамилии, образованные от эпонимов, оканчивающихся на *-ило*, *-ало*, *-ло*, опять подводят нас к проблеме морфологии имени в диалектах: *Шумилин* — *Шумилов*, *Кружилин* — *Кружилов*, *Кружалин* — *Кружалов*. Ср. аналогичные фамилии от канонических имен: *Михайлин* — *Михайлов*, *Гаврилин* — *Гаврилов*. Заметим, что эпонимы типа *Ждан*, *Вопило*, *Шумило* были древнерусскими неканоническими именами и лишь в качестве таковых служили основами фамилий.

Фамилии, сложившиеся «естественным» путем, обладают четкой и строгой словообразовательной морфологией. Фамилии с нечеткой морфологией обычно позднейшие или поспешно придуманные. В частности, отклонения от морфологической нормы нередки в церковных фамилиях, многие из которых сочинялись насмех, во время приема учеников, на вступительном экзамене, чтобы знать, как их записать. В таких случаях нередко первое услышанное или наугад найденное в какой-нибудь книге слово или имя становились основой фамилии, а суффикс добавлялся наиболее частотный — *-ов*, независимо от того, требовала ли основа фамилии этого суффикса или суффикса *-ин*. Так получились фамилии *Розов*, *Туберозов*, *Радостев* вместо ожидаемых *Розин*, *Ту-*

берозин, *Радостин*, с одной стороны, и *Фаворин* от *фавор*, вместо *Фаворов*, с другой. В церковных фамилиях в связи с этим нередко встречаются параллельные образования от одних и тех же основ с разными суффиксами: *Фаворин* — *Фаворов* — *Фаворский*, *Доброволин* — *Добровольский*, *Азбукин* — *Азбуков* — *Азбуковский*, *Пальмин* — *Пальмов*, *Дельтин* — *Дельтов* и т. п.

Дублетные фамилии типа *Милин* — *Милов*, *Крысин* — *Крысов*, *Копытин* — *Копытов*, *Шубин* — *Шубов* могли исторически образоваться от разных эпонимов, могли они возникнуть и при массовой паспортизации, когда люди оформляли суфф. *-ов/-ин* прозвища, которыми их чаще всего называли. Независимо от происхождения в синхронной лингвистике отмечаются дублетные формы с суфф. *-ов* и *-ин*, относящиеся к лицам из разных семей.

В новообразованиях почти всегда выступает суфф. *-ов* как однозначный, в то время как суффикс *-ин*, помимо омонимичного суффикса, выделяющего единицу из массы (*мордвин*, *осетин*), имеет и второй омоним — конечный элемент некоторых английских и дворянских шведских фамилий, где он не наделен притяжательностью: англ. *Бевин*, *Дарвин*, *Кронин*, швед. *Плантин*, *Чельпин*. Шведское *-in* восходит к франц. *-in* [ɛ̃] как подражание или как указание на происхождение (ср. *Chopin* — *Шопен*, *Valin* — *Валлен*). Параллельно с ним в шведском языке имеется конечный элемент *-en*: *Сюльвен*, *Шален*. Отмечающийся в немецких фамилиях конечный элемент *-ов*: *Радлов*, *Бюлов* — не омонимичен русскому *-ов*. Это тот же славянский суффикс принадлежности, попавший на германскую территорию и подвергшийся некоторой германизации, в результате которой конечное *-e* у немцев перестало произноситься: *Радло*, *Бюло*. Этим, между прочим, объясняется практиковавшаяся до последнего времени в Германии замена *-ов* русских фамилий через *-off*: *Petroff*, *Komagoff*. Слова, оканчивающиеся на *-ow*, для немцев привычны. Они часто встречаются в топонимии и оттуда проникают в антропонимию: *Pankow* — *Панко* (пригород Берлина), *Virchow* — фамилия — *Фирхо* (в русской традиции *Вирхов*). Аналогичным образом немцы произносят англ. *Stowe* — *Сто*, *Shaw* — *Шо*.

Вокализировалось славянское *-e* и на конце другого типа имен: *Вроцлав* — нем. *Бреслау*. В ряде случаев немецкое *-au* получалось и из славянского *-ов*: *Луков* — *Лукау*, *Трутнов* — *Траутенау*.

Как отмечалось, многие фамилии произошли от географических названий. Но при этом были и ограничения. Например, во Франции законы Наполеона (начало XIX в.) запрещали евреям образовывать фамилии от географических названий, дабы не смешивать их с французскими дворянскими. В Германии, как и в России, топонимы явились одним из главных источников еврейских фамилий. В результате чего имеются как фамилии, в точности повторяющие топонимы: *Люксембург*, *Франкфурт*, *Берлин*,

так и фамилии-дериваты, снабженные германскими или славянскими суффиксами, т. е., с одной стороны, *Франкфуртер, Берлинер, Жолквер, Дуклер* (топонимы Жолква, Дукла), а с другой — *Варшавский, Берлинский, Дукельский, Жолковский*.

Отмечаются в обиходной речи и такие факты, когда в области абсолютного преобладания какого-либо ономастического форманта фамилии вновь прибывших людей меняются по общей модели. Так, на Алтае и в Сибири в разговорном языке фамилии людей, прибывших из центра, перестраиваются по местному типу на *-их, -ых*: *Ивановский — Ивановских, Бережной — Бережных, Петров — Петровых* и т. д. На Украине фамилии неукраинцев могут перестраиваться по местному образцу на *-ко, -енко*: *Иванов — Иваненко, Голованов — Голованенко*. Наоборот, в России украинские фамилии могут оформляться суфф. *-ов (-ин)*: *Головко — Головов, Самойло — Самойлов, Михайленко — Михайленков*. Бывают и случаи замены одного аффикса другим: *Скляренко — Скляров*. Бывает и наращение аффиксов то одного, то другого языка: *Головин-ченко-в, Мостов-енко-в*.

Грузинские фамилии в Армении могут принять армянский облик, равно как армянские фамилии в Грузии могут оформляться на грузинский лад: *Мурадян — Мурадели, Арамян — Арамишвили, Саакян — Саакадзе, Майсурян — Майсурадзе, Орбелиан — Орбелиани, Геворкян — Георгадзе*⁴⁹. Ср. армянско-русские варианты: *Хачатурян — Хачатуров, Айвазян — Айвазовский, Кусикьян — Кусиков*; грузинско-русские: *Бараташвили — Баратов, Лобанидзе — Лобанов* и т. п. и даже латышско-грузинский *Аболс — Аболадзе*.

В прошлом веке все подобные перестройки происходили значительно легче. У почтовых работников, например, по свидетельству С. И. Ожегова и И. К. Кусикьяна, не вызывало сомнения, что *Осипов* в России это то же самое, что *Осипян* на Кавказе, и что *Поповым* в России мог стать любой армянин, в состав фамилии которого входила частица *Тер-*, свидетельствующая в армянском языке о происхождении человека из духовной среды: *Тер-Осипян, Тер-Габриелян*⁵⁰. В XX в. в связи со значительно большей вероятностью столкновения подобных частичных однофамильцев описанная традиция была утрачена. Строгая паспортизация тре-

⁴⁹ Ряд таких фамилий мог возникнуть независимо друг от друга от имен, общих обоим народам.

⁵⁰ Ср. другие признаки происхождения лица из духовной среды: греч. начальное *Пап(а) -* (поп): *Папандреа, Папандопуло, Папаригопуло, Папаафанасопуло*. У азербайджанцев, происходящих из духовной знати, перед именем добавлялась частица *мир-* (из арабск. *амир* 'эмир'): *Миркасим, Мирсаид, Мирбашир*. С образованием фамилий по русской модели указанная частица оказалась включенной в их состав: *Мирсаидов, Миркасим, Мирсаидович*. Первоначально морфему *мир-* могли добавлять к своим именованиям лишь те, кто считался прямым потомком пророка Мухаммада через его дочь Фатиму, жену проповедника мусульманства Али.

бует более строгого отношения к письменной форме фамилий, не довольствуясь их видимой близостью.

Двойные фамилии — образования более поздние, чем фамилии вообще. Применяются они для различения однофамильцев а также в тех случаях, когда две семьи, объединяясь, не хотят терять своих родовых прозваний. Так, у русского дворянства отдельные ветви старинных родов имели двойные фамилии, чтобы отличаться от представителей других ветвей: *Воронцовы-Вельяминовы* наряду с *Воронцовыми*, *Мусины-Пушкины*, *Бобринцевы-Пушкины*, *Шафериковы-Пушкины* наряду с *Пушкиными*. В фамилии *Муравьев-Апостол* закрепилось прозвание (фамилия) древнего украинского угасающего рода, последняя представительница которого вышла замуж за *Муравьева*. Такого же происхождения фамилии *Воронцов-Дашков*, *Остерман-Толстой*, *Орлов-Денисов*, *Доливо-Добровольский-Евдокимов*, *Юсупов-Сумароков-Эльстон*, *Глебов-Стрешнев-Бревен-де-ла-Гарди* ⁵¹.

У белорусского дворянства даже выработалась специальная формула двойных фамилий, где первая (редко вторая) часть остается в виде неоформленной основы, а вторая сопровождается каким-нибудь фамильным суффиксом, при этом желательна аллитерация первых слогов обеих частей: *Бонч-Бруевич*, *Грум-Гржимайло*, *Вируля-Белыницын*, *Плющевский-Плющик*. Пародии на такие фамилии часто встречаются в литературе: *Оболт-Оболдубев*, *Серационов-Пищик*.

Неравномерная распространенность различных основ в качестве выделяющих человека знаков и определенная сословная ограниченность «приемлемых» и «подходящих» основ для характеристики лиц того или иного сословия привели к различной степени популярности фамилий с различными основами и суффиксами, а следовательно, и к непропорционально широкому распространению отдельных фамилий по сравнению с другими. Так, в Москве в 1964 г. было 90 тыс. *Ивановых* (из них 1000 *Иванов Ивановичей Ивановых*), 78 тыс. *Кузнецовых*, 58 тыс. *Смирновых*, 30 тыс. *Волковых*, *Поповых*, *Петуховых*, *Соколовых*, *Гусевых*, *Дмитриевых*, и лишь один москвич носил фамилию *Июнькин* ⁵². В США дважды проводился машинный подсчет фамилий, употребляющихся в стране. В 1957 г. были проанализированы фамилии 117 миллионов жителей, в 1964 — 152 миллионов. Правда, подсчет выполнялся недостаточно точно: учитывались лишь шесть первых букв, в результате чего фамилии типа *Вильям*, *Вильямс* и *Вильямсон* были сочтены за одну и ту же фамилию. И все же это дало основание констатировать, что 2200 распространенных фамилий носит половина населения США. Зато у другой половины оказалось 1 100 000 редких фамилий. Фамилией

⁵¹ Ряд примеров сообщен автору Н. Г. Ахриевым.

⁵² «Вечерняя Москва», 13 мая 1964 г.

Смит именуется около двух миллионов американцев, Джонсон — около полутора, Браун, Вильямс, Джонс — свыше миллиона⁵³.

МОДЕЛИ ТОПОНИМОВ

Подобно тому, как в антропонимии отмечаются одноименные и многоименные системы (последние вызваны к жизни тем, что в развитом обществе обычно не хватает одного единственного имени для достаточно четкой характеристики человека, а многоименность ограничивается особенностями оперативной памяти человека), однословные и многословные названия существуют и в топонимии. Обычно люди просто не могут дать всем объектам, находящимся на данной территории, совершенно особое, не похожие друг на друга названия. А, возможно, это также связано и с особенностью памяти человека, так как потребовало бы и запоминания очень большого числа непохожих друг на друга слов. Повторяясь, названия требуют добавочных определений. Так возникают двусловные и многословные топонимы. Из них наиболее типичны двусловные. Более длинные относятся либо к сфере микротопонимии, где требуется очень подробное описание местонахождения небольшого участка: *На севере к Заяминной (гриве), Большой камень от Сиговицкой Теплицкой, Завальной гривы Теплицкий огорок* и т. п.⁵⁴, либо к вновь созданным официальным названиям, употребляющимся в живой речи не всегда в том виде, в каком они записаны: *Имени 26 Бакинских Комиссаров, 28 Апреля, Память Парижской Коммуны, Памяти 13 Борцов, 3-й мыс Явы, Северная Нижняя Калифорния, Юго-Восточная Новая Гвинея*.

В связи с указанными фактами для топонимов чрезвычайную важность представляет отношение составляющих их компонентов. Это может быть сочинение и подчинение, согласование и управление. Все эти типы отношений возможны в типологически разных языках. Поэтому модели топонимов в известной степени межъязыковы, а способы выражения этих отношений в каждом языке национальны. Например, атрибутивные отношения могут быть выражены прилагательным: русск. *Бычий Лоб*, существительным с предлогом: франц. *Front de Boeuf*, родительным падежом существительного: нем. *Stirn des Oхen* или сложением основ: нем. *Oхenstirn*, арабской идафой: *Ра'асут-Таури* и тюркским изафетом: *Окуз(нын) Баши*.

При осмысленном заимствовании из одного языка в другой меняется форма выражения отношения компонентов, характер же отношения сохраняется⁵⁵. Ср. англ. *Deer Island* и русск. *Олений*

⁵³ Е. С. С m i t h. Указ. соч., стр. 222—225.

⁵⁴ Примеры А. В. Никитина.

⁵⁵ А. В. С у п е р а н с к а я. Переводимые и непереводаемые типы геог-

остров, швед. Viteö и русск. *Белый остров*, англ. Great Coso Island и русск. *Большой Кокосовый остров*.

Классификация структурных типов топонимов для русского языка была дана автором в большой статье ⁵⁶. Ниже вкратце повторяются лишь некоторые ее положения.

Трудно сказать, какие топонимы возникли раньше, однословные или многословные. Изучение современных микротопонимов заставляет предположить, что с самых древних времен топонимы образовывались разными способами и что, наряду с названиями *Озеро, Берег*, были и названия типа *За озером, На берегу, Высокий берег, На другом берегу озера*. В языке американских индейцев засвидетельствовано даже название озера, означающее в переводе: «Я ловлю рыбу на этом берегу, ты — на том, и никто не ловит рыбу посередине».

В построении топонимов (особенно оронимов и гидронимов) значительная роль принадлежит географическим терминам. В названиях населенных мест, повторяющих названия физико-географических объектов, также содержатся географические термины, но первоначальное значение их в ойконимах ⁵⁷ легко стирается.

Однословные топонимы

Однословные топонимы могут быть простыми (производными и непроизводными) и сложными. Можно выделить названия, объединенные общими основами: *Камыши, Камышин, Камышинка, Камышеватая* или общими формантами: *Бережаны, Братушаны, Каушаны*. Первый случай с лингвистической точки зрения составляет словообразовательное гнездо. С юридической же точки зрения это разные названия, и основное в них то, что они относятся к разным объектам. Соотнесенность с объектом приобретает в топонимии главное значение, а словообразовательные связи помогают (а иногда и мешают) устанавливать взаимоотношения этих объектов.

рафических пазваний. «Acta Universitatis Carolinae», 1966. Philologia, 1—3. Slavia Pragensia, VIII.

⁵⁶ А. В. Суперанская. Типы и структура географических названий. «Лингвистическая терминология и прикладная топономастика». М., 1964.

⁵⁷ Ойконим — термин, предложенный ономотологами ряда славянских стран для обозначения названий поселений вообще (городов, сел, хуторов, отдельных домов), восходит в греч. οἰκέω ‘заселять’, ‘обитать’, ‘жить’, οἰκία ‘дом’, ‘строение’, ‘здание’. Ср. известное в русской традиции ойкумена (эйкумена) — совокупность областей земного шара, заселенных человеком. В связи с тем, что поселения разнообразны и мало похожи друг на друга, внутри ойконимов целесообразно различать поли(с)опимы (греч. πόλις, πόλιος (-εος) в сложных словах πολισ(τ)-) — названия городов, комимы (греч. κώμη) — названия сельских поселений, урбонимы — названия различных объектов внутри города, в том числе улиц, площадей, зданий. Украинцы предложили для названий городов термин астионим (греч. ἀστυ, ἀστεως, югославы — термин хороним для названий сельских поселений (греч. χωρίον).

Например, с основной *город (град)* возможны топонимы *Г'ород, Городок, Городки, Городково, Городище, Городищи, Городец, Городчаны, Градчаны, Городно, Гродно, Подгородное, Загородное, Пригородная; Новгород, Новгородка, Новгородское; Звенигород, Звенигородка, Звенигородское; Шаргород, Белгород, Славгород, Волгоград, Целиноград* и т. д.

Таким образом оказывается, что одна и та же основа может оформляться разными формантами и в соответствии с этим включаться в разные словообразовательные ряды, значение которых не одинаково. Выбор, который предоставляется языковыми возможностями, реализуется по-разному в зависимости от территории — для Севера типичнее *Городок, Городец, Ольховатик, Ольховатка*, для Юга и Запада — *Звенигородка, Городчаны, Ольховицы, Ольховка, Ольовец*, от размеров и статуса объекта: ручей *Ольовец*, речка *Ольховка, Ольховатка, Ольховица*, поселок *Ольховое, Загородное, Подгородная, Городище*, город *Новгород, Ольховск*, от времени образования названий — современное *Ольховск, Волгоград* и прежнее *Ольховица, Белгород*.

Значит, указанные ряды семиотичны. Где имеются лишь стереотипные формы, которые не могут варьировать, «где нет выбора — там и нет и семиотики»⁵⁸.

Из всего многообразия словообразовательных средств на определенной территории используется лишь ограниченное число типов, наиболее приемлемых (понятных, любимых) для данной местности. Причины, почему для того или иного ареала ведущими оказываются те, а не эти словообразовательные типы, весьма разнообразны. Они связаны с историей заселения края, сменой этнического состава, взаимодействием языков и диалектов и т. п. Совокупность топонимических типов, характерных для той или иной территории, называется топонимической системой данной территории. При определении типов топонимов можно ориентироваться только на определенные словообразовательные средства и на характер топооснов.

Никто не считал, сколько морфологических типов может входить в топонимическую систему какой-либо местности. Но представляется, что число типов должно быть ограниченным. Иначе система перестает функционировать как система. Ограниченное число типов для той или иной системы устанавливается посредством «естественного отбора» на основе предпочтения тех или иных свободно варьирующих форм названий. Для каждой точки территории топонимическая система различна. Где слишком много разрозненных, разнородных названий, не образующих определенной целостности, там нет топонимической системы. Именно так обстояло дело в Крыму в течение всех семи веков, на протяжении которых ведется

⁵⁸ А. А. Реформатский. Семиотика географической карты. «Лингвистическая терминология и прикладная топономастика». М., 1964, стр. 58.

более или менее подробное картографирование этой территории. Так остается и сейчас в связи с новыми и новейшими изменениями названий, многие из которых отличаются друг от друга лишь флексиями: *Подгорное, Подгорный*.

Системы не только территориальны. Многое в них зависит и от языка, и от времени возникновения названия. При билингвизме, существующем на ряде территорий, одни и те же реалии дважды, в двух видах отражаются в топонимии, создавая двойную номенклатуру. Такое положение, например, долгое время существовало у нас на территории Кавказа и сказалось в том, что названия одних и тех же объектов стали употребляться по-русски в двух параллельных вариантах, свойственных русскому и грузинскому языкам: *Сухум* и *Сухуми*, *Батум* и *Батуми*, *Арагва* и *Арагви*, *Алазань* и *Алазани* и т. д. Признание грузинских вариантов в качестве официальных не изживает из русской разговорной практики и тем более из литературы традиционных русских. По русским же моделям продолжают образовываться прилагательные: *сухумский*, а не *сухуминский*, *самтредский*, а не *самтредийский*.

Нередко от времени появления того или иного названия зависит не только значение его основы, но и морфологическая структура. Например, топонимы *Солдатово*, *Красноармейское*, *Генеральское* и *Прапорщиково* — это не только и не столько названия, объединенные общностью лексической основы — военные звания, это прежде всего названия разных эпох. Однако название не отражает социальных условий и институтов общества прямо и непосредственно. И хотя происхождение основы и важно (в царское время не было красноармейцев, а в советское — прапорщиков, генералы и солдаты есть сейчас, как были раньше), значительно большую услугу оказывает топонимический формант, ясно указывающий, что *Солдатово* — название дореволюционное, а *Генеральское* — новое.

В настоящее время новых названий с суффиксами *-ов(о)*, *-ин(о)* мало. А среди них много топонимов типа *Серов*, *Калинин*, *Ленино*, содержащих указанные суффиксы как фамильные.

Географические названия наших дней нельзя ставить в один ряд со старыми еще и потому, что акты присвоения их несопоставимы. В настоящее время он сводится к постановлению местного совета, фиксации его в документах и решению впредь называть объект так, а не иначе. Акт этот может быть просто переименованием, связанным с преобразованием села в поселок городского типа или город, может быть новым названием вновь созданного объекта. В любом случае при поиске названия берутся какие-либо слова, обозначающие социально-экономические условия нашей действительности, определенные настроения, природные условия и т. п., и словам этим придается форма названий: *Пролетарск*, *Октябрьский*, *Апатиты*, *Марганец*, *Солнечногорск*, *Светлогорск*, *Сосновоборск*, *Советский*, *Индустриальный*. У прежних названий совершенно иная история. Они, за редким исключением, — не результат акта

законодательства. Они постепенно видоизменялись и преобразовывались, причем одна и та же деревня могла иметь несколько названий, и лишь после того, как одно из них приобретало всеобщее признание, оно становилось официальным и попадало в писцовые книги, грамоты, купчие и т. п., при этом часто слово становилось названием, проходя через ступень прозвища и затем — при тяжательного прилагательного от него. Старые названия в наши дни подвергаются переосмыслению, лексическому и морфологическому, меняется характер моделей, изменяется восприятие прежних топонимов. Но при всех обстоятельствах типы названий определяются в первую очередь их формантами, которые позволяют приурочивать названия к определенным эпохам и соотносить их с определенными языковыми моделями.

Простые непроизводные топонимы

Простые непроизводные топонимы очень неоднородны как структурно, так и этимологически. Многие из них относятся к наиболее древней лексике, что не позволяет не только этимологизировать их, но и однозначно сопоставлять с каким-либо языком какой-либо группы. Это невозможно еще и потому, что многие древние названия неоднократно переходили из одного языка в другой, приспосабливаясь то к одной, то к другой морфологии, уподобляясь моделям не только разных языков, но и разных эпох, что в настоящее время увело их очень далеко от первоначального облика. Поэтому в современном русском языке такие названия, как *Карач*, *Клыч*, *Чулым*, *Эльбрус*, *Агрыз*, *Агармыш*, *Ком*, *Лез*, *Витим*, *Чугрым* и многие другие, воспринимаются как чистая основа. Среди этих топонимов выделяется группа названий с конечными мягкими согласными. Обычно это нерусские названия, получившие смягчение в русском языке как своего рода приспособление к русским парадигмам. Смягчались главным образом конечные *л*, *н*, *р* — согласные, которые могли быть мягкими в русском языке уже в древнейший период, а также *т*, очевидно, по аналогии с некоторыми несколько более поздними русскими словообразовательными типами (*мякоть*, *копоть*, *гать*, *пóдать*, *плеть*, *сеть*, *нить*, *прить*). Выделяются ряды названий с однотипными финалиями: *Тамань*, *Сызрань*; *Ирпень*, *Клевень*; *Дордонь*, *Рамонь*; *Бурынь*, *Гостынь*, *Ирдынь*, *Усмынь*; *Анадырь*, *Алатырь*, *Агыдарь*; *Голуметь*, *Илеть*, *Ипуть*, *Убеть*, *Уборть*; *Перемысль*, *Радомысль*, *Ярославль*. Только в последнем типе мягкий согласный — результат русских словообразовательных процессов. Во всех остальных — это приспособление иноязычного названия к русской морфологии: *Корсунь* — средневековое *Херсон*, *Казань* < *Казан*, *Астрахань* < < *Аджитархан*; *Ильмень* ср. *Ильмен-Тау*.

В иных случаях конечный мягкий согласный дает указание на передний сингармонизм всего слова: *Тюмень*, *Мезень*, *Велюнь*,

Гергебиль, Кильмезь, Лямбиль, Сибирь. Конечное л нерусских топонимов обычно смягчается: *Копыль, Радуль, Кондоль, Мотоль, Хороль, Кастель, Парабель, Которосль, Сокаль*. То же относится к названиям, оканчивающимся на -поль, большинство из которых искусственно создано в XVIII—XIX вв.: *Севастополь, Ставрополь, Кристинополь*.

Родовая принадлежность названий, оканчивающихся на мягкий согласный, часто бывает неясной, что затрудняет склонение; иногда в центре название воспринимается как мужского рода (*Кастель*), а на месте — как женского рода, или наоборот: центральное *Суздаль* (ж.) и местное (м.). Не меньшие колебания возникают с названиями, оканчивающимися на шипящий, что, помимо различия в склонении, выявляется и в различном написании: *Карач — Карачь, Клыч — Клычь*, ср. также центральное *Пудож — Пудожем* и местное (северное) *Пудожь — Пудожью*. Ср. установившееся написание: *Быдгощ, Кизгич, Керчь* ⁵⁹. Последнее название, по мнению В. Г. Фоменко, образовано от славянского *кърк* 'горло' (имеется в виду сужение пролива) с помощью йотового суффикса: *къркъ > кърчь > керчь*. Если это так, то ъ здесь вполне оправдан, хотя исторически его роль была совсем иной. Ср. еще одну древнюю форму этого названия *Корчев* ⁶⁰.

Помимо этого среди простых производных топонимов выделяются названия, понятные из современных языков, — отапелятивные топонимы, омонимичные именам нарицательным. Особенно многочисленны среди них онимизованные местные географические термины и слова, близкие к ним по значению: города *Курган, Городок, Ям, Городище, Счастье*; горы *Камень, Белок, Ближнецы*; станции *Тайга, Апатиты*; поселки *Успех, Победа, Коммуна, Урожай*. Здесь мы имеем дело с нулевой топонимической аффиксацией, хотя сами по себе слова *тайга, коммуна*, содержат формант -а, который одновременно служит и флексией им. ед., и словообразовательным суффиксом. Но все это на дотопонимической стадии.

Такой способ образования топонимов из апеллятивов в последнее время принято называть семантическим (термин восходит к В. В. Виноградову) ⁶¹. Однако правомерность этого

⁵⁹ О. И. Лабунько. Склонение географических названий с основой на мягкий согласный в современном русском литературном языке. «Уч. зап. Московского обл. пед. ин-та им. Н. К. Крупской», 1963, т. XXXIX, вып. 9; А. Г. Шпринцин. Об упорядочении русской транскрипции китайских слов. «Материалы восточной комиссии», вып. I. М., 1962; А. В. Супранская. Род заимствованных существительных в современном русском языке. «Вопросы культуры речи», вып. VI. М., 1965.

⁶⁰ См. также: А. И. Соболевский. Русско-скифские этюды I—XII. «Изв. ОРЯС», 1921, т. 26, стр. 35.

⁶¹ Но у В. В. Виноградова под семантическим, или лексико-семантическим, словообразованием подразумевается совсем не это. Ссылаясь на Л. В. Щербу и его докторскую диссертацию «Востоchnолужицкое наречие», в которой говорится, в частности, об образовании слов без специальных словообразовательных формантов,

названия сомнительна: в результате превращения *тайга* > *Тайга* меняется прежде всего применение слова, семантика же его не меняется. Но поскольку слово попадает теперь в другой ряд: *Чита*, *Благовещенск*, *Ерофей-Павлович*, его апеллативная семантика отступает на задний план.

Неверно называть этот способ и метафорическим. При метафоре имеется в виду стилистическая фигура, а здесь стилистика ни при чем. Иногда метафорой называют перенесение названия с одного пункта на другой: *Москва* в СССР и в Америке, *Варшава* в Польше и в США, что также неверно, как неверно и называть метафорой случаи переноса (фамилии *Пушкин* на город *Пушкин* и названия *Москва* в России — на город в США) или распространения названия (небольшого городка *Сибирь* на большую территорию, *Африка* — небольшой территории на севере материка — на весь материк). Указанный путь образования имен можно назвать способом с нулевой аффиксацией, способом без специальных ономастических формантов, онимизацией (топонимизацией) апеллатива. Можно также применять уточненный термин ономастическая (топонимическая) конверсия. Истинная конверсия плюс онимизация отмечается в случаях *догоняй* (глагол) — *Догоняй* (кличка собаки). Во всех этих случаях меняется объем применения, а также предметно-понятийная и объектно-номинативная соотношенность слова.

В последнее время все более расширяется категория топонимов, образованных из имен собственных, путем перенесения имени лица или названия какого-нибудь другого объекта на объект данный: города: *Пушкин*, *Киров*, *Артём*, *Ольга*, *Анна*, *Ильич*; станции: *Лена*, *Зап. Двина*, *Печора*; населенные пункты: *Кострома*, *Вязьма*. На упрочение этого типа могли повлиять иностранные модели: *Виктория*, *Байрон*, *Гудзон*.

Простые производные топонимы

Простые производные топонимы образуют четкие словообразовательные ряды, которые тем стройнее, чем новее образование и продуктивнее аффиксы. Топонимы с древними малопродуктив-

В. В. Виноградов относит к семантическому словообразованию обозначение новых понятий путем иного применения старых слов, относя к нему и калькирование, и различного рода переосмысления слов, и расщепление некогда единого слова на несколько омонимов, и образование нарицательных из собственных: *фефёла*, *фофан*, *хавронья*, но не собственных из нарицательных, см.: В. В. Виноградов. Словообразование и его отношение к грамматике и лексикологии (на материале русского и родственных языков). «Вопросы теории и истории языка в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию». М., 1952, стр. 145—152; Л. В. Щербачева. Опыт общей теории лексикографии. «Изв. АН СССР ОЛЯ», 1940, № 3, стр. 98—99.

ными аффиксами в настоящее время могут восприниматься как непроеизводные (выявленная В. А. Никоновым тройка *Случь*, *Збруч* и *Овруч*, антропонимические топонимы⁶² с йотовыми суффиксами: *Владимир*, *Перемышль* и т. п.).

Наиболее типичные современные русские топонимические суффы. -ов (-ев), -ин, -ка, -ск, (-цк) оформляют основы (понятные и непонятные) как существительные. Суффиксы -ий (-ая, -ое), -ный (-ная, -ное), -ский (-ская, -ское) оформляют основы (по большей части понятные) как прилагательные. К числу непонятных основ относим, помимо слов иноязычных и диалектных, еще и некоторые неканонические имена.

Существует определенный параллелизм в образовании названий на -ов (-ин) и на -ск (-цк). Оба суффикса, во всяком случае для русского мира, достаточно древние. Разница лишь в том, что истари на -ск образовались топонимы, обозначающие неличную принадлежность, качество: *Смоленск*, (Де)*Брянск*, *Полоцк* — река Пола, *Курск* — курья — старое русло реки, а на -ов, -ин — топонимы, обозначающие личную принадлежность: *Могилев* — по имени личному *Могила*, *Кашин* — по прозвищу *Каша* Алексин. Личная принадлежность обозначалась в старину и йотовым суффиксом: **Ярославј*, **Владимирј*, современное *Ярославль*, *Владимир* — *ј* после губных превращался в *л'*, а после *р* исчезал, смягчая его; *р* затем отвердевало. Когда этот способ делается неактуальным, топонимы на -ов, -ин приобретают большую силу.

Топонимы на -ск (-цк) образовывались раньше от слов, обозначающих природные объекты, а на -ов, -ин — от имен людей. Сейчас эти отношения несколько смещены, прежде всего потому, что функции суффы. -ск непомерно расширились. В сознании некоторых он прочно и однозначно ассоциируется с понятием названия города. Немало способствовало смещению прежних отношений и то, что многие названия на -ск в недавнее время образовались от фамилий на -ский с усечением окончания -ий: *Дзержинский* > *Дзержинск*, *Петровский* > *Петровск*, *Загорский* > *Загорск*, *Урицкий* > *Урицк*. В результате можно выделить ряд названий, где -ск избыточно: *Буйнакск* (ср. *Муйнак*), *Градизжск*, *Юрьевск*, *Соловьевск*, *Багратионовск*, *Можайск* (ср. народное *Можай*). И наоборот — названия, к которым это -ск может быть без труда прибавлено: *Александров-ск*, *Ершов-ск*, *Буданов-ск*, *Гусев-ск*, *Брагин-ск* и т. д. В некоторых названиях -ов (-ин) может быть заменен на -ск, и наоборот. Там, где основа — имя личное, каноническое или неканоническое, и вообще обозначения человека, замена -ов (-ин) на -ск невозможна. Возможно лишь добавление избыточного -ск: *Андреев-ск*, *Орелов-ск*. Там, где основа — топоним или неясное неканоническое имя, такие замены возможны: *Тухтасинов* — *Тух-*

⁶² В последнее время их стали называть более компактным термином антропопонимы.

тасинск, Каланов — Каланск, Драбов — Драбск; Ахтарск — Ахтаров, Билярск — Биляров, Никольск — Николин; ср. также реальные пары: Соколов и Сокольск, Царев и Царск, где вторые названия образованы от прилагательных или фамилий. Ср. Землянск и Заряновск, Козьмодемьянск и Беднодемьяновск, где во вторых случаях лишнее -ов; ср. Мичуринск и Халтурин, Николаевск и Николаев, Кировск и Киров.

Суфф. -ск присоединяют иногда и к нерусским топонимам, номинативность которых в русском языке и без того не подлежит сомнению. Например, Д. К. Зеленин отмечал, что название *Кзылту* имело одно время русифицированную форму *Кзылтууск* и *Кзылтусский* с избыточным *ск* и ненужным удвоением *с* и *у* ⁶³).

В старинных оттопонимических образованиях на -ск замена этого суффикса на -ов (-ин) невозможна: *Гжатск*, *Козельск*, *Безецк*, *Порицк*.

Чисто структурная разница образований на -ов и на -ск заключается в том, что первые образуются от эпонимов, оканчивающихся на согласный (*Ерш-ов*, *Кирилл-ов*, *Вен-ев*, *Цар-ев*), а вторые — от эпонимов с основой на согласный (*Бир-а — Бирск*, *Иркут-ск*, *Охот-а — Охотск*). После согласных *к*, *ц*, *ч* происходит ассимиляция и чередование: *Лук-а — Луцк* (< *Луц-ск*), *Лукач — Лукацк*, *Пориц-а — Порицк*.

От эпонимов, оканчивающихся на -а, образуются топонимы на -ин: *Алекса — Алексин*, *Каша — Кашин*, *Дедюха — Дедюхин*. От них же могут быть образованы топонимы с разновидностями суфф. -ск: -инск — *Бараба — Барабинск*, *Наталья — Натальинск*, *Лаба — Лабинск*, *Олёкма — Олёкминск*; -ийск: *Бия — Бийск*; -ейск: *Гвардия — Гвардейск*.

С суфф. -ово, -ино образуются топонимы от тех же основ, что и с суфф. -ов, -ин. Разница лишь в соотносённости названий и в их родовой принадлежности. Конечные -ов, -ин скорее ассоциируются с представлением о городе, а -ово, -ино о селе или поселке. Но это — тенденция последних лет. В прошлом веке такой тесной связи между размером или статусом объекта и формантом его названия не было. Статус объекта мог меняться, а название сохранялось в прежней форме. В результате до сих пор нет однозначного соответствия статуса объекта и форманта его названия: города *Коссово*, *Рассказово*, *Черемхово*, *Тейково*, *Сковородино*. Такое положение поддерживается двумя причинами: 1) суфф. -ов, -ин в топонимии совпадают с суффиксами фамилий, что несколько препятствует однозначному превращению -ово в -ов, как только село становится городом; здесь нередко на помощь приходит суфф. -ск (-овск); 2) суфф. -ово, -ино обладают особой топонимической способностью однозначно соотносить слово с населённым местом (без

⁶³ Д. К. Зеленин. [Рец. на справочник] «СССР. Административно-территориальное деление союзных республик», 1946.— ВГО, 1947, т. 79, № 4.

уточнения его статуса). При конкурировании двух возможностей: определения статуса объекта без четкого выделения слова как топонима (*Медведев*) и выделения слова как топонима без определения его статуса (*Шебекино*)—нередко предпочтение отдается второму. Это сопровождается почти полным исчезновением суфф. *-ова, -ина* (деревня *Жукова, Хавдина, Ильина*) и заменой их суфф. *-ово, -ино* или *-овка, -инка*: *Жуково, Ильино, Жуковка, Ильинка*, что также исключает омонимию с фамилиями.

Активность топонимической модели среднего рода проявляется и в том, что среди новых крымских топонимов очень много слов среднего рода: *Насыпное* из *Насыпной* через опisku картографа (вместо *Насыпкой*), *Луговое, Земляничное* и т. п. Последнее название очень возмутило К. Паустовского⁶⁴. Мало того, что в Крыму и земляника-то не растет, а тут еще *Земляничное* (что? варенье? мыло?). Основа названия для Крыма действительно неподходящая, но модели его К. Паустовский недооценил.

Отметим также бóльшую топонимичность суфф. *-ово* по сравнению с *-ино*, в результате чего в южнорусских районах первый заменяет второй: *Марьево* вместо *Марьино*.

Помимо названий с указанными суффиксами, топонимов-существительных среднего рода мало: типы *Ставище, Залесье* и нек. др. Названия типа *Олеско* или *Дубравно, Сенно* восходят к прилагательным, но не принятым в современном русском языке, где им соответствовали бы формы *Олесское, Дубровское* или *Дубравное, Сенное*.

С названиями, образованными с помощью суфф. *-ов(о), -ин(о)*, сопоставимы названия на *-овка, -инка*: *Александров — Александровка, Николаев — Николаевка, Ильино — Ильинка*. Форманты *-овск, -инск* сопоставимы с *-овка, -инка, а -ск — с -ка*. Вполне возможны такие пары, как *Волчяровск — Волчяровка, Иволгинск — Иволгинка, Красноярск — Красноярка*. Практически во всех названиях, оканчивающихся на *-ка*, оно может быть заменено на *-ск*. Но не во всех названиях на *-ск* возможны замены на *-ка*. Возможны: *Брянск — Брянка, Буинск — Буинка, Иловайск — Иловайка, Глузск — Глузка* и др. Образование соответствий на *-ка* затруднено от названий, где *-ск* присоединяется к конечному гласному *-ж, -л* или *-г/-ж* основ: *Геничск, Буйнакск, Волжск, Градизск, Волочиск, Волковыск, Архангельск, Лальск, Сальск, Козельск, Массальск*. То же от названий на *-цк* после гласных: *Липецк, Илецк, Бежецк*. От некоторых топонимов на *-ск* образованию соответствий на *-ка* мешает лексическое значение основы: *Братск, Спасск*.

От некоторых топонимов на *-ск* соответствующие образования на *-ка* — апелятивы: *Курильск — курилка, Ногайск — ногойка, Глинск — глинка, Армянск — армянка*. Впрочем, перечисленные

⁶⁴ К. Паустовский. Книга скитаний. «Новый мир», 1963, № 11, стр. 82.

апеллятивы и им подобные также употребляются в топонимии: *Глинка, Украинка*. Топонимы с суфф. *-ка* — это названия рек, деревень, а также некоторых городов: *Жмеринка, Макеевка, Рузеевка, Шепетовка* ⁶⁵.

К числу менее распространенных, но очень интересных образований принадлежат названия на *-ица*: *Винница, Вороновица, Глушица, Идрица, Оржица, Рыбница*; на *-ец*: *Вишневец, Воловец, Городец, Гороховец, Грязовец, Козелец, Музавец, Сторожинец, Юрьевец*; на *-ай*: *Баяндай, Билимбай, Бурундай, Ачисай, Курусай, Геокчай* (обычно тюркского происхождения); на *-щина*: *Духовщина, Козельщина, Монастырщина, Сахновщина, Шарковщина*; на *-иха*: *Волчиха, Кузнечиха, Ребриха, Синячиха, Топчиха*; на *-ье* (часто с префиксами): *Верховье, Залучье, Полесье, Понизовье, Усолье, Белополье, Белогорье, Большеречье, Подберезье* (обычно по природным условиям).

Отметим соответствия *-ецк/-ица*: *Бежецк — Бежица, Липецк — Липица, Белецк — Белица, Быстрецк — Быстрица, Илецк — Илица*, но *Кузнецк — кузница* (нариц.). Ср. *-ицк/-ица*: *Порицк — Порица, Богородицк — богородица* (слово иного плана).

Суфф. *-ка* сопоставим и с суфф. *-ец*: *Ивинка — Ивинец, Олонка — Олонец, Черемшанка — Черемшанец, Оршанка — Оршанец, Каменка — Каменец, Жабинка — Жабинец, Ильинка — Ильинец*. Такие же соответствия от названий на *-овка, -евка* употребляются преимущественно в качестве названий жителей, а также фамилий: *Дубровка — дубровец, Назаровка — назаровец*.

Отметим также соответствия *-ец/-ица*: *Бобровец — Бобровица, Дымбовец — Дымбовица, Згурец — Згурица, Лоховец — Лоховица, Порозовец — Порозовица, Солонец — Солоница, Грязовец — Грязовица*. Ср. *Крутец — Крутицы*, но не все эти возможности используются в образовании топонимов.

Теоретически возможно сопоставление суфф. *-ка/-ик*: *Дегтярка — Дегтярик, Уссурка — Уссурик, Ракитянка — Ракитяник* и т. п., но на практике этого почти нет. Отметим такой реальный пример, как *Каменка — Каменик*. Образование топонимов на *-ик* совершенно невозможно от названий на *-овка, -инка*: *Васильковка, Ильинка*. С суфф. *-ик* в топонимии скорее сопоставим суфф. *-ица*: *Орлик — Орлица*.

Суфф. *-ик* и *-ка* легко сопоставляются лишь на основе форманта *-оват (-еват)*: *Ольговатик — Ольговатка, Кустоватик — Кустоватка, Волноватик — Волноватка* ⁶⁶.

Ряд географических названий оформлен как существительные множественного числа. Такие топонимы происходят либо от при-

⁶⁵ В. А. Никонов. География русских суффиксов. «Onomastica», 1959, в. 2.

⁶⁶ Э. И. Косова. Севернорусские микропонимы с суффиксами *-оватик, -еватик*. «Микропонимия». М., 1967, стр. 147—149.

родных условий: *Куты, Семилуки, Горки*, либо от групповых прозвищ местных жителей: *Василевичи, Дедовичи, Каретники*.

Среди названий-прилагательных много относительных с суфф. *-ный, -ной*: *Песчаный, Дровяной*. Реже встречаются относительные прилагательные с суфф. *-овый, -овой*: *Коксовый, Зерновой*. Встречаются и относительные прилагательные на *-ий, -ый, -ой*: *Золотое, Жилой, Долгая, Частые* и причастия *Червленая, Рытое, Завитая*. Употребляются в единственном числе прилагательные всех трех родов довольно часто. Во множественном же числе названия-прилагательные — большая редкость. До недавнего времени, пока существовал институт частной собственности, в топонимии преобладали притяжательные прилагательные, а относительных почти не было.

Следует особо отметить продуктивность новых топонимов-прилагательных с суфф. *-ский, -цкий*: *Шахтерский, Красногорский, Рыбацкое, Урицкое*. В последнее время наблюдается вытеснение суфф. *-ный* суффиксом *-ский*. Ср. *Планерское* (название 1946) и довоенное название *Планерная*. В случае *Планерское* наблюдается неправомерное употребление суфф. *-ский*, с помощью которого должны образовываться прилагательные от собственных имен, а не собственные имена от нарицательных.

Соотношение суфф. *-вый* и *-ный* было показано в статье, посвященной названиям московских улиц⁶⁷. Подобно тому, как суфф. *-ов* в Москве встречается в 2—3 — 5 раз (в различные эпохи) чаще, чем суфф. *-ин, суфф. -ный/-ной* встречается в 5 раз чаще, чем суфф. *-вый/-вой*, поскольку именно с суфф. *-ный (-ной)* образуется большинство слов, связанных с профессиями и значительная часть прозвищных имен. Иногда название-прилагательное может быть образовано двояким образом: *Лихоборовская* или *Лихоборская* улица (по названию поселка *Лихоборы*).

Особо остановимся на префиксальных образованиях в топонимии. Выше они выделялись в антропонимии как тип «*indeclinabile + помен*»: *Безнос, Подобед*. В русской топонимии приставочные образования обычно сопровождаются суффиксацией: *Прикумск, Междуреченск, Подозерский, р. Подпольная, о. Поджабный*. Особым видом суффиксации являются плурализация (*Подстенки, Подсопки, Подосинки, Подсосонки, Подольги, Прилуки, Сутоки, Ростоки, Залецки, Заборы*) и диминутивность (*Междуречка, Поречка, Подгорка, Подгорица, Подкумок, Подхорёнок*). Однако есть случаи и бессуффиксные: *Кологрив, Колояр, Подкамень*. Для России бессуффиксные образования скорее относятся к микротопонимическим, нежели к собственно топонимическим названиям (*Залес, Подгора*). У западных славян этот тип известен и как собственно топоними-

⁶⁷ А. В. Суперанская. Применение метода лингвистической статистики к изучению топонимической системы г. Москвы. «Лингвистическая терминология и прикладная топонимика». М., 1964, стр. 128.

ческий⁶⁸. Кроме того, у западных славян очень распространен тип названий «предлог + существительное в косвенном падеже»: чешск. *На Подковце, У Райске Заграды, В Подбабе, Под Виноградем, К Горкам*.

Новые топонимы стремятся примкнуть к достаточно известному продуктивному типу. Отсюда — неустойчивость и вариативность многих из них, если составители «промахнулись», снабдив топоним неточным формантом или образовав его «не по правилу».

Суффиксальными, с точки зрения данного языка, можно считать и те иноязычные названия, конечные элементы которых морфологизуются, подравниваясь под его словообразовательные ряды: река *Оленёк*, ср. *огонёк*, *Охота* < *Оката*, ср. *сухота*.

Несколько особое место среди топонимических суффиксов занимает *-а*. С одной стороны, это не только флексия именительного падежа, но и словообразующий формант, о чем, в частности, свидетельствуют сопоставления названий некоторых рек и озер: *Волга* — *Волго*, *Двина* — *Двино*, *Нева* — *Нево* (теперь Ладожское), ср. также *Мста* — *Мстино*. То же подтверждается материалами А. К. Матвеева, ср. пары *Кобра* — *Коброзеро*, *Челма* — *Челмозеро*⁶⁹.

С другой стороны, субстратные названия, оканчивающиеся на *-а*, если их основа без *-а* не употребляется, казалось бы, можно считать простыми производными: *Ангара*, *Воря*, *Истра*, *Шексна*. Этимологически это *-а* может быть и чисто русским добавлением в порядке приспособления иноязычного названия к русским моделям, наиболее типичным для данной разновидности объектов, и морфологизацией иноязычного *-а*, которое может быть частью основы: *Махачкала*, и заменой русским *-а* любого иноязычного гласного: кабардинск. *Мэзэхэ* — *Мазеха*.

Встречаются случаи омонимии топонима, антропонима и апеллятива: *Орлик*, *Глинка*, *Корец*, *Емец*, *Крынка*. Все это — не только фамилии и не только географические названия, но еще и нарицательные имена литературного языка или диалектов, а также прозвищные неканонические имена. Представляется, что в случае *глинка* (глина), *Глинка* фамилия и *Глинка* топоним — и основа, и суффикс одни и те же, и речь идти может не об омонимии морфем, а об омонимии целых слов.

Перечисленные топонимы образованы от суффиксальных апеллятивов путем ономастического переосмысления (онимизации) их. Став топонимами, эти апеллятивы привнесли свои суффиксы в тоponимию и употребляются в ней как суффиксальные, наряду с другими топонимами, действительно образованными с помощью суфф. *-ец*, *-ка*, *-ик*, и др.: *Донец*, *Симбирка*, *Россоховатик*. Находясь в одних и тех же словообразовательных рядах и функционируя аналогич-

⁶⁸ М. К а г а ś. Nazwy miejscowe typu *Podgóra, Zalas* w języku polskim i w innych językach słowiańskich. Wrocław, 1955.

⁶⁹ А. К. М а т в е е в. Субстратная топонимия русского Севера. — ВЯ, 1964, № 2.

ным образом, перечисленные топонимы порывают с рядом нарицательных, в котором они возникли, нарицательное значение основы ослабевает, происходит их топонимическое переразложение. Апелятивная основа разлагается на новую, псевдотопонимическую, и суффикс: *Глинка* — *Глин* + *ка*, *Орлик* — *Орл* + *ик*, *Корец* — *Кор* + *ец*. Так происходит морфологизация и топонимизация их конечных элементов, и они начинают восприниматься как суффиксальные.

В рассмотренной группе омонимов первичен апелятив. Значительно шире представлена группа омонимов, созданная вокруг ономической основы: *Донец* — река, *донец* — конь донской породы, *донец* — житель Донской области, *Донец* — фамилия — все слова, производные от топонима *Дон*. Эта омонимия регулярнее первой, потому что почти от каждого названия можно образовать слова, обозначающие жителей и вторичные топонимы. Например, названия мелких речек, образованные от названий городов, часто бывают омонимичны названиям жителей:

Город	Река	Жительница
<i>Чита</i>	<i>Читинка</i>	<i>читинка</i>
<i>Нарва</i>	<i>Нарвитянка</i>	<i>нарвитянка</i>
<i>Казань</i>	<i>Казанка</i>	<i>казанка</i>
<i>Тихвин</i>	<i>Тихвинка</i>	<i>тихвинка</i>
<i>Горный Балыклей</i>	<i>Балыклея</i>	<i>балыклея</i> ,

а названия ручьев и небольших поселков могут быть омонимичны названиям жителей более крупных населенных пунктов с той же основой:

Село	Ручей	Житель
<i>Каменка</i>	<i>Каменец</i>	<i>каменец</i>
<i>Бобровка</i>	<i>Бобровец</i>	<i>бобровец</i>
<i>Боровка</i>	<i>Боровец</i>	<i>боровец</i>

как и названия типа *pluralia tantum* бывают омонимичны названиям жителей другого объекта:

Город	Жители	Село
<i>Клин</i>	<i>клинцы</i>	<i>Клинцы</i>
<i>Пава</i>	<i>павичи</i>	<i>Павичи</i>
<i>Углич</i>	<i>[угличи]</i>	<i>Угличи</i>

Как и в предыдущем случае (см. стр. 99), *Казанка* и *казанка*, *Клинцы* и *клинцы* омонимичны целиком, так как обозначают разные предметы и имеют различный объем значения и разные применения. Едва ли целесообразно говорить здесь об омонимии суффиксов, поскольку и в апелятиве, и в онома они одни и те же, различна же предметно-понятийная соотношенность слов в целом.

В любом языке выделяются топонимы — сложные слова, образованные в этом языке или заимствованные из других языков. Структура первых обычно бывает понятна, структура вторых — неясна. И те и другие доставляют немало хлопот нормализаторам, так как написание их колеблется (слитно, через дефис, раздельно⁷⁰).

В русском языке выделяется несколько структурных типов сложных топонимов; некоторые из них — чисто топонимические образования, иные же близко подходят к антропонимам.

Так, среди топонимов — сложных существительных к чисто топонимическим относятся образования с географическими и топонимическими определениями⁷¹: *Великомихайловка, Верхнетарасовка, Червоногригорьевка, Староюрьево, Дальнеконстантиново, Малоархангельск, Северодвинск, Большерецк*. Написание подобных названий должно быть слитным, потому что все эти типы трансформируются либо как *Дальнее Константиново, Малый Архангельск*, либо как [*Север(ная) Двин(а)*] + ск, [*Больш(ая) рек(а)*] + ск. Таким образом, это — два близких друг к другу типа образований с атрибутивными отношениями компонентов.

Сложнее охарактеризовать такие типы, как *Красноармейск, Петропавловск, Черноморск*, поскольку неясно, имеем ли мы здесь дело со сложением основ, в результате которого получается сложное слово (словосложение) или в образовании названия участвует готовая сложная основа, которую надо лишь оформить так, чтобы из нее получился топоним (деривация).

При частом повторении однородных конечных элементов они начинают восприниматься как форманты. Это относится, например, к компонентам -град, -градск, -город, -горск, -городок, -городка, -заводск, -дольск и нек. др.: *Павлоград, Ивангород, Электрогорск, Зеленоградск, Горнозаводск, Зеленогорск, Миргородка, Зеленодольск*. То же касается названий со вторым компонентом -поль: *Борисполь, Мелитополь*, ср. *Неаполь* и принятый в США вариант -полис: *Миннеаполис, Индианаполис*, а также названий на -поле: *Гуляйполе, Мариямполе* и -полье: *Белополье, Каргополье*.

Следует различать топонимы, образованные от сложных эпонимов: *Ярославль, Житомир, Златоуст*, и топонимы, образованные из сложения основ: *Соликамск, Волговерховье, Екатеринбург*. Первые образованы от антропонимических основ, вторые — от топонимических. Правда, они могут включать в себя и основы,

⁷⁰ См., например: Н. Z i k m u n d. Wie lange dulden wir noch Schlechtschreibungen wie «Hohen Neuendorf» und «Königs Wusterhausen»? — «Sprachpflege», Leipzig, 1966, J. 15, № 11; З. Д. Г о л у б е в а. О передаче номенклатурных терминов, входящих в состав немецких географических названий «Топонимастика и транскрипция». М., 1964.

⁷¹ Об их различии см.: А. В. С у п е р а н с к а я. Переводимые и непере-
водимые типы географических названий. «Acta Universitatis Carolinae». Philologica, 1—3. Slavia pragensia, VIII, стр. 167—168.

встречающиеся в антропонимии, но не употребляющиеся в таких сочетаниях. Ср. *Дедослав* — имя, *Екатеринослав* — город, *Божидар* — имя, *Екатеринодар* — город: в качестве основ старых славянских имен не могли употребляться канонические имена. В результате длительного употребления в топонимии названий типа *Станислав*, *Изяслав*, *Брацлав*, компонент *-слав* (*-цлав*) настолько топонимизировался, что стало возможным образование *Екатеринослав*. Еще шире топонимизация компонента *-дар*: *Краснодар*, *Солнцедар*. Как своего рода топоформанты воспринимаются также морфемы *-мир* в *Житомир*, *Вилькомир* (ср. *Владимир*), *-мысль*, *-мышль* в *Радомысль*, *Перемышль*.

Если компоненты сложных названий рассматривать как значимые, семантика их налицо. Десемантизация происходит не в момент образования топонима и не в момент онимизации апелатива, а в процессе употребления, как следствие этой онимизации, как воздействие системы имен.

Названия — сложные прилагательные, особенно новые, могут отличаться от названий — сложных существительных лишь аффиксальными элементами: *Красногорск* — *Красногорское*, *Петропавловск* — *Петропавловский*. Почему название оформлено как прилагательное (*Красноармейское*), а не как существительное (*Красноармейск*), и почему как прилагательное среднего, а не мужского или женского рода, определяется как традицией языка, так и особенностями местной топонимической системы.

Лишь очень немногие из топонимов — сложных прилагательных не могут быть заменены соответствующими сложными существительными: это образованные из сочетаний двух прилагательных *Новоэкономическое*, *Новоугольный*, *Сухобезводное* и индивидуальное южное образование *Каменномоетская*. Сложные прилагательные с первыми компонентами *ново-*, *старо-*, *верхне-*, *нижне-*, *центрально-*, *северо-*, *южно-* и т. п. могут легко употребляться и без них: *Верхневолынское* и *Волынское*, *Староенисейский* и *Енисейский*. Но употребление одних лишь вторых компонентов таких названий, как *Белоярское*, *Горячеводская*, *Горячеисточенская*, *Каменномоетская*, почти полностью исключается.

Топонимы — сложные прилагательные часто бывают омонимичны прилагательным, образованным от сложных топонимов-существительных: *Среднеуральск* — *среднеуральский*, *Староюрьево* — *староюрьевский*.

В особые типы выделяются названия с числительными: *Двуречная*, *Семибратское*, *Четырехстоловой*, а также названия — сложносокращенные слова: *Свирьстрой*, *Трудфронт* ⁷².

⁷² У географов не рекомендуется брать в качестве основ для новых названий буквенные аббревиатуры. Но все же произведенные от аббревиатур названия иногда встречаются: долина *МГГ* (Международного геофизического года) в Антарктиде, пик *ЦДСА*, поляна *КСУ* — *ЛИИ* (Комиссия содействия ученым устроила там свою базу, а Ленинградский индустриальный институт

Поскольку для русского языка как для индоевропейского название — прежде всего существительное, иноязычные топонимы, независимо от оформления в языке-источнике, воспринимаются в нем как существительные. Они присоединяются к парадигмам существительных, и этим определяется их дальнейшая судьба.

Насколько сложные иноязычные названия воспринимаются как сложные, зависит от эрудиции каждого человека и от известных ему топонимических типов. Следует полагать, что морфема *-бург*, участвующая в образовании русских и зарубежных названий (*Оренбург*, *Магдебург*), воспринимается русскими как самостоятельная, чему в прошлом способствовали названия типа *Петербург*, *Екатеринбург* с четкой первой основой, что допускало даже такие переделки, как сокращенное *Питер*, с одной стороны, и *Сторожинбург* из *Сторожинец* (пример Ю. А. Карпенко), с другой стороны.

Но едва ли каждый русский воспримет как сложные такие названия, как *Ярмут*, *Ноттингем*, *Мидлтон*, *Клермонт*. Если же они ему и покажутся сложными, то, не зная английского языка, он едва ли сможет правильно провести в них морфемные границы.

Многословные топонимы

Многословные топонимы — это словосочетания с сочинительной, подчинительной или предикативной связью компонентов. На примере их можно в миниатюре проследить многие синтаксические явления. Для индоевропейских языков топонимы — предикативные сочетания не характерны. Ряду восточных языков свойственны все три типа.

Сочинение компонентов осуществляется двояким способом: с помощью союза и бессоюзно. В иноязычных топонимах союз «и» обычно переводится, а все значащие компоненты названия транскрибируются: область *Косово и Метохия* (Сербия), департаменты *Мёрт и Мозель*, *Сона и Луара*, *Иль и Вилен* (Франция), штат *Джамму и Кашмир* (Индия), территория *Федерация Родезии и Ньясаленда* (Ю. Родезия), губернаторство *Бахтиярия и Чехармехель* (Ирак), медье *Веспрем и Шомодь* (Венгрия), республика *Босния и Герцеговина* (Югославия), область *Траж-уж-Монтиш и Ату-Дору* (Португалия).

Странными на этом фоне выглядят: фюльке *Мёре-ог-Ромсдаль* (Норвегия), графство *Росс-энд-Кромарти* (Великобритания)⁷³,

построил лагерь) на Кавказе. Ряд многословных названий принято заменять аббревиатурами: *ЮБК* — Южный берег Крыма, *БАМ* — Байкало-Амурская магистраль, а также многие названия стран, областей, республик: *РСФСР*, *ДРВ* и др.

⁷³ «Словарь географических названий зарубежных стран». Под ред. М. Б. Волостновой. М., 1965.

где союз не переводится, а также транскрибируется, при этом для русского теряется отношение компонентов и все название превращается в малопонятный комплекс.

Бессоюзные сочетания — земли *Баден-Вюртемберг, Северный Рейн-Вестфалия*. Для русских названий такого рода образования не очень типичны. Они встречаются в названиях районов, данных по двум входящим в район объектам: *Амур-Нижнеднепровский, Пермско-Ильинский, Тунги-Олекминский, Эхирит-Булагатский*. Но имеющаяся здесь аффиксация способствует универбизации сочетания. Названия населенных пунктов, получившиеся из слияния двух объектов, иногда объединяют в себе оба: *Иваново-Вознесенск, Брянск и Бежица, Ср. Буда-Пешт*. Но такие слившиеся объекты часто называются лишь одним, первым названием: *Иваново, Брянск*. Сочетание старого названия с новым также может создать двойное название с казалось бы сочинительной связью компонентов: *Пошехонье-Володарск*. Но и при этом не возникают названия, подобные *Сена и Луара* или *Баден-Вюртемберг*. Аффиксация делает свое дело, объединяя части названия в одно слово.

Топонимы — словосочетания с подчинительной связью компонентов чаще всего бывают определительными с согласованием (*Красный Яр*) или управлением (*площадь Маяковского*).

Среди определительных сочетаний немало названий, состоящих из местного географического термина и определения, нарицательного или собственного. Так: *Наветренные о-ва, Крысы о-ва, течение Западных Ветров, пролив Географа, Земля Сандвича, Игольный мыс, Коралловое море, Китовый хребет, Драконовы горы, Бассов пролив, Дейвисов пролив*.

Другой тип определительных сочетаний — соединение собственно топонима с определением: о. *Западный Каменный*, реки *Большая* и *Малая Кокшага* (притоки Волги), р. *Сухая Самарка*, (л. приток Волги), *Вторые Тербуны*. Входящие в состав подобных названий определения — географические (*западный, восточный, северный, южный, центральный*) и топонимические (*большой, средний, малый, первый, второй, третий..., верхний, нижний, сухой, мокрый* и т. п.) в целом системны. Часто в качестве их используются слова с антонимическим значением, подразумевающие противопоставление. Н. В. Подольская называет такое противопоставление бинарной оппозицией⁷⁴. Однако системность эта в процессе функционирования названий нередко нарушается как по экстралингвистическим причинам (*Малые Вязьмы* разрослись и стали больше *Больших Вязьм*), так и по языковым. Оказывается, определения эти должны хорошо различаться, и,

⁷⁴ Н. В. Подольская. Проблема изучения типовых связей названий бассейна одной реки. «III Республіканська ономастична (гідронімічна) конференція (тези)». Київ, 1965, стр. 135.

системные сами по себе, они могут и не образовывать цельной системы в каждом конкретном случае, при этом нарушения системы, отклонения от системности у них могут быть по форме и по содержанию. Так, формальный элемент нарушается в послевоенных крымских названиях *Большая* и *Малая Садовая*: через 20 лет они превратились в *Большое Садовое* и *Малосадовое*. Отступления от системности по содержанию отмечаются в таких непарных названиях близлежащих объектов, как *Большая* и *Черная Маза* — левые притоки Волги, *Большая* и *Бешеная Камчия* (*Голяма* и *Луда*) в Болгарии, *Белая* и *Соленая Куба* (бассейн Еруслана) и, разумеется, при переименованиях: *Новая Басманная* без *Старой* (которая стала *улицей Маркса*) в Москве.

Отношения компонентов при заимствовании названия из одного языка в другой должны по возможности сохраняться. Неверно поступают редакторы последних изданий наших карт и атласов, стремящиеся во имя мнимой фонетической близости нарушить традиционно сложившиеся морфологические типы. Так, при заменах типа *Кокосовый* пролив на прол. *Коко*, *Китовая бухта* на *Уолфиш-Бей*, *Большая Соляная пустыня* на *Деште-Кевир*, *Бассейн Кейна* на *Кейн-Бессин*, пролив *Малый Минч* на *Литл Минч* при сохранении *Большого Бельта*, прол. *Гекаты* на прол. *Хекатес* и т. п. теряется информация, которая и так бывает невелика в названии, а кроме того, некоторый международный топонимический фонд присваивается одному какому-нибудь народу, облекаясь в национальную форму его языка, что может быть неверно и исторически, и лингвистически.

Это отмечал и С. И. Ожегов — тонкий знаток и талантливый нормализатор литературного языка. Среди лиц, занимающихся установлением русских орфограмм географических названий, он выделял как сторонников русификации и вместе с тем сохранения традиционных форм, так и сторонников приближения к произношению оригинала, что обычно связано с пренебрежением к традиции и тем нормам усвоения иноязычных топонимов, которые сложились в русском языке за последние два столетия. С. И. Ожегов подчеркивал необходимость выработки разумной точки зрения, учитывающей и русские нормы передачи, и обстоятельства, облегчающие общение с иностранцами. В частности, он был против переделки грамматического оформления иноязычных топонимов (*Маршалльские о-ва* — *Маршалловы* — замена относительного прилагательного притяжательным)⁷⁵.

При заимствовании названий близкородственных языков иногда заимствуют и иноязычную модель: *Гданьская бухта*, *Познань-*

⁷⁵ С. И. Ожегов. Выступление на совещании, посвященном транскрипции географических названий. «Транскрипция географических названий». М., 1960, стр. 93.

ское воеводство. Поскольку образование оттопонимических прилагательных — дело того языка, в котором они употребляются, а не языка-источника, для русского употребления эти топонимы неверны. Следует *Гданская бухта*, *Познанское воеводство*.

Вызывает возражение изменение названия *Целебесское море* на *море Сулавеси*, связанное с уточнением транскрипции названия острова. Поскольку для названий морей приняты определительные конструкции, по-русски *море Сулавеси* воспринимается так же, как *Руфи*, *Есфири*, *Нинели* и т. п. Чтобы сохранить модель, надо сказать *Сулавесское море*. Также неверно передавать названия областей, островов, заливов и т. п. с помощью именительного падежа: *залив Акаба*, *о-ва Бахрейн*. Эти категории топонимов настолько естественны в русском языке как определительные, что *Акаба* поневоле воспринимается как род. ед. от несуществующей фамилии *Акаб* (ср. залив *Географа*), а *Бахрейн* как ед. мн. от *Бахрейны* (как *тайны* — *тайн*). Следует: *Акабский залив*, *Бахрейнские о-ва*. Существует и еще одна модель, типичная для названий островов: *Геприды*, *Филиппины*. В соответствии с ней было бы правильно и *Бахрейны*, но никак не *Бахрейн* (арабское двойственное число *Бахрāни*, род. *Бахрейни*).

Было бы неверно, однако, считать, что любые определения в составе любого названия должны обязательно переводиться. Это относится лишь к названиям крупных физико-географических объектов, находящихся главным образом в нейтральных водах, и к международно-известным названиям. Названия объектов, находящихся не в пограничных районах и принадлежащих сугубо территории одной страны, транскрибируются: *Аппер-Ред-Лейк*, *Брокен-Хилл*, *Бель-Виль*, *Баян-Гол*, *Биг-Белл* и т. д.

Заметим, что смысловая передача многословных иноязычных названий приемлема лишь по отношению к физико-географическим объектам, где сканд. *Стурефьорд* — это 'большой фьорд,' а *Витео* — 'белый остров', и неприемлема для названий населенных пунктов, где фьорд или остров только послужили основой как для постройки вторичного, созданного руками человека, объекта, так и для его названия. Поэтому в составе названий населенных пунктов все отношения, выраженные различными служебными словами, так и передаются с помощью транскрипции: *Бон-Жезус-да-Лапа*, *Борго-Валь-ди-Таро*, *Аккуавива-делле-Фонти*, *Алкасир-ду-Сал*, *Бельвис-де-ла-Хара* и т. д.

Особо следует сказать об изменениях типа р. *Северный Саскачеван* — *Норт-Саскачеван*, р. *Северный Канейдиан* — *Норт-Канейдиан*. Из четырех конструкций правильной можно считать только одну: *Северный Саскачеван*. Остальные три — недопустимы, так как представляют собой обрывки английских фраз. Передача *Северный Канейдиан Ривер*, видимо, совершенно недопустима, поскольку в ней смешивается русская грамматика с английской. Можно *Норт-Саскачеван-Ривер* и *Норт-Канейдиан-Ривер*. Слово

Ривер необходимо здесь и в русском языке как конструктивный элемент, так как без него группа остается незавершенной. По этой же причине в арабских названиях *Белого* и *Голубого Нила* необходим начальный артикль. Надо: *Аль-Бахр-аль-Абьяд* и *Аль-Бахр-аль-Азрак* или, если арабский артикль принято передавать как *эль*, — *Эль-Бахр-эль-Абьяд* и *Эль-Бахр-эль-Азрак*. Интересно, что в учебном русско-арабском словаре для арабов эти реки обозначены по-арабски *Ан-Нил-Аль-Азрак* и *Ан-Нил-Аль-Абьяд* ⁷⁶.

Сочетания, где одно слово управляет другим, для русского языка менее характерны: о-ва *Два Брата*, гора *Три Сестры*, о-в *Четыре Пальца*, населенные пункты *Имени Одиннадцатого Октября*, *Памяти 26 Бакинских Комиссаров*. JMB

Словосочетания с предикативной связью компонентов можно отнести к подчинительным, поскольку в них, как и в любом предложении, субъект подчиняет себе предикат, заставляя его принять форму определенного лица, рода, числа: тюркск. *Барса-Кельмес* '(если) пойдет, (то) не вернется', лакск. *Ккаччи-бутай-мурлу* '(скала, с которой) сбрасывают собаку' ⁷⁷.

Иноязычные названия — словосочетания пишутся по-русски через дефис, благодаря чему границы морфем оказываются совершенно очевидными для русских, но значение основ воспринимается каждым индивидуально, в зависимости от степени знакомства с языком-источником: *Куперс-Крик*, *Шеллефте-Эльв*, *Градец-Кралоуе*, *Бель-Виль*, *Лаго-Маджоре*, *Биг-Блу-Ривер*, *Лейк-оф-Бейз*. Дефисное написание — дань иноязычной морфологии и облегчение чтения не связанных со значением в русском языке комплексов. Других оснований для дефисного написания подобных названий в русском языке нет, поскольку все название в целом стремится к однословности, а первые компоненты их оказываются прочно инкорпорированными: они не склоняются (изменяется лишь окончание самого последнего компонента) и не употребляются отдельно без последующих компонентов применительно к одному и тому же объекту: у нас только *Рио-де-Жанейро*, хотя на Западе обычно просто *Рио*.

⁷⁶ См.: «Словарь географических названий зарубежных стран». Под ред. М. Б. Волостновой; ср.: «Русско-арабский учебный словарь». Сост. Г. Ш. Шарбатов. М., 1964.

⁷⁷ Ввиду необычности предикативных топонимов для индоевропейских языков и недостаточно детальной их изученности, здесь они специально не рассматриваются; см.: С. М. Х а й д а к о в. Глагол в лакских топонимах. «Топонимика Востока. Новые исследования». М., 1964; Г. И. Д о н и д з е. Глагольные топонимы в тюркских языках. — Там же. Дж. Н. К о к о в. Кабардинские географические названия. Краткий словарь. Нальчик, 1966; С. А т а н и я з о в. Топонимика юго-восточного Туркменистана (автореф. канд. дисс.). Ашхабад, 1966; А. С. Б и т а н о в а. Глагольные конструкции в казахской топонимике Кустанайской области. «Питання ономастики». Київ, 1965.

Поскольку картографирование различных областей нашей страны проводилось в разное время и различными людьми, по-разному складывались и традиции слитного или дефисного написания похожих и даже одинаковых названий. Особенно это относится к тюркоязычным топонимам, многие из которых состоят из двух-трех коротких морфем, легко выделяющихся для русских не только структурно, но и по смыслу — следствие бытового контакта обоих народов. Так, *Аккуль* в Казахстане пишется слитно, а в Киргизии — через дефис: *Ак-Куль*; *Кара-Даг* в Крыму через дефис ⁷⁸, а в иранском Азербайджане — слитно: *Карадаг* ⁷⁹. И, хотя в словаре под ред. М. Б. Волостновой ⁸⁰ оба Карадага даны одинаково, жители Крыма продолжают писать название своей горы через дефис, обе части с прописной буквы.

В национальных традициях отдельных республик нашей страны можно встретить и третий тип написания: второй компонент топонима пишется с маленькой буквы и через дефис: *Ак-су*, *Ак-куль*. Такие написания оправданы для национальных языков, где смысловое значение морфем понятно всем и вторые компоненты выступают как термины данного языка, а не как номенклатура (к чему сводится их роль в заимствующем, в данном случае русском, языке). Законодательства отдельных республик, в частности Киргизской ССР, играя положительную роль в деле развития картографирования на национальных языках, оказываются тормозящими факторами в общем процессе установления единых норм написания названий на русском языке, поскольку в них формы, обязательные для киргизского языка, объявляются обязательными и для русского, заставляя его варьировать на разных территориях и подходить с разными мерилami к одному и тому же материалу, вместо того, чтобы быть единым на всей территории нашей страны.

Если название стремится к однословности, следует помочь ему обрести эту однословность, и при варьировании написаний предпочтение следует отдавать слитным: *Аксу*, *Аккуль* и т. д.

РОД И ЧИСЛО СОБСТВЕННЫХ ИМЕН

Проблема родовой соотнесенности имени в тех языках, где есть категория рода, возникает лишь для топонимов. Антропонимы обычно распределяются между мужским и женским родом в зависимости от пола субъекта. Исключение — некоторые уменьшительные имена, которые в ряде языков могут быть среднего рода под влиянием определенных суффиксов: болг. *Миче* от Мария, нем. *Karlchen*, *Mariechen*, *Friedlein*. По среднему роду в украин-

⁷⁸ В. В. Купченко. Кара-Даг. Симферополь, 1968.

⁷⁹ «Географический атлас для учителей средней школы». М., 1954.

⁸⁰ «Словарь географических названий СССР». Под ред. М. Б. Волостной, М., 1962.

ском языке склоняются фамилии на *-о, -ко, -енко*, хотя соотносятся с субъектами мужского и женского рода.

В большинстве русских имен и фамилий род выражен грамматически: *Егор, Комков, Петровский; Мария, Антонова, Толстая*. Некоторые имена принадлежат мужскому роду лишь по смыслу: *Данила, Гаврило(-а), Миша*. Эти имена аналогичны группе имен нарицательных мужского рода (первого склонения); *дядя, папа*. В фамилиях типа *Живаго, Хитрово, Чутких, Михайленко* род является чисто лексической категорией. Фамилии же эти — в большинстве своем не склоняются.

Многие заимствованные имена и фамилии в русском языке соотносятся с мужским или женским родом тоже только лексически, так как их окончания грамматически не соответствуют русским. Это фамилии и имена, кончающиеся на гласный: *Гуно, Асколи, Золя, Дюма, Доде* и т. п. Соотнесение их в предложении с прилагательными мужского или женского рода или с прошедшим временем глагола мужского или женского рода зависит лишь от знания говорящего, кому принадлежит данное имя: *Вошел Папандопуло; Пришла Костанди; Славный малый этот Дюпре*.

Фамилии и имена, оканчивающиеся на согласный, имеют невыраженный грамматический род в именительном падеже единственного числа: *Гросман, Шален, Сибелиус, Гарриэтт, Жан*. В косвенных падежах фамилии мужчин склоняются, а фамилии женщин остаются без изменения.

Род географического названия в данном языке обычно не зависит от его родовой соотнесенности в языке-источнике, который может и не иметь категории рода вообще.

Например, названия *Рейн, Майн* мужского рода как в немецком, так и в русском языке, но *Одер*, название женского рода у немцев, в русском языке было словом мужского рода. В настоящее время это название передается на русский язык с польского, где *Odra* — *Одра* женского рода. Большинство рек Франции женского рода: *la Seine, la Loire, la Gironde, la Garonne*. В русском языке они также являются словами женского рода, благодаря присоединению форманта *-а*: *Сена, Луара, Жиронда, Гаронна*. По этому же образцу название *Рона* в русском языке становится словом женского рода, хотя во французском это *le Rhône*, ср. *le Loiret, le Tarn*.

Род некоторых географических названий в немецком языке зависит от языка прежних обитателей территории. Э. Прокош отмечает, что названия рек мужского рода встречаются на территории былого кельтского заселения: *der Rhein, der Main, der Neckar, der Inn, der Lerch, der Regen*, а названия рек женского рода в местах, где жили славяне: *die Elbe, die Oder, die Weichsel*. Под некоторых названий колеблется: *der* и *die Eisack* ⁸¹.

⁸¹ Э. Прокош. Сравнительная грамматика германских языков. М., 1954, стр. 19.

При определении рода географического названия в русском языке, если его конечные элементы не дают однозначного указания на родовую принадлежность, обычно руководствуются категориальной принадлежностью слова, т. е. соотношением с тем или иным географическим термином, род которого механически переносится на род топонима: город, район, штат, остров — мужского рода; река, гора, деревня, страна, область, провинция, колония — женского рода; село, государство — среднего. Так, города *Триполи*, *Хакодате*, *Аомори*, *Чарджоу* — мужского рода, гора *Юнгфрау*, река *Янцзы* — женского рода, озеро *Эри* — среднего рода. Но это правило не абсолютно. Из него есть исключения: *пятиглавый Бештау*, *Северный Борнео* и др., связанные с традициями литературного языка и региональными традициями. Например, в Крыму для местных жителей *Кастель*, *Чучель* — гора, значит женского рода, для литературного языка центра горы, обозначенные словами, не дающими непосредственного указания на их родовую принадлежность, естественнее называть в мужском роде: *дивный Ай-Петри* (И. И. Кешпен. О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. СПб., 1836, стр. 198). Может быть, это тенденция литературного языка, связанная еще с лермонтовскими стихами и с Кавказскими горами, названия которых значительно чаще, чем Крымских, попадают в литературу и нередко в мужском роде. Ср. название *Коктебель*, которое, ассоциируясь со словом поселок или колхоз, употребляется в мужском роде, а деревня, местность — в женском.

Если в пределах одной топонимической системы функционируют квазиомонимические пары, отличающиеся лишь твердостью и мягкостью конечных согласных, варианты, оканчивающиеся на мягкий согласный, обычно относятся к женскому роду: *Аргун* — *Аргунь*, *Аят* — *Аять*, *Орел* — *Орель*, *Арыс* — *Арысь*. Где эта парность не представлена, родовая соотнесенность осуществляется иначе: топонимы на *-ырь* мужского рода: *Ала́тырь*, *Ана́дырь*, *Агады́рь*, а на *-ирь*, *-ерь* — женского: *Сви́рь*, *Сиби́рь*, *Тве́рь*.

Не очевидна родовая принадлежность названий, оканчивающихся на шипящий. Местные жители обычно знают, какого рода названия типа *Случь*, *Збруч*, *Овруч*, но в общелитературном языке конкретность и однозначность их теряется. В общей традиции топоним *Керчь* женского рода, *Вайгач*, *Богданович*, *Котельнич* — мужского. Но род таких названий, как *Пудож*, *Клыч*, колеблется, о чем свидетельствует вариативное появление *ь* на конце.

В стихах прошлого и начала нашего века в женском роде употреблялось название *Марсель* (Курочкин, Напутствие; Г. Иванов, Отрывок. Сб. «Вереск»), для современного языка это странно. Произошла ассоциация с родовым нарицательным *город* ⁸².

⁸² А. В. Суперанская. Род заимствованных существительных в современном русском языке. «Вопросы культуры речи», вып. VI. М., 1965.

В ряде случаев наблюдаются колебания в роде, связанные с изменением флексии нуль/-а: *Мудьюг — Мудьюга* (Архангельск. обл.), *Марух — Маруха* (Ставроп. кр.), *Балтимор — Балтимора* (США). Ср. ит. Milano, Napoli, Torino, которые, отбросив конечный гласный, стали в русском языке именами мужского рода. Ср., однако, *Сорренто, Отранто*, которые по тому же образцу не превращаются в *Соррент, Отрант*. Иногда несоответствие рода, очевидно выраженного в слове, и географического термина, с которым соотнесен топоним, приводят к комическим эффектам. Подробно это описано в статье, посвященной склонению собственных имен⁸³.

Таким образом, при установлении родовой соотнесенности вновь заимствуемых названий, структура которых однозначно не соотносится с той или иной лексической группой русского языка, род географического термина дает лишь некоторые направляющие указания, но не абсолютную директиву. Мешают этому прежде всего случаи, когда одно и то же название может употребляться с разными терминами: *остров Северный Борнео, государство Северное Борнео, республика Северная Борнео* и т. п. Нелогичность подобных перестроек в связи с изменением статуса объекта очевидна из сопоставления основных характеристик собственного имени, в частности из его стремления к однозначности, и возможностей языка словами разного рода обозначать разные объекты: *Приморский, Приморская, Приморское*.

Вспомним и еще одну тенденцию русского языка, особенно ярко проявляющуюся на примере новых заимствований, — к маскулинизации: 57—58% неологизмов в русском языке — слова мужского рода, 33—37% — женского и не больше 10% среднего рода⁸⁴.

На примере географических названий при выборе между мужским и женским родом тенденция к маскулинизации еще сильнее⁸⁵. Пополнение лексического состава русского языка словами среднего рода происходит главным образом за счет несклоняющихся существительных, оканчивающихся на гласные. Но и у них, в зависимости от конечного элемента, могут быть некоторые тенденции к родовой отнесенности, показанные в таблице.

⁸³ А. В. Суперанская. Склонение собственных имен в современном русском языке. «Орфография собственных имен». М., 1965;

⁸⁴ Поскольку заимствования и неологизмы часто принадлежат не общей лексике, а отдельным сферам ее, подсчеты разных групп лексики могут давать разные результаты. В этом случае удивляться следует не некоторым расхождениям, а наоборот, общности картины в разных сферах; см.: А. В. Суперанская. Род заимствованных существительных в современном русском языке, стр. 47.

⁸⁵ Там же, стр. 56—57.

Род заимствованных несклоняющихся
существительных

Конечный гласный	Род		
	мужской	женский	средний
-а	2	1	4
-е	9	1	57
-и	17	7	28
-о	13	—	103
-у	6	2	8
-ю	2	1	4
-э	—	—	3
Всего . . .	49	12	207

Значительны колебания в роде: между мужским и женским в одном слове, между женским и средним — в семи, между средним и мужским — в 20; три слова могут быть употреблены во всех трех родах.

Принимая во внимание указанное положение в нарицательной лексике, следует допустить соотношение с мужским родом топонимов, оканчивающихся на -е, -и, -о, -у, независимо от рода географического термина. Топонимы, оканчивающиеся на -а, желательно не оставлять без склонения, поскольку их морфология ближе всего к русским образцам. Топонимы, оканчивающиеся на -э, (обычно после гласного), желательно давать по среднему роду.

Если несклоняемые географические названия оканчиваются на -е, -о, -у и сопровождаются терминами женского рода, имеется тенденция не согласовывать их определения с указанными терминами, поскольку это создало бы неестественные для русской литературной нормы сочетания типа *провинция Верхняя Конго* (ср. диалектное *хорошая мясо, чистая белье*). Более естественным оказывается сочетание подобных топонимов с определениями среднего рода: *провинция Верхнее Конго, гора Большое Богдо, область Приморское Огове, река Южное Моро, префектура Восточное Логоне, река Лакское Койсу, провинция Южное Киву*. Если топоним оканчивается на -и, -ю, желательно согласование его определения с географическим термином: *село Второе Арасадзыхи, река Правая Кохани, река Малая Ою, река Западная Томбигчи*.

Проблема числа также возникает главным образом в топонимии⁸⁶.

⁸⁶ См. также: D. Kilia n. Eigennamen als Normalsubstantive im Englisch. «Die Neueren Sprachen». Frankfurt a. M.— Berlin, 1954, hf. 11.

Антропонимы принадлежат к словам, которые могут употребляться в обоих числах, не меняя своего значения, обычно же они представляют собой слова единственного числа. *Петров* — талантливый инженер. Это — супруги *Петровы*. Семейство *Петровых* в полном сборе. Мы с тобой оба *Ивановичи*. В нашем классе пять *Коль* и шесть *Марусь*. Употребляясь как в единственном, так и во множественном числе, эти имена остаются в своем обычном прямом значении. Переход в нарицательные у них не связан с изменением числа и может быть осуществлен как в единственном, так и во множественном числе: Он будущий *Паганини*; «Что может собственных *Платонов...* Российская земля рождать»; *Фрицы* спасались бегством.

В обоих числах могут употребляться и многие географические названия: Есть два *Лондона*, в Великобритании и в Канаде; *Англия XVI века* и *Англия XX века* — это две разные *Англии*; На территории США может разместиться семнадцать *Франций*. Когда во множественном числе употребляется одинаковое название двух или нескольких географических объектов (*Лондоны*, *Темзы*), оно имеет значение простой множественности. Когда же во множественном числе употребляются названия объектов, которые на самом деле единственны в своем роде (*Англия*, *Япония*), ослабевает их обычное географическое назначение — называть пространства на земном шаре. Они наполняются определенным историческим содержанием или начинают выражать значение объема, длины и т. п., т. е. встают на путь превращения в нарицательные имена. В предложении «Люди, пережившие *аустерлицы*, опасаются предстоящих *ватерлоо*»⁸⁷ географические названия употребляются уже в значении нарицательных имен «триумф» и «поражение». Впрочем, переход географических названий в имена нарицательные возможен и в единственном числе: Население СССР ежегодно увеличивается на целую *Ирландию* (около 3 млн. человек).

Только множественное число имеют географические названия объектов, состоящих из более, чем одного «предмета»: *Курильские острова*, *Соединенные Штаты Америки*, *Нидерланды*, *Рейнские Сланцевые горы*, *Кордильеры*. Обычно это крупные объекты физической географии или официальные названия политической географии — страны, состоящие из нескольких провинций, земель, штатов, а также названия городов и сел: *Афины*, *Фивы*, *Чебоксары*, *Великие Луки*, *Воронницы*, *Щигры*, *Сокольники*, *Сумы*, *Кожевники*. Обычно множественное число связано с историей населенного пункта. Многие такие названия произошли от названия слобод, занимавшихся определенным ремеслом. Ряд

⁸⁷ Пример О. Есперсена, см.: O. Jespersen. A modern English Grammar on historical principles, pt. II, v. I, §4 (4). Heidelberg, 1936, стр. 83.

названий во множественном числе объясняется местом расположения объектов: *Горки, Выселки*. Иногда окончание *-i* нерусского названия ассоциируется с русским суффиксом множественного числа и название переосмысливается на русской почве как множественное число: рум. *Iași Яссы*, то же Чебоксары (из *Чуваши Кари* 'город чувашей').

Существует мнение (Ф. Ф. Фортунатов, П. С. Кузнецов), что число — это категория словообразовательная, а не морфологическая или грамматическая, поскольку здесь часто выступают специальные словообразовательные суффиксы: *гражданка — гражданин — граждане, ростовец — ростовка — ростовцы*. Собственные имена подтверждают эту точку зрения, поскольку *Клинец* и *Клинцы*, *Липица* и *Липицы* это не простое употребление в единственном и множественном числе одного и того же названия, но и разные названия разных объектов. Таким образом, здесь оказывается двойное значение грамматического окончания: и как передающего множественность, и как создающего новое название категории *pluralia tantum*. Множественность последнего лишь условна. Она нужна для согласования слова в предложении, но она не означает реальной множественности объектов.

Тип *pluralia tantum* довольно широко представлен в топонимии. При этом плюраль может быть самым разнообразным:

1. Названия горных массивов, в которых подразумевается множество горных цепей: *Альпы, Анды, Апеннины, Аппалачи, Арденны, Балканы, Гималаи, Ергені, Жигули, Карпаты, Кордильеры, Пиренеи, Татры*.

2. Перенесение этих названий на названия населенных пунктов создает иной плюраль: поселок *Балканы* (Челяб. обл., Нагайбакский р-н) — тип близкий к названиям по потомкам: *Бережаны, Братушаны* и т. п., но этимологически совершенно иной.

3. Некоторые иностранные названия (чаще населенных пунктов), имеющие в исходных языках форму множественного числа и сохраняющие ее в русской передаче: *Афины, Фивы*, ср. *Дарданеллы* (имеется в виду 'проливы', — слова с международной традицией плюраля. Ср. современное *Патры*, греч. *Πάτρι* и форму начала века *Патрос*).

4. Широко представленный тип множественного числа из прозвищ жителей (по прозвищу родоначальника, по месту жительства⁸⁸).

Существует мнение, что собственные имена — это имена одного числа ввиду своей индивидуализирующей функции, что в случае *два Джона* мы имеем дело уже с иным применением собственного имени и что употребление *Джоны* столь же неправомерно (с точки зрения пребывания собственного имени в ряду собственных),

⁸⁸ W. Taszycki. W sprawie pochodzenia nazw miejscowych typu Konary, Kuchary, Piekary itp. «Rosprawy, i studia polonistyczne», I. Onomastyka. Wrocław — Kraków, 1958.

как и неправомерно употребление в единственном числе названия *Альпы* или *Бермуды* (единичного понятия *Альп*, *Бермуд* нет). Здесь слово, грамматически оформленное как множественное число, обозначает единичный предмет, а потому это не настоящее множественное число. В частности, об этом пишет Х. Сёренс⁸⁹.

Позволяя себе не согласиться с Х. Сёренсеном, отмечу, что, если реально существующих людей по имени *Джон* два или больше, употребление слова *Джон* во множественном числе соответствует положению вещей, как верно и то, что на свете не одна *Темза*, а три. И *Темзы* и *Джоны* — не делаются нарицательными от того, что их на свете больше, чем один (одна).

Иное дело слова категории *pluralia tantum*. Они, действительно, не употребляются в единственном числе, но их грамматическое оформление как слов множественного числа, во всяком случае у физико-географических объектов, соответствует их реальному составу (из нескольких или многих однородных или разнотипных объектов): *Альпы*, *Карпаты*, *Возезы*, *Кордильеры* (горы), *Бермуды*, *Гавайи*, *Гренадины* (группы островов), *Нидерланды* (земли), *Прописии* (столбы), деп. *Ланды*, *Верхние Пиренеи*, ср. деп. *Кордильера* (Парагвай). Об их единственном числе можно говорить лишь условно. Оно не будет лексически соответствовать слову во множественном числе, не будет образовываться путем механического отбрасывания формантов множественного числа или их замены другими формантами, а будет выражаться другим словом или словами. Так, единственным числом от названия *Шетландские острова* будет остров *Унст*, *Фетлар*, *Елл*, *Мейнленд* и др. Свообразным единственным числом от *Соединенные Штаты Америки* будут названия штатов *Юта*, *Колорадо*, *Флорида* и т. д.

Очень распространенная в русском литературном языке модель *pluralia tantum* для названий населенных пунктов и протяженных объектов распространяется на многие нерусские названия и приводит либо к морфологизации иноязычного конечного *-ы*, *-и* (и реже *-е*), либо к добавлению русского окончания множественного числа к названию, оканчивающемуся на согласный.

Интересен процесс русификации нерусского в Крыму, где, с одной стороны, *-и* (*-ы*) добавлялось к иноязычному, а с другой стороны, этот русский плюриаль воспринимался тюркоязычным населением как основа, которой следует сообщить множественность, и снабжался суфф. *-лар*. Наоборот, названия на *-лар* (*-лер*) не понимались русскими как множественное число и в свою очередь снабжались флексией *-и* (*-ы*). На протяжении XIX в. такие нерусские названия, как *Сак*, *Лак*, *Лез*, *Коз* и ряд других, превратились в *Саки*, *Козы*, *Лаки*, *Лезы*. *Каран* стал *Карани*, а затем — *Каранки*. Татарское название *Адалар* (острова) превратилось в русском упот-

⁸⁹ H. S. Sørensen. The meaning of proper names with a definiens formula for proper names in modern English. Copenhagen, 1963.

реблении в *Адалары*. Тюркское *-лар* (*-лер*), если значение слова неясно, не воспринимается русскими как множественное число, отсюда такой пример, как *Менлер* — *Менлерчик*, а не *Менлеры* или *Менлерчики*.

Степень морфологизации конечных элементов, а следовательно, и восприятия слова как определенной морфологической единицы зависит не только от характера конечного элемента и соответствия его основным типам русских слов, но и от того, из какого языка заимствуются слова. Так, например, названия тюркских языков легче входят в систему русского склонения, чем слова балтийских или угро-финских языков. Поэтому *Бавлы* (Тат. АССР) легко воспринимается как слово множественного числа и начинает склоняться *Бавлов*, *Бавлам*, а *Бáвли* (Лат. ССР) или *Хельсинки*, *Терийоки* (Финляндия) сохраняются в неизменяемом виде и включаются во фразу в единственном числе неопределенного рода, хотя в литературе известен пример *Иуда из Терйёк* (об одном писателе, жившем там)⁹⁰.

Деморфологизация — утрата исходной морфологической формы — происходит в том случае, если слово неправильно склоняется или если слово, которое должно склоняться, остается без склонения.

В результате самостоятельного развития собственных имен в языке, после того как они покинули группу апеллятивов и примкнули к онома, в ряде случаев можно говорить о конфликте их формы и содержания, невозможном для апеллятивов. Так, при обращенности имени личного к одному лицу становится несущественным его грамматическое оформление как слова единственного или множественного числа. Отсюда возможность употребления в качестве личных имен слов множественного числа: др.-евр. *Се-рафим* — *-им* — показатель множественности. Ср. переосмысление в русском языке нарицательного *херувим*, означавшего в библейских текстах множественность, как обычного существительного единственного числа, у которого в русском языке развилось свое множественное число *херувимы*. Также словом множественного числа оказалось башкирское имя *Салават* — арабск. мн. 'молитвы'. Во французских апеллятивах конечное *-s* (*-x*) — признак множественного числа, но во французских именах конечное *-s* (*-x*), независимо от происхождения, не воспринимается как признак плюраля: Charles, François, Georges, Jacques, Jules, Louis, Nicolas, Beatrix, ср. французскую фамилию Cinq Marks — буквально 'пять Марков' — именование, теоретически неприложимое к одному человеку.

Конфликт формы и содержания отмечается и в тех случаях,

⁹⁰ О. И. Л а б у н ь к о. Склонение географических названий в современном русском литературном языке (наименования населенных пунктов). Канд. дисс. М., 1964.

когда единичные субъекты именуются словами множественного числа, реально ощущаемыми как таковые в данном языке, например, итальянские фамилии, оканчивающиеся на *-i* — *Беллини*, *Боккерини*, *Гронки*, *Джомелли*, *Россини*, *Луччини* и др., изначально множественное число прозвищного имени, обозначающее принадлежность человека к определенному роду, семье. Ср. осетинские фамилии *Кесати*, *Абайти* (множественное число, буквально 'Кесаевы', 'Абаевы'), которые могут относиться лишь к одному человеку.

Конфликт формы и содержания собственного имени — это одна из ономастических универсалий, прослеживающаяся в разных языках и на разных территориях. Нередко первоначально употребление названия единичного объекта в форме множественного числа имеет обоснования, например, гора *Кенделлелар* (Кавказ) из тюрск. 'деревенские жители', ср. славянские названия населенных пунктов, получившиеся из групповых прозвищ жителей: *Залесички*, *Иваничи*. Такое название, как *Соединенные Штаты Америки* — англ. *The United States of Amerika*, воспринимающееся как множественное число и в английском, и в русском языках, может, однако, употребляться в английском языке с артиклями и определениями, свойственными существительным единственного числа: *this free and independent United States; a free and independent United States*⁹¹. Ср. непоследовательность в русском употреблении: *США — одна из крупнейших... стран...; Они занимают свыше 1/3 всей Северной Америки*⁹².

Бывают и иные конфликты формы и содержания: в русском литературном языке слово *кудри* только множественного числа, а среди русских «нестандартных» фамилий встретилась *Кудря*. При названии народности *кашуб* отмечена мужская фамилия *Кашуба*. Так, слова, по форме относящиеся к женскому роду, могут обозначать лиц мужского пола: *Кваша*, *Красуля*, *Сковорода*, ср. *Зайка*. В литературном языке это несоответствие касается и женских фамилий, оканчивающихся на согласный: *Бобрик*, *Григорук*, *Злобич*, *Зубок*, которые, будучи словами мужского грамматического рода, относятся к субъектам женского пола. В народных говорах этот конфликт обычно обходится: от прозвища (фамилии) мужа образуются специальные женские (фамильные) прозвища: *Бобрица*, *Григоручка*, *Злобичева*, *Зубчиха*.

К числу подобных же конфликтов можно отнести склонение фамилий, оканчивающихся на *-о*, *-ко*, *-енко*, в украинском языке по парадигме мужского рода или соотнесение со средним родом некоторых болгарских и немецких уменьшительных.

⁹¹ Примеры Ф. Л. Атли. См.: F. L. U t l e y. The linguistic component of onomastics. «Names», 1963, v. 11, № 3, стр. 172.

⁹² «Соединенные Штаты Америки. Словарь-справочник». Под ред. А. А. Арзуманяна, Н. В. Мостовец, М. А. Харламова. М., 1960, стр. 7.

АРТИКЛИ В СОСТАВЕ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН

Артикли, наряду с другими служебными словами, могут входить в состав собственных имен (в тех языках, в которых категория определенности — неопределенности выражается с помощью артикля). Если многословные собственные имена расценивать как застывшие отрезки фраз, то артикли в них сейчас находятся там, где синтаксическая конструкция в прошлом нуждалась в них. В обычной речи артикль относится к имени нарицательному. Он выделяет единицу из ряда подобных. Поскольку собственные имена единичны, выделять единицу из единицы бессмысленно. Поэтому мы считаем, что артикль употребляется не при собственном имени, а в его составе, где служит своеобразным «наполнителем» определенной конструкции, теряя свое обычное грамматическое значение. Исключения, когда артикли употребляются при именах, редки. Например, артикль в немецком языке ставится при именах героев книг и пьес: *die Rosine, der Gulliver*, когда идет речь об исполнении этих ролей.

В языках Европы существует два типа артиклей: препозитивный и постпозитивный (суффиксированный). Оба представлены в топонимии. В антропонимии же лишь препозитивный, поскольку личные имена — слова особого происхождения и особых типов, где артикль употребляется редко, а фамилии не всегда происходят от топонимов. Географические же названия представляли собой целые фразы, в которых не могли не находиться и артикли. Постпозитивные артикли иногда встречаются при некоторых прозвищных и сокращенных именах, если конструкция, в которую они попадают во фразе, того требует: болг. *Мичето* е поръснало; Чакам на *Боримечката*.

Поскольку артикль не свойствен русскому языку, основной интерес для нас представляют два вопроса: 1) почему то или иное название употребляется с артиклем и 2) следует ли передавать артикли при заимствовании имен в русский язык.

Существует ряд работ, посвященных всецело или частично анализу артикля в собственных именах в том или ином языке. Например, Бишофф показывает, что артикли в немецком языке часты в названиях микрообъектов и встречаются в речных названиях. В Средние века артикли употреблялись довольно часто и в названиях населенных мест, особенно в названиях, развившихся естественным путем из микротопонимов. В освоенных названиях Запада (Mainz, Zürich, Remagen) артикли не употребляют, в восточных же названиях — славянских, балтийских, эстонских артикли употребляются⁹³. В результате в восточных районах Германии артикль в топонимах употребляется чаще, чем на территории более старого

⁹³ K. B i s c h o f f. Der Artikel vor deutschen Siedlungsnamen. «Volksprache Dichtung», Festgabe für Kurt Wagner. Gießen, 1960, стр. 243.

немецкого заселения (Stammesland). В ряде случаев артикль слился с названием и перестал восприниматься: Andermatt, Vordemwald. Ср. современное употребление: der Mägdesprung — местность на Гарце, но Mägdesprung — деревня там же ⁹⁴.

Существует своеобразная международная традиция употребления артикля в ряде названий, например, голл. Den Haag, исп. La Haya, франц. La Haye, англ. The Hague.

Выделяется ряд названий физико-географических объектов и некоторых больших территорий, для которых также существует международная традиция артикля:

А н г л и й с к и й я з ы к

The Volga
The Crimea
The Caucasus
The Pacific Ocean
The Black Sea
The Ruhr

Н е м е ц к и й я з ы к

Die Wolga
Die Krim
Der Kaukasus
Der Stille Ocean
Das Schwarze Meer
Die Ruhr

Существуют и традиции отдельных языков: франц. le Havre, la Manche, le Levant (страны Ближнего Востока). В названиях городов артикли употребляются редко, в основном лишь в старых названиях типа *Ле-Виган, Ле-Крезе, Ле-Сабль-д' Олонн, Ла-Шо-де-Фон*; исп. *Ла-Рубия, Лас-Пальмас, Ла-Хунта*. Названия французских рек употребляются во французском языке с артиклем: la Loire, la Seine, le Rhône, а рек других стран без артикля: Don, Volga.

В фамилиях препозитивные артикли передаются всегда. Представляется, что они прочнее, чем предлоги, входят в состав фамилий. Артикли обычны в фамилиях, образованных из прозвищ: франц. La Salle, La Beth, Le Loup и в фамилиях по названиям местностей: нем. von der Vogelweide, auf' m Kampe. Артикли часто сопровождаются предлогами, причем нередко с ними сливаются: нем. Zumwalt, гол. van den Vondel, франц. Dupré. Артикли могут писаться отдельно от фамилий или в одно слово с ними. В первом случае они будут соответствовать правилам употребления артикля в современном языке, во втором — тенденции имени собственного выделиться со всеми составляющими его частями в отдельную самостоятельную единицу, обособиться. Предлоги могут и не сопровождаться в фамилиях артиклами: нем. von Zwickau, фр. Descartes.

В русском языке сложилась своеобразная традиция передачи или непередачи артиклей того или иного языка в заимствованных именах. Так, английские артикли почти всегда игнори-

⁹⁴ L. E d m a n. Über den Gebrauch des Artikels im Neuhochdeutschen. Braunschweig, 1862, стр. 50—51; Л. И. Б о ж н о. Артикль при именах существительных собственных в современном немецком языке. «Иностр. яз. в школе», 1956, № 1.

руются, в чем повинен и английский языковой материал: очень трудно по-русски передать английское [ð]. Поэтому такие конструкции, как *The Red River*, *The Yellow River*, *The Orange River*, у нас одно время переводились как *Красная, Оранжевая, Желтая река*, а затем стали передаваться путем транскрипции как *Ред Ривер* и т. п. с утерей артикля. Сочетание *The Amazon River* передается путем транскрипции с деривацией: *Амазонка*. Традиционно с артиклем передаются лишь некоторые названия в Америке: *Те-Пасс*, *Те-Даллес* — но это не лучший способ передачи английского артикля. Ср. *Де-Риддер* (США).

Арабский артикль в ряде положений долгое время было не принято передавать по-русски: транскрибировали *Гайль* вместо *Эль-Гайль* (или *Аль-Гайль*), *Гиза* вместо *Эль-Гиза* и т. д. Сейчас в подобных сочетаниях восстанавливается артикль. Но в сочетании «существительное + прилагательное» первый член по-прежнему передается без артикля, в результате чего нарушается арабская конструкция: *Бахр-эль-Азрак* вместо *Эль-Барх-эль-Азрак*, чем обесмысливается как все сочетание, так и употребление артикля в остатках конструкции.

В голландских названиях передавать артикли не принято, поэтому пишут *Хелдер* вместо *Ден-Хелдер*, а такая конструкция требует еще и местного географического термина⁹⁵.

В романских названиях артикли обычно по-русски передаются. Ср. русск. *Ла-Валетта* (Мальта) и английскую передачу названия *Valletta*. Но название *La Habana* у нас передают без артикля: *Гавана* (с заменой «немого» *h* через *г*).

Употребление суффиксированного артикля во многих скандинавских географических названиях свободно, факультативно. Сравним правом по-норвежски можно сказать *Björnnes* и *Björnneset* мыс *Бьёрнес*, *Batterifu* и *Batterifua* — о-в *Баттериуэ*; по-шведски *Kalkgrund* и *Kalkgrunden* — мель *Калькgrund*, *Storö* и *Storön* о-в *Стурё*⁹⁶.

В русской транскрипции передача суффиксированного скандинавского артикля неустойчива; его то передают, то не передают. Ср. *Дальэльв* и *Дальэльвен*, *Вестердальэльв* и *Вестердальэльвен*.

В румынских названиях артикль обычно не передается: *Олт*, а не *Олтул*, хотя в начале века была и такая передача. В конструкциях артикль сохраняется: *Сомешул-Маре*, *Рымникул-Сэрат*.

Сложности, сопряженные с передачей болгарского артикля, были показаны в статье о передаче славянских названий⁹⁷.

⁹⁵ Примеры из «Словаря географических названий зарубежных стран» под ред. М. Б. Волостиновой (М., 1965).

⁹⁶ З. Д. Г о л у б е в а. Передача суффиксированного артикля в норвежских и шведских географических названиях. «Топономастика и транскрипция». М., 1964, стр. 184.

⁹⁷ А. В. С у п е р а н с к а я. Спорные вопросы русской транскрипции болгарских, польских, сербохорватских, чешских и словацких имен собственных. — КСИС, 1960, вып. 28.

СОКРАЩЕННЫЕ ИМЕНА И ИМЕНА С СУФФИКСАМИ СУБЪЕКТИВНОЙ ОЦЕНКИ

В ономастике действуют две взаимно уравновешивающие друг друга тенденции: к уточнению имен за счет включения в них добавочных элементов, в частности различных определений, и к упрощению обиходных форм имен посредством превращения их из словосочетания в одно слово, из сложного слова в простое и т. д. Существуют различные способы упрощения и сокращения состава имени, не все из которых имеют достаточно четкие параллели, описанные лингвистами на материале апеллятивной лексики. Ряд явлений учеными разных стран называется по-разному.

Процесс сокращения длинных имен относится к числу ономастических универсалий, поскольку имена, состоящие из большего числа фонем, слогов, морфем, чем допускают это параметры того или иного языка, могут существовать только на бумаге как письменные знаки, но не в живой речи при повседневном употреблении. Как было показано выше, указанные явления согласуются со свойствами оперативной памяти человека, которая не удерживает одновременно больше определенного для данного языка количества единиц.

Имена-словосочетания могут превращаться в однословные различными путями:

1. Следующие друг за другом компоненты имени сливаются воедино, не претерпевая каких-либо существенных изменений: нем. Ханс + Дитер → Хансдитер, Марианна, ит. Маркантонио, ср. нем. топоним *Фирценхайлиген*. Т. Витковский⁹⁸ называет это явление *Zusammenrückung* 'свертывание', чешские лингвисты применяют латинский термин *juxtapositum* (*juxtapositum*), 'соположение', или 'несобственное сложение'. Может быть также предложен термин ономастическое сращение. Примером соположения в апеллятивной лексике служит шахматный термин *кипергань* — «обратный мат», из франц. *qui perd gagne* — 'кто проигрывает — побеждает'.

Как частный вид ономастического сращения может быть выделено объединение предлога с существительным: *Подлипки*, *Подмох*. Т. Витковский употребляет для похожего, но не в точности такого случая название *Zusammenbildung* 'состроение', приводя в качестве примера название *die Überbacher* буквально 'Заручейники', как называется часть селения, находящаяся за р. Нистером (Зап. Германия), и отмечая редкость подобного образования.

Иногда несобственное сложение называют агглютинацией, что не вполне правильно прежде всего потому, что не всегда согласуется с понятием агглютинации, сложившимся в тюркологии, а также потому, что противоположный термин *дегглютинация*,

⁹⁸ T. Witkowski. *Grundbegriffe der Namenkunde*. Berlin, 1964.

который по своему морфемному составу предполагает отделение предлогов и других служебных частиц от корня, употребляется европейскими лингвистами как синоним терминов декомпозиция, переразложение, разложение, которые отнюдь не предполагают утраты словом каких бы то ни было элементов, а подразумевают лишь иное восприятие состава сложного или производного слова. Примером декомпозиции, или переразложения, может служить русское восприятие названия ташкентской улицы *Кичкина*. Не живущий в Ташкенте русский воспринимает это название как происшедшее от несуществующей фамилии *Кичкин* или от прозвища *Кичка*, тогда как для узбека *кичкина* это 'маленький'.

2. Словосочетание может превратиться в одно слово при сохранении взаимосвязи компонентов, которое, однако, сопровождается их серьезной перестройкой, в результате чего синтаксическая связь сочетания заменяется словопроизводством: чешск. *Гоусерова Льготка* — *Гоусеровка*, русск. *Иванова деревня* — *Ивановка*. А. А. Реформатский называет этот процесс с в е д ё н и е м, имея в виду сведение внешней синтагмы к внутренней. Однако этот термин недостаточно четок. Чехи называют это же явление у н и в е р б и з а ц и е й от лат. *unum verbum* 'одно слово'. Заимствование этого термина не вполне оправдано по двум причинам. Во-первых, термином *верб* в русской грамматической традиции принято обозначать глагол, а не слово вообще. Во-вторых, термином *универбизация* (однословность) можно называть все пункты этого раздела, обозначающие различные способы достижения однословности, поскольку никакой особой специфики образования слов этот термин не содержит. Т. Витковский употребляет в этом же значении термин *Zusammenrückung* 'свертывание'⁹⁹.

3. Если у человека несколько имен, в быту его обычно именуют лишь одним, которое превращается в его *Rufname*. Так, жители ГДР, заполняя анкеты, подчеркивают свое «руфнаме». Тенденция к сокращению числа имен проникает и в литературу, где пишут то *Йоханн Гёте*, то *Вольфганг Гёте*, в результате чего один автор может быть принят за двух разных.

4. Аббревиация многословных названий в сложносокращенные слова: *Донецкий Бассейн* — *Донбасс*, чешск. *Калифорния* и *Мексико* — *Калексико* и в буквенные аббревиатуры: *Южно-Африканская Республика* — *ЮАР*. Имена — буквенные аббревиатуры называются также акронимами. В антропонимии акронимы широко ис-

⁹⁹ А. В. Никитин употребляет похожий термин: свертываемость в несколько ином значении, имея в виду превращение прежних «полифункциональных» названий, относившихся к нескольким объектам (село и мель возле него), в «монофункциональные» — обозначающие только один объект (только село, либо только мель), применяя термин, принятый для обозначения особенностей структуры названия, к плану его привязки к месту и функционирования в речи. Это едва ли оправданно. См.: А. В. Н и к и т и н. Названия рыболовных угодий Калининской, Новгородской и Псковской областей (опыт анализа топонимов-ориентиров). Автореферат канд. дисс. М., 1967, стр. 22.

пользуются в качестве основ для еврейских фамилий. Например, фамилия *Шуб* и русская производная форма ее *Шубов* происходят из аббревиатуры *Шохет у бодек*, что на древнееврейском языке означало 'резник и исследователь'¹⁰⁰.

5. Эллипс(ис)—это обычно превращение двусловного названия в однословное путем опущения одного из компонентов, часто географического термина: русск. *Великая река* > *Великая*, *Чудское озеро* > *Озеро*. А. В. Никитин приводит такие примеры эллиптических названий, как *Межная* < *Межная грива*, *Рог ниже Долгой гривы* > *Рог*¹⁰¹. Он считает, что в подобных случаях происходит семантическая конденсация исходного сочетания, с чем можно не согласиться. Тюркологи, употребляя термин эллиптические названия, имеют при этом в виду топонимы с утраченными детерминативами, или «классифицирующими словами», как они называют географические термины: оз. *Балыкты-коль* > *Балыкты*¹⁰². Термин усеченные названия¹⁰³ в этом значении нельзя считать удачным.

6. Аллегроформы, или формы имен в быстрой речи, значительно отличаются от полных форм имен. Они в равной мере свойственны многословным и однословным именам, приводя к сильному искажению их фонемного состава, зафиксированного на письме. Такое соположение, как *Nienhöfen* из * *bi den nien höfen*, Т. Витковский объясняет влиянием аллегроформ. Русские сочетания имен и отчеств в быстрой речи дают аллегроформы, совсем иногда не похожие на «лентоформы»: *Сан-Саньч*, *Пал-Палыч*, *Ван-Осипович* (Александр Александрович, Павел Павлович, Иван Осипович).

Большинство изменений, происходящих с однословными именами, возникает из различных типов аллегроформ в быстрой речи. Результаты этих преобразований могут быть зафиксированы как особые формы имен, которыми люди зовут друг друга при обращении, у Т. Витковского они называются *Rufformen*.

Однословные названия могут сокращаться следующими способами:

1. Имя укорачивается за счет выпадения некоторых (обычно срединных) элементов при сохранении других, опорных (часто начальных и конечных): нем. *Альф* < *Адольф*, *Дирк* < *Дидрих*. Слависты называют этот процесс контракцией, стяжением, Т. Витковский — *Zusammenziehung* 'стяжение', 'стягивание'.

¹⁰⁰ Пример А. С. Приблуды.

¹⁰¹ А. В. Никитин. Указ. соч., стр. 14.

¹⁰² А. С. Битанова. Из наблюдений над казахской топонимикой Кустанайской области. «Вопросы топонимастики», вып. 1. Свердловск, 1962; О. А. Султаньяев. Именные конструкции в казахской топонимике Кокчетавской области. «Вопросы топонимастики», вып. 3. Свердловск, 1967.

¹⁰³ О. Т. Молчанова. Тюркские названия озер Западной Сибири. «Языки и топонимия Сибири», т. 1. Томск, 1966; К. Ф. Гриценко. Якутские топонимы на -*быт*. — Там же,

2. В трехосновных именах выпускается средняя часть: нем. *Зальцхбург* > *Зальцбург*, чешск. *Средиземноморский* > *Средоморский*. Немцы называют это *Klammerforme* 'заключение в скобки', чехи — *Zredukované jméno*. Оба термина более широкие, чем то частное применение, которое им дается. У древних греков таким образом сокращались двуосновные имена, одна или обе основы которых были двукомпонентными: *Καλλι-χρί-τος* > *Κάλλι-τος*, *Λαβ-χρί-τος* > *Λάβος*, *Καλλι-γεί-των* > *Καλλίτων*¹⁰⁴. В русском языке подобные явления не наблюдаются.

3. Опрожнение — утрата первоначальной внутренней формы, сопровождающаяся обычно различными фонетическими изменениями: образованный от имени *Всеволод* топоним *Всеволожь* > *Сиволож* (пример В. А. Никонова).

4. Выпадения фонем и их групп¹⁰⁵:

а) особый случай диссимиляции подобного от подобного, при котором одна из двух одинаковых или похожих артикуляций не произносится, особенно в середине слова — гаплоглогия: *Малоросейка* > *Маросейка*; на материале нарицательных: *знамено(но)сец*, *близо(зо)ръкчъ* > *близорук*, *некрасо(во)вед*, *гончаро(во)вед*;

б) выпадение гласных на стыках морфем — элизия: *За озеро* > *Зáзеро* (пример В. И. Тагуновой);

в) исчезновение отдельных фонем или групп фонем в начале слова — афerezис: *Александр* > *Сандр*;

г) исчезновение отдельных фонем или групп фонем в середине слова — синкопа: *Кононов* > *Коннов*;

д) исчезновение отдельных фонем или групп фонем в конце слова — апокопа: *Александр* > *Алексан*.

Афerezис и апокопу можно называть упрощенно термином усечение. Если апокопируются значительные части слова, некоторые склонны называть это эллипсом. В частности, Т. Витковский наряду с закономерным *St. Marien* из *St. Marien Kirche* включает в раздел эллиптированных имен и случай *Alex* из *Alexanderplatz* и допускает возможность эллиптирования за счет усечения суффикса, что едва ли следует поддерживать. И именно поэтому представляется нецелесообразным называть действительные эллипсы (см. выше тюркские примеры) — усечениями. Таким образом, эллипс — опущение одного из слов, входящих в многословное название, а усечение — опущение одной или нескольких начальных или конечных фонем, независимо от их роли в морфологическом составе слова. Термин эллипс может быть распространен и на такое явление, частое в испанской топонимии, когда название-фраза сокращается до одного слова: *La Ciudad de la Reina de los Angeles* 'Город королевы ангелов' > *Los Angeles*. ср. русское официальное *Иваново-Воз-*

¹⁰⁴ А. Fick. Указ. соч.

¹⁰⁵ Ср. словари лингвистических терминов Ж. Марузо и О. С. Ахмановой,

несенск > Иваново и разговорные Санкт-Петербург > Петербург, Нижний Тагил > Тагил, Заветы Ильича > Заветы.

Наиболее распространенный тип сокращения личных имен — у с е ч е н и е их ¹⁰⁶. Но усеченные имена оканчивались на случайные элементы, что мешало им функционировать в качестве самостоятельных имен, поэтому очень рано в разных языках вырабатываются стилистически нейтральные финалы, оформляющие усеченные части имен как самостоятельные, законченные имена и вводящие их в ряд подобных.

Пышные и торжественные двусосновные индоевропейские имена были неудобными для повседневного общения, и сокращения их наблюдаются с древнейших времен. Например, на некоторых надгробиях из Херсонеса Таврического стоят, видимо, сокращенные, а не полные женские имена: Ἀρχεσῶ Νεϊκασῶ, Ἀριστῶ, хотя и с указанием отчества и даже имени мужа: Μαρκῶ Ἀριστοκλεῶς Ἀπολλᾶ γυνά ¹⁰⁷. А. Фик приводит сокращенное имя Ἑμπεδος < Ἑμπεδοκλῆς, которое не могло образоваться из префикса ἐν и апелатива πέδος, потому что такого апелатива не было ¹⁰⁸.

Усекаться мог и первый и второй компонент греческого имени. Оставшаяся часть оформлялась финалью -ς или -ν: Δημοσθένης > Δημοσθ-ας, Τηλυκράτης > Τηλ-υς, Σκόπ-ανδρος > Σκόπ-ας, Εὐ-αίμων > Αἰμων ¹⁰⁹, а усеченные имена могли быть не только однокоренными, но и двукоренными.

Имена героев также могли быть полными и сокращенными: Ἀλκιμέδων > Ἀλκιμος, Πατροκλῆς > Πάτροκλος, Πολύδωρος > Πολύ-δας ¹¹⁰.

Некоторые сокращенные имена могли никогда не иметь параллельных «полных» и быть образованными по аналогии. Однако большинству сокращенных имен соответствуют несокращенные. Сокращенные имена вскоре же начинают восприниматься как самостоятельные, несмотря на несоответствие их форм ожидаемым нормам и на их бессмысленность как одноосновных по содержанию. Подтверждением этого положения служит также наличие у многих исторических личностей, наряду с полным именем, еще и сокращенного: Ἀλέξανδρος — Ἀλεξᾶς, Ζεύξιππος — Ζεῦξις, Μητρόδωρος — Μηνᾶς и др. Существовали и указания античных грамматиков, что Βαχχολίδης > Βάχχων, Ζηρόδωρος > Ζηνᾶς и т. д. ¹¹¹ Сокращенные имена более «живучи», чем полные. Можно привести параллели из других языков, подтверждающие то, что было показано на греческом материале. Так, нем. Karl и Welf образованы путем сокращения из Karlmann и Welfhart, которых никто не помнит, ср. также Klaus < Nikolaus, Kurt < Konrad — стяженные и усеченные формы.

¹⁰⁶ О. С. Ахманова в «Словаре лингвистических терминов» (М., 1966) предпочитает термину у с е ч е н и е термин а п о к о п а.

¹⁰⁷ Э. И. Соломоник. Указ. соч., стр. 79—80. — Там же (стр. 99) указывается, что имя Δοβλας могло быть сокращенным от Θεόδουλος.

¹⁰⁸ А. F i c k. Указ. соч., стр. 14.

¹⁰⁹ Там же, стр. 17—21.

¹¹⁰ Там же, стр. 368—373.

¹¹¹ Там же, стр. 33—35.

Аналогичный пример приводит С. Роспонд, считающий славянское имя *Борис* (болгарская династия 852 г.) сокращением из имени *Борислав*, но не путем механического отбрасывания остаточного *-лав*, а через ступень «*Бор* + греческий суфф. *-ис*». Поскольку славянская принадлежность суфф. *-ис* слабо подтверждается документами, С. Роспонд греческим воздействием объясняет и встречающуюся у русских форму *Иванис* < *Ἰωάννης*¹¹². Если идти этим путем, в русских сокращенных именах *Творим*, *Радим*, *Любим* из *Творимир*, *Радимир*, *Любимир* (*Любомир*) будет аффиксальное *-им*, но такого суффикса нет ни в славянских языках, ни в греческом, а влияние древнееврейского исключается¹¹³.

Так из более длинных имен возникали более краткие от первой основы + часть второй или от первой + суффикс. Процесс этот свойствен всем индоевропейским языкам, кроме италийских, а следовательно, весьма древен¹¹⁴.

Есть и усеченные топонимы: нем. *Gryps* < *Greifswald* через студенческую жаргонную форму *Grypeswolt* (Т. Витковский).

Многие сокращения имеют и ласкательное значение. Кроме того, сокращенные формы имен могут присоединять к себе суффиксы субъективной оценки, превращаясь в специальные ласкательные, уничижительные и т. п.

В отечественной науке нет достаточно четкого описания системы уменьшительных имен¹¹⁵. Еще хуже обстоит дело с терминологией, что связано и с недостаточно четким пониманием отличия сокращенных имен от ласкательных и от форм субъективной оценки вообще. Нерасчлененным паронимом уменьшительные и ласкательные в повседневной практике называют очень

¹¹² С. Роспонд. Структура и классификация древневосточнославянских антропонимов, стр. 9.

¹¹³ И. Г. Добродомов на I Всесоюзной конференции по антропонимике выдвинул гипотезу о древнебулгарско-чувашском происхождении имени *Борис*.

¹¹⁴ А. F i s k. Указ. соч., стр. 37.

¹¹⁵ О. Д. Митрофанова намечает пять рядов форм с суффиксами субъективной оценки, куда попадают и стилистически нейтральные сокращения типа *Аня*, *Вася*. См.: О. Д. М и т р о ф а н о в а. Личные собственные имена с суффиксами «субъективной оценки» в современном русском языке (автореф. канд. дисс). М., 1958; О. Д. Л а п т е в а (Митрофанова). Личные собственные имена с суффиксами «субъективной оценки» в современном русском языке. «Уч. зап. МГПИ им. В. И. Ленина», 1958, т. СХХХII. Кафедра русского языка, вып. 8. См. также: И. М а н д е л ь ш т а м. Об уменьшительных суффиксах в русском языке со стороны их значения. — ЖМНП, 1903, № 7—8. — В предисловии к «Словарю русских личных имен» Н. А. Петровского (М., 1966) говорится о «производных формах первой ступени», к которым присоединяются ласкательные, уничижительные и другие суффиксы — «те же, что образуют существительные со значением субъективной оценки» (стр. 20). В историческом плане интересный материал см.: А. Н. М и р о с л а в с к а я. Древнерусские имена и прозвища в «Новгородских записных кабальных книгах 100—104 и 111 годов». — «Уч. зап. Калининградского пед. ин-та», 1959, VI, стр. 357—362; О н а ж е. К истории развития русских имен. — Там же, стр. 370—374.

разные вещи ¹¹⁶. Поскольку термин уменьшительный (как и ласкательный) подразумевает субъективность в отношении говорящего к именуемому, его нельзя считать удачным для обозначения процесса сокращения имен. Основная идея сокращения — облегчение употребления. Сокращаться могут любые слова, но личным именам как словам-обращениям это свойственно в наибольшей степени. Сокращение имен — это прежде всего процесс структурный, морфологический и вполне объективный, в то время как субъективная оценка — это фактор совершенно иного плана, плана эмоционального, социального, психологического и всегда субъективного, о чем говорит и сам термин. Поэтому нет и не может быть предлагаемых О. Д. Митрофановой степеней оценки в зависимости от количества в имени суффиксов. Этот параллелизм — фикция, о чем свидетельствует хотя бы работа П. Т. Поротникова.

Субъективно-оценочными могут быть и бывают любые формы любых имен в зависимости от того, кому они адресованы. Как показано у П. Т. Поротникова ¹¹⁷, нести субъективную оценку могут и такие формы, как *Николай* или *Татьяна*, если их адресуют маленьким детям, хотя многие не склонны в них видеть ничего, кроме оценочно-нейтральных паспортных форм. Вспомним, однако, оттенок пренебрежения, какой получают эти паспортные формы имен, не снабженные отчествами, если их употребляют ученики по адресу учителей.

В различных областях и в различных ономастических системах в зависимости от местных традиций и обусловленности имени типа *Ванька*, *Манька* могут быть вполне нейтральными и «количество» оценки, «вкладываемой» говорящими в ту или иную форму имени, отнюдь не «измеряется» числом суффиксов, включенных в имя. Так, в селе Пеньки формы *Ванька* и *Манька* не имеют эмоциональной окраски, если ими называют детей, но если они адресованы взрослым, в них чувствуется оттенок неуважения. На фоне нейтральных *Ванька*, *Манька* в Пеньках формы типа *Ваня*, *Маня*, обращенные к детям, имеют ласкательное значение. Эмоционально-нейтральными оказываются там и формы типа *Иванушко*, *Марьюшка* по отношению к старикам и старухам. Таким образом, суффиксы, которые мы называем субъективно-оценочными, наделены там особой семиотической значимостью — определяют людей разных возрастов и делаются субъективно-оценочными лишь в том случае,

¹¹⁶ Е. Ф. Данилина в заметке в газете «Молодой ленинец» (Пенза, 3 февраля 1967 г.) говорит о ласкательных, уменьшительных, пренебрежительных и фамильярных вариантах имен, которые она называет «тезками», и сообщает, что, по подсчетам пензенских лингвистов, у имени *Анна* таких тезок свыше 70, *Александра* — более 80, а у имени *Иван* — около 100. В. И. Чернышев («Русские уменьшительно-ласкательные имена». — «Русский язык в школе», 1947, № 4) называет непаспортные формы имен нерасчлененным комплексом уменьшительно-ласкательные.

¹¹⁷ П. Т. Поротников. Антропонимика села Пеньки.

когда форма имени с суффиксом, типичным для одного возраста, адресована к лицу другого возраста. Интересно, что формы типа *Ваничка*, *Маничка* в описанном П. Т. Поротниковым говоре ласкательного оттенка значения не имеют, а, казалось бы, нейтральные *Маха*, *Миха* носят бранный оттенок.

Все это свидетельствует о том, что нет такой «средней» точки, находясь на которой, человек мог бы откладывать направо словоформы со значением уважения и ласкательности, а налево — уничижения и пренебрежения. Точка эта меняется в зависимости от возраста и социального положения того, кто говорит и о ком говорят, от того, пользуются ли говорящие литературным языком или диалектом, происходит ли дело в городе или в деревне и т. п. В этом отношении русские личные имена напоминают, например, явление к *ей го* в японском обществе, когда в зависимости от того, кто и к кому обращается, меняются формы высказывания, для чего в японском языке существуют разные слова и формы, отражающие не только степень вежливости — невежливости, но и степень возвышения — принижения говорящим собственной персоны по отношению к субъекту и объекту высказывания. Дж. Янг выделяет десять таких степеней, или уровней, выражения одних и тех же идей в зависимости от возраста, пола, социального положения говорящего и субъекта и объекта речи. Дж. Янг выделяет абсолютный уровень, когда говорящий стоит выше всех и все его высказывания адресованы лицам, стоящим на одну или несколько ступеней ниже, и относительный, когда говорящий общается то с выше, то с нижестоящими. Абсолютно низкого уровня, видимо, не бывает, поскольку стоящие на нижней ступени социальной лестницы всегда могут найти кого-то ниже себя или счесть себя выше кого-либо из рядом стоящих¹¹⁸. Своеобразное явление кейго отмечается в монгольской ономастике и в особых монгольских формах вежливости, которые пока что мало изучены¹¹⁹.

Ученые стран народной демократии хорошо понимают различие сокращенных и ласкательных имен, но не могут договориться о единой терминологии. Так, представители польской ономастической школы (Е. Курилович, С. Роспонд) сокращенные имена называют *гипокористиками*, а ласкательные — *деминутивами*, представители же чешской (Я. Свобода) и немецкой (Т. Витковский) школ ставят знак равенства между гипокористиками

¹¹⁸ J. Young. Keigo in the Japanese Society. «X-th International congress of linguists. Abstracts of papers». Bucharest. August — September, 1967, стр. 414—415.

¹¹⁹ В дореволюционной России существовало до десяти формул обращения к представителям различных сословий: *Ваше величество* (к царю), *Ваше высочество* (к членам царской семьи), *Ваша светлость* и *Ваше сиятельство* (к графам и князьям), *Ваше превосходительство* (к генералам), *Ваше высокоблагородие* (к офицерам), *Ваше степенство* (к купцам), *Ваше благородие* и *Ваша милость* (к уважаемому человеку, не обязательно титулованному), *Ваше преосвященство* (к архиерею), *Ваше преподобие* (к монаху). Широкая гамма различных форм именования дополняла эти обращения.

и деминутивами как терминами, отличая, однако, сокращенные имена *Kurznamen* от ласкательных *Kosenamen*. Русские ласкательные имена могут образовываться как от полных, так и от сокращенных основ (*Иванушка, Ванюша*), польские деминутивы (ласкательные) строятся лишь на базе гипокористиков (сокращенных форм имен). Т. Витковский, отмечая, что и в нарицательных может быть выражено ласковое отношение говорящих к объектам: *домик, зайчик*, ласкательные нарицательные называет *Koseworte*. Следует, однако, полагать, что перечисленные факты недостаточно хорошо изучены и за рубежом, поскольку в словарях лингвистических терминов Вахека и Марузо слов *гипокористик* (*ипокористик*) и *деминутив* (*диминутив*) нет. Не существует и стандартного написания *де-* или *диминутив*. Может быть, все это объясняется тем, что и сами сокращенные и ласкательные имена скорее относятся к славянским, нежели к другим индоевропейским языкам, и первое слово здесь за славистами.

В «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахмановой (М., 1966) *гипокористический* означает то же, что *ласкательный* в широком смысле слова. Выделяются ласкательные аффиксы, существительные, эпитеты. *Уменьшительность* тесно связывается с пренебрежительностью и ласкательностью, вводится даже термин *уменьшительно-пренебрежительный* (*гордишко*) в противоположность *увеличительному* (*домище*). Все это ни в коей мере не устраняет существующей непоследовательности.

Расхождение во мнениях поляков и немцев основывается и на некоторых реальных ономастических расхождениях. У поляков, как и у чехов, деминутивы (уменьшительные имена) имеют только ласкательное значение и образуются только на базе усеченных основ. Так, С. Роспод приводит *первоначальные сокращенные имена* (первичные гипокористики) — минимальные части основы, оформленные как самостоятельные слова (*Stoislaw — Sto-sz, Sto-ch; Stanislaw — Sta-sz, Sta-ch; Radoslaw — Ra-sz, Ra-ch, Ra-l, Budzislaw — Bu-sz, Bronislaw — Bro-sz, Siemomysl — My-sz* «гипокористическими» формантами *-š, -ś, -ch, -l*). Эти форманты соответствуют древнеславянским апелятивным с сильной экспрессией: *pta-ch, серд-ц-е, пти-ц-а*, теперь ставшим стилистически нейтральными. На базе этих сокращенных имен в польском и чешском языках образуются ласкательные с помощью современных экспрессивных суффиксов: *Rasz-ek, Rad-ek, Radosz, Dadz-ik, Brosz-ek*, ср. *ptasz-ek*. Первое и основное значение этих суффиксов — уменьшительное, второе — субъективное отношение говорящего к предмету, некоторая доля нежности. Вот это второе и кладется в основу уменьшительных от имен собственных. Здесь размер и возраст человека ни при чем. Огромный *Радослав* остается всю жизнь для матери *Рашек*, а маленький *Брошек* в официальных случаях зовется *Бронислав*.

Усеченные части древнеславянских имен оканчиваются на гласные, поскольку славянским языкам издавна были свойственны открытые слоги, а в качестве усеченной основы брался один из слогов. Соответственно гипокористическим формантом, дополняющим усеченную часть имени до слова, был согласный. Его фонетический диапазон определялся временем и языком, где зависел от наличия определенных апелятивных «деминутивных» (в терминологии С. Роспонда) аффиксов¹²⁰.

Русские сокращенные имена обычно оканчиваются на -а, усеченная же часть основы при этом нередко оканчивается на согласный: *Вар-я*, *Тол-я*. На согласный же оканчиваются более поздние польские сокращенные имена: *Rad* — *Radosław*, *Brod* — *Brodzisław*, *Chwal* — *Chwalisław*¹²¹.

Понятие 'маленький' — основное содержание апелятивного деминутива: *комната* — *комнатка*, т. е. маленькая комната, не то же самое, что большая комната. В сокращенном же имени: *Станислав* — *Стась* имеется в виду тот же индивид, и *Стась* не означает 'маленький *Станислав*'. Морфологическая особенность собственных имен сокращаться генетически родственна деминутивизации нарицательных, а специальные «гипокористические» суффиксы представляют собой устаревшие деминутивные¹²². Суффиксы, имеющие определенное абстрактное значение у нарицательных, используются в собственных как уменьшительные, ср.: *вертушка* — *Ванюшка*, *волокуша* — *Петруша*, *галчонок* — *Сашонок*, *былинка* — *Галинка* и т. д. Как апелятивным суффиксам, им свойственно не одно лишь уменьшительное значение.

А. Белич, называя существительными субъективной оценки уменьшительные, увеличительные и другие подобные, отмечает их отличие от прочих производных существительных прежде всего тем, что субъективно-оценочные существительные образуются главным образом от существительных же и при этом сохраняется лексическое значение основы последних, а просто производные существительные образуются от прилагательных, глаголов и реже всего от существительных определенного, детерминативного характера. Таким образом, существительные субъективной (индивидуальной) оценки получают от суффиксов специфическое добавочное зна-

¹²⁰ С. Роспонд. Структура и классификация древневосточнославянских антропонимов, стр. 4, 9; S. Rospond. Słowiańskie hipokorystyka imienne typu *Rasz*, *Rach*, *Ral*... «Sprawozdania Wrocławskiego towarzystwa naukowego», 1963, 18A, стр. 47.

¹²¹ S. Rospond. Słowiańskie hipokorystyka imienne typu *Rasz*, *Rach*, *Ral*... стр. 51.

¹²² Там же, стр. 46; J. Kuryłowicz. La position linguistique des noms propres. Onomastica. II. 1. Wrocław, 1956, стр. 9. — В русском переводе И. А. Мельчука (стр. 260) термины *деминутивы* и *гипокористики* заменены русскими *уменьшительные* и *ласкательные*, не обладающими, как было показано, теми различиями, которые польские ученые вкладывают в перечисленные термины, в связи с чем основная идея раздела пропадает.

чение (значение существительности, предметности они имели и без того), а прочим производным существительным образующие их суффиксы сообщают значение предметности: *белый* — *беляк* (заяц, человек) ¹²³. А. Белич считает, что многие суффиксы субъективной оценки были изначально свойственны прилагательным и отглагольным существительным, с которых были перенесены на субъективно-оценочные существительные. Некоторые из суффиксов субъективной оценки произошли из суффиксальных существительных со значением 'ребенок', 'молодое животное'. Он выделяет субъективно-оценочные суфф. *-ах, -уш, -ух, -ут, -ул (я), -еньк, -оньк, -ак, -экъ* и т. п. ¹²⁴

В немецком языке существует расчлененная терминология для обозначения имен с различными оттенками значения. Так, при более общем термине *Beiname* — соимя, добавочное имя, в средневерхненемецкий период выделялись термины *Nachname, Übername, Zuname*, значение которых в Новое время сузилось.

У немцев, как и у русских, уменьшительные имена могут образовываться не только от усеченной, но и от полной формы имени: *Marie, Mariechen, Mizi*, а суффиксы субъективной оценки передавать не только ласкательное значение, но и широчайший диапазон различных оттенков значения от нежнейшего обожания до жесточайшего пренебрежения. В связи с этим Т. Витковский помимо *Kosenamen* выделяет еще *Necknamen* (поддразнивающие), *Scherznamen* (шутливые), *Ulknamen, Spitznamen* (с легким отрицательным значением), *Stichelnamen, Spottnamen* (с довольно сильным отрицательным значением), *Scheltnamen, Schimpfnamen, Ekelnamen, Schandnamen, Schmachnamen, Schmeichelnamen* с резким отрицательным значением ¹²⁵. Образованные с помощью суффиксов субъективной оценки, перечисленные имена не подходят под понятие деминутив ¹²⁶, в связи с чем Т. Витковский все разновидности имен с суффиксами субъективной оценки называет *экспрессивными формами*, или *эмоциональными именами* (*expressive Formen, emotionale Namen*), в противоположность простым сокращениям без эмоционально окрашенных суффиксов.

¹²³ А. Б е л и ч. Природа и происхождение существительных субъективной оценки. «IV Международный конгресс слависта у Москвы (рефераты)». Београд, 1958, стр. 131—132.

¹²⁴ Там же, стр. 135—138.

¹²⁵ Т. W i t k o w s k i. Grundbegriffe der Namenkunde.

¹²⁶ Термин деминутив у Т. Витковского употребляется непоследовательно. С одной стороны, он равен гипокористику, но, с другой стороны, с ласкательными (*Kosenamen*) он совпадает лишь отчасти, так как сюда же относятся и формы, выражающие антипатию, и патронимики на *-ята*, имеющие ласкательное значение. Деминутивы, по Т. Витковскому, образуются и от топонимов, обозначая меньший или вновь выделившийся объект: *Дон — Донец*. *Übernamen* у него могут быть и с нейтральной экспрессией, а к *Schimpfnamen* могут принадлежать и нарицательные.

Особое место среди экспрессивных, по мнению Т. Витковского и Е. Куриловича, занимают имена, взятые из детской речи или из речи матерей и нянек — Lallnamen (lallen 'лепетать'): нем. *Pepi* < *Seppi* < *Josef*, *Meta* < *Margareta*, англ. *Bob* < *Robert*, ср. русское *Ляля* — универсальное сокращенное имя девочки, которому соответствует любое полное. Ср. в испанском языке: *Pancho*, *Pancha* < *Francisco*, *Francisca*, *Pepe*, *Pepita* < *José*, *Josefa* — это не те же сокращения, какие получаются у взрослых. Ни законы фонетики, ни правила сокращения для них не существуют. Детские имена отмечались и в древности. К ним относят греческие одноосновные *Πάλλης*, *Μάλλης*, *Μίχρος*, *Μίχος*. В немецких семьях существуют неофициальные имена-прозвания типа *Dicker*, *Langer*, *Kleiner*. К таким же специально детским именам следует отнести сокращения русских имен по французскому образцу, модные в прошлом веке в дворянских семьях: *Вовб* — *Владимир*, *Зизй* — *Зинаида*, *Кокб* — *Николай*, *Мимй* — *Мария* и т. д.

Таким образом, чтобы быть последовательными, исходя из положения вещей в русском языке с учетом фактов, существующих в родственных языках, целесообразно выделять: 1) сокращенные имена (без эмоционально окрашенных суффиксов) и 2) формы имен с суффиксами субъективной оценки, куда войдут: ласкательные (*Юрочка*), уменьшительные (*Юрик*), фамильярные, вульгарные (*Юрка*), поддразнивающие (*Юрище*), пренебрежительные (*Юрашка*), уничижительные (*Юришка*), презрительные (*Юрчище*) и т. п. оттенки значения. Но все это лишь внутри одной системы (в данном случае у городских жителей). В различных диалектах соотношение указанных форм может быть иным.

Образование различных форм имен с суффиксами субъективной оценки свойственно не всем языкам и не в одинаковой степени, а одинаковые или сходные оттенки значения могут передаваться различными способами. Например, во французском языке, помимо специальных суффиксальных форм, которые имеют тенденцию превращаться в самостоятельные имена (*Suson*, *Lison*, *Lisette*, *Colette*, *Cosette*), широко практикуется аналитический способ образования уменьшительных — с помощью прилагательного *petit(e)*: *petit Pierre*, *petite Catherine*, *petite Jeannette*. Ср. выражение *ma pauvre mère*, где то же значение выражается прилагательным 'бедная', поскольку по отношению к матери прилагательное 'маленькая' неуместно.

Английские сокращенные имена часто мало похожи на полные: *Ричард* — *Дик*, *Эдвард* — *Нед*, *Роберт* — *Боб*, при этом сокращенными именами нередко зовутся и взрослые. Из суффиксов субъективной оценки чаще всего выступает *-и*: *Недди*, *Дикки*, ср. нарицательное *doggy* 'собачка'. В качестве субъективно-оценочного средства, как и во французском языке, выступает прилагательное маленький: *little John*, *little Mary*, *little Paul*. В немецком языке

существует ряд стандартных средств для передачи нежного отношения к именуемому: суффы. *-i, -n, -z (-i) -l, -k (-ch)*, которые прибавляются либо к сокращенному, либо к полному имени: Ferdinand — Fritz, Fritzchen, Wilhelm — Willi, Marie — Mariechen¹²⁷.

В итальянском языке имеется буквально каскад суффиксов субъективной оценки, что очень наглядно демонстрируется на примере семейства сказочных человечков у Джанни Родари. От слова *cipollo* 'лук' образуется имя *Чиполлино* (главного героя сказки) и имена семи его братьев: *Чиполлетто, Чиполлотто, Чиполлочча, Чиполлучча* и т. д., отца их звали *Чиполлоне*, а дядю *Чиполла*.

Казалось бы, один и тот же суффикс *-ка* по-разному используется в разных славянских языках. Польские *Галька, Юлька* не равнозначны русским *Галька, Юлька*. Это скорее *Галюша, Юленька*. В Югославии *Милка* — полное имя взрослого человека, а не уменьшительное от имени *Людмила*.

Очень интересно употребление сокращенных имен в значении полных у сербов и у болгар: дирижер *Саша* Попов, певица *Таня* Георгиева. Особенно приняты подобные сокращения в артистической среде. Параллель этому явлению в русском языке можно усмотреть, пожалуй, в том, что артистов, художников, писателей обычно зовут без отчества: дирижеры *Константин* Иванов, *Евгений* Мравинский, певцы *Иван* Петров, *Ирина* Масленникова, художник *Сергей* Герасимов, писатель *Константин* Федин, поэт *Евгений* Евтушенко.

Суффы. *-ик* свойствен в одинаковой функции и русскому, и армянскому языкам, ср. армянск. *Рубик* и русск. *Алик, Вадик, Славик*.

Как отмечает С. Роспонд, «гипокористики первичного типа в восточнославянской антропонимии редки (они вытеснены христианскими полуименами *Вася, Ваня* и т. п.)»¹²⁸. В этом еще раз сказывается различие позиций русских и польских исследователей. То, что у нас принято называть сокращенными именами, для поляков — полуимена, поскольку их «первичные гипокористики» включают в себя от одной трети до одной четверти состава полного имени (*Станислав — Стась, Радослав — Радзь*). Но дело здесь, разумеется, не в количественном соотношении сокращенного и полного имени, а в том, как, каким образом образуются русские сокращенные имена от принятых в настоящее время полных имен, среди которых очень мало славянских.

Поскольку сокращенные имена очень часто оканчиваются на *-а, -я*, по ним бывает трудно определить, соотносятся ли они с муж-

¹²⁷ M. Gottschald. Deutsche Namenkunde. Aufl. 2. München — Berlin, 1942, стр. 51.

¹²⁸ С. Роспонд. Структура и классификация древневосточнославянских антропонимов, стр. 9.

скими или с женскими. Так, *Саня* и *Саша* относятся и к имени *Александр*, и к имени *Александра*; *Валя* относится и к *Валентин*, и к *Валентина*, а также к *Валерий* и *Валерия*; *Витей* можно звать и *Виктора*, и *Виталия*, и *Викторию*, и *Викторину*, и даже *Виталину*. Для русских сокращенное имя — это не есть само имя. Настоящее имя записано у человека в паспорте, им он зовется в официальных случаях. Характер сокращенного имени во многом зависит от личного желания и от желания окружающих. И если *Екатерину* ее близкие зовут не *Катя*, а *Ина*, в этом нет никакого нарушения каких бы то ни было норм. Просто *Катя* более типично, а *Ина* — более индивидуально. Однако в последнее время это положение часто забывается, и молодые родители нередко требуют, чтобы в качестве основного официального имени их детям записали сокращенную форму, поскольку она кажется им более приветливой, более ласковой. Иной же раз в качестве полного имени новорожденного записывались сокращенные или уменьшительные формы иностранных имен: *Том* (*Томас* = *Фома*), *Гарри* (*Генрих*), *Эльза*, (*Элизабета* = *Елизавета*), *Жаннета* (*Жанна* = *Иоанна*), *Сильва* (*Сильвия*) и т. д.

В качестве официально записанных в Севском р-не отмечены также следующие сокращенные имена: *Лидя*, *Лина*, *Ара*; в Москве — *Ася*, *Ада*, *Аля*, *Рина*, *Лена*, *Мая*, *Нила*, *Вита*, *Ира*, *Рена*, *Клим*, в Киеве — *Сёма* и *Зёма* и даже делалась попытка образовать от них отчества. В Ленинграде появился папа *Петя*, который все-таки настоял, чтобы его сыну дали отчество *Петрович*. Правда, ему пришлось изменить имя на *Пётр*. Все это различные проявления древнего процесса, начавшегося тысячи лет назад. К тому же среди принятых у нас византийских имен немало сокращенных, только мы об этом не знаем.

Количество, распространенность и привычность сокращенных и оценочных вариантов у того или иного имени зависит от того, насколько часто употребляется оно в данном языке, насколько привычно оно само. Новые имена как правило бедны вариантами (*Алиса*, *Джанна*, *Дина*, *Земфира*, *Луиза*, *Октябрина*, *Персида*, *Альберт*, *Марат*). Наоборот, имена старые, традиционные буквально обросли вариантами, среди которых есть и повсеместно принятые, и свойственные лишь некоторым областям.

Сокращенные и уменьшительные формы славянских имен, как и византийских, образуются теми же способами, что бывает непривычно и несколько странно: *Всеволод* — *Всева*, *Сева*, *Ярослав* — *Ярка*, *Мстислав* — *Стива*, *Ростислав* — *Ростя*, *Вячеслав* — *Вячик*, *Станислав* — *Стасик*. Поэтому всех носящих имена, оканчивающиеся на *-слав*, предпочитают звать *Слава*. Имя *Олег* никак не сокращается, с суффиксами же субъективной оценки от него образуются формы *Олежек*, *Олежка*.

На появление новых уменьшительных имен влияют книги, песни, кинофильмы и т. п. Так, Е. Ф. Данилина зафиксировала

уменьшительное *Ямайка* от имени *Майя*. Возможно, последнее появилось под влиянием песни «Ямайка» в исполнении Робертино Лоретти, бывшей одно время очень модной у нас. Выявленная Е. Ф. Данилиной сокращенная форма *Марго* от *Мария* есть не что иное, как подмена одного имени (русского) другим (французским); по-французски *Марго* — *Маргарита*. Появлению же этого варианта мы, очевидно, обязаны романом «Королева Марго».

Сокращенные формы имен чаще всего оканчиваются на -а (я), которое может быть прибавлено как к начальному, так и к срединному элементу основы, состоящему из одного или нескольких звуков: *Аня* (Анна), *Юля* (Юлия), *Мара* (Мария, Маргарита, Марк, Макар), *Гера* (Герман), *Катря*, *Катя* (Екатерина), *Рая* (Раиса) и т. д. В сокращенных формах русских имен порой невозможно бывает отыскать основу. Так, в сокращенном *Баша* (через ступень *Любаша*) от *Любовь* остался лишь один согласный б, а в сокращении *Шура* от *Александра* — ни одного звука основы не осталось и, если не знать той цепочки промежуточных форм, которые привели к варианту *Шура* (*Алексаша*, *Саша*, *Сашура*), то, с современной точки зрения, основы имен *Александр* и *Шура* можно считать супплетивными образованиями.

Разбирая многочисленные русские сокращенные и уменьшительные, следует прежде всего отметить неравнозначность одних вариантов по сравнению с другими. Так, существуют общепринятые традиционные сокращения: *Василий* — *Вася*, *Николай* — *Коля*, *Любовь* — *Люба* и необщепринятые, нетрадиционные: *Людмила* — *Лю*, *Юлия* — *Ю*, *Николай* — *Ник*, *Григорий* — *Гри*. Соответствие традиционных сокращений полным именам более или менее однозначно, соответствие полным формам нетрадиционных сокращений расплывчато и случайно. Так *Вава* — это и *Варвара*, и *Валентина*, и *Валерия*, и *Вадим*; *Ава* — *Август*, *Авель*, *Авенир*, *Клавдий*; *Тата* — *Татьяна*, *Наталья* и т. д.

Такие варианты, как *Гуша* < *Серьгуша* < *Сергей* или *Гуша* < *Ольгуша* < *Ольга*, *Дуся* < *Идуся* < *Ида*, *Люся* < *Олюся* < *Ольга*, *Маша* < *Домаша* < *Домна*, не могут классифицироваться как закономерные сокращения, поскольку они — результат цепочки преобразований, соотносящих полные имена с «каноническими» уменьшительными, но образованными от других официально принятых имен. Ср. сближение с нарицательными в таких уменьшительных, как *Улитка* (Улита), *Сорока* (Серафима), *Котя* (Константин), *Петушок* (Петр), *Гуся*, *Гуля* (Георгий), *Гага* (Галина), *Нолки* (Анатолий), *Хина* (Хиония), что также нельзя отнести к регулярным сокращениям.

Пытаясь вскрыть механизм образования сокращенных и оценочных имен от полной формы, собиратель русских имен Н. А. Петровский в личной переписке с А. А. Реформатским намечал типы соответствия основ сокращенных и полных имен. Его методика в достаточной мере механическая: один (или два, три и т. д.) начальный звук полного имени, один (или два, три и т. д.)

согласный из середины корня, согласный + гласный и т. п. Всего у него насчитывается 37 способов, ни один из которых не универсален.

В изданном затем словаре число типов сократилось до семи, но представлены они по-прежнему нечетко ¹²⁹. «Производные уменьшительные имена», как называет автор и сокращенные формы, и формы с суффиксами субъективной оценки, у него образуются то «из целого имени», то «из двух, трех и более начальных букв имени», то «из одного начального звука». Какое бы то ни было представление о морфологических основах полных и сокращенных имен при этом отсутствует, хотя сообщается, что «аффиксы присоединяются к производящей основе», а в пределах одного имени «в производящей основе происходят значительные изменения, которые делают ее нередко неузнаваемой». Очевидно, автор подразумевает, что и в варианте *Марийка*, и в *Муся* производящая основа одна и та же, хотя это — принципиально разные образования, и если *Марийка* однозначно соотносится с именем *Мария*, то *Муся* может быть отнесено к любому имени, мужскому и женскому, содержащему *м*, что явствует из этого же словаря, где с сокращенным именем *Муся* соотносятся полные имена *Герман*, *Дмитрий*, *Моисей*, *Марина*, *Мария*, *Матрона*, *Тамара*. Добавим еще *Марк*, *Михаил*, *Эммануил*.

Критикуя Н. А. Петровского в личной беседе, когда словарь еще готовился к изданию, А. А. Реформатский отмечал, что основное внимание следует обращать не на то, сколько гласных или согласных полного имени попадает в сокращенное, а как шел процесс образования: *Алекса-ндр* — отсекается конец — *Алек-са* + *ша*; усекается начало — *Саша*; добавляется суффикс: *Саш-ура*; происходит переразложение и снова усекается начало — *Шура* и т. д. Но, объясняя процесс диминутивации, это уточнение все же не дает базы для классификации сокращенных и субъективно-оценочных форм имен (см. об этом: А. А. Реформатский. Топонимастика как лингвистический факт).

Более плодотворной представляется классификация по формантам ¹³⁰. Она дает более четкие и стройные ряды. Что же касается основ сокращаемых антропонимов, следует отметить их очень слабую связь с основами полных антропонимов, при которой порой никакими лингвистическими способами, без знания лексических соответствий, полное имя не может быть выведено из сокращенного.

Ниже перечисляются суффиксы субъективной оценки, свойственные русским именам городских жителей и приводятся имена с этими суффиксами. Из примеров (там, где от одного и того же имени образуются разные варианты с разными суффиксами) ясно, что в разных вариантах одного и того же имени основа может быть разной (*Галина* — *Гал* — *Га-*, *Г-*), что еще раз подчеркивает отсутствие единых соответствий сокращенных и оценочных имен полным. Таким образом, главное — модели имен, а они прежде всего определяются суффиксами, которые могут присоединяться к разным вариантам основы одного и того же имени: *Галинушка*, *Галюша*, *Гушка*. Примеры приводятся в порядке алфавита суффиксальных согласных; в скобках даются соответствующие полные имена:

-ва, -ива: *Стива* (*Мстислав*, *Станислав*, *Степан*);

¹²⁹ Н. А. Петровский. Словарь русских личных имен. М., 1966, стр. 19—20.

¹³⁰ Пример такого описания для венгерского языка см.: К. Е. Майтинска я. Словообразование имен в старо- и средневенгерском языке. М., 1965.

-га: Гага (Галина), Гога (Георгий);
 -ик: Алик (Александр, Альберт), Эдик (Эдуард);
 -ка: Ика (Игорь), Люка (Людмила);
 -енька, -онька; Веронька, Валенька;
 -ечка, -очка; Верочка, Валечка;
 -ука, -юка: Люка (Лев), Алюка (Алевтина, Александра);
 -уля (-юля): Гуля (Галина, Георгий), Тюля (Витюля — Виктор);
 -ня: Ганя (Галина, Гаврила), Еня (Евгений), Яня (Яков),
 Граня (Аграфена), Саня (Александр), Реня (Андрей, Регина):
 -уня: Муня (Мария, Эммануил, Эмилия), Федюня (Федор),
 Дуня (Евдокия), Тюня (Анастасия), Сюня (Ксения);
 -ура (-юра): Мура (Мария), Сюра (Василий), Танюра (Татьяна);
 -ся: Люся (Людмила), Тося (Антонина), Ася (Анна);
 -уся: Дуся (Евдокия), Буся (Борис), Муся (Мария), Туся (Наталия);
 -ата (-ята): Мишата, Гришата, Ванята;
 -ута (-юта): Анята, Мишута, Васюта;
 -оха, (-еха); Алеха (Алексей), Евдоха (Евдокия);
 -ша: Иша (Игорь, Иван), Яша (Яков), Агаша (Агафья), Саша (Александр), Маша, Перша (Перфирий), Паша, Павша (Павел),
 Гоша (Игорь), Кеша (Иннокентий), Викеша (Викентий);
 -оша (-еша) Алеша;
 -уша (-юша) — Андрюша (Андрей), Анюша, Нюша (Анна).

Помимо этого -ка может быть добавочным суффиксом эмоциональной оценки и в этой функции может быть прибавлен к любому неофициальному и почти к любому официальному варианту (кроме вариантов, уже имеющих в своем составе -ка: Ика, Люка и кроме оканчивающихся на группы согласных Никандр, Александр, (Ксенофонт): Аня — Анька, Анка, Дуся — Дуська, Гуля — Гулька, Яша — Яшка, Мура — Мурка, Муня — Мунька, Варвара — Варварка, Савва — Савка, Иван — Иванка.

В случаях типа Гутя (Августа), Витя (Виктор), Костя (Константин), Отя (Октябрина), Рема (Ревмира), Липа (Олимпиада), Гора, Жора (Георгий), Клера, Клёпа (Клеопатра), Бумя (Будимир) сокращенные имена образованы от измененной основы с выпадением ряда звуков. Едва ли целесообразно выделять здесь особые редкие суфф. -тя, -ма, -мя, -па -ра и т. п.

В сокращениях Тома (Тамара), Лора (Лариса), Мотя (Матрена) отмечается мена гласных а/о.

Сокращения Дия (Конкордия), Лена (Елена), Ната (Рената), Ян (Аверьян) оказываются чистыми концами имен, как Герма — Герман, Капит — Капитон, Ната — Наталия — чистыми начальными. Однако некоторые из них непривычны, а иные воспринимаются как суффиксовые от других имен: Нина при Антонина.

Некоторые сокращенные или уменьшительные имена, случайные в городах, могут быть общепринятыми в каком-либо диалекте: Вичок (Виктор), Шурёк (Александр).

Для сравнения приводим обзор сокращенных имен и имен с суффиксами субъективной оценки по материалам О. А. Славяниной (Севский р-н Брянской обл.). На этих примерах видна разница городских и сельских, литературных и диалектных вариантов имен.

В Севском р-не очень широко употребляется суфф. *-ха* (*-аха*, *-еха*, *-иха*, *-оха*, *-уха*), придающий имени оттенок фамильярности. Предшествующий *х* гласный часто бывает продиктован составом имени, но может быть и самостоятельным. Варианты на *-ха* могут быть образованы почти от любого имени, при этом лишь немногие из них встречаются в литературном языке, где они стилистически значимы и, кроме того, требуют специального разъяснения. Вот некоторые из женских имен: *Кулюха* (Акулина), *Шаха* (Александра), *Являха* (Евлампия), *Маха* (Мария), *Лимпияха* (Олимпиада), *Поляха* (Пелагея), *Хритиха* (Харитина). Ср. мужские: *Ляксаха* (Александр), *Хромеха* (Варфоломей), *Лактюха* (Галактион), *Капитоха* (Капитон), *Левеха* (Лев), *Триха* (Трифон), *Хвеха* (Федор).

Кроме этого, и мужские, и женские имена там употребляются с суфф. *-кя*, *-ня*, *-ша*, *-шка*, *-утка*, *-а*; только женские — *-ица*, *-ма*, *-уля*, *-ча*; только мужские — *-чик*, *-ик*, *-ок*, (*-’ок*), *-ец*, *-ич*, *-ура*, *-ака*, *-ека*.

Интересно, что варианты *-ка* (общий, свойственный уменьшительным во всех областях) и *-кя* (областной, свойственный ряду южнорусских областей) идут параллельно: *Валька* и *Валькя*, *Аниська* и *Аниськя*, *Нюнька* и *Нюнькя* (Анна), *Донька* и *Донькя* (Домна), *Аброська* и *Аброськя* (Абросим), *Аверка* и *Аверькя* (Аверьян), и т. д., и *-кя* — не самостоятельный суффикс, а лишь особая областная манера выговаривать общерусский суфф. *-ка*, связанная с прогрессивной ассимиляцией. В Брянской области отмечены также интересные варианты *Анися* (Анисья), *Феоктия* (Феоктиста), *Таися* (Таисия).

Варианты имен с суфф. *-ша*, *-шка* распространены довольно широко по всей стране, поэтому здесь приводятся лишь некоторые, наиболее типичные для данного района и необычные для центра: *Явгеша* (Евгения), *Клеша* (Клеопатра), *Иёша* (Ион), *Касьяша* (Касьян), *Макруша* (Макрина), *Лавруша* (Лаврентий), *Сошка* (София), *Хрешка* (Христина), *Терёшка* (Терентий), *Финошка* (Афиноген), *Хромешка* (Варфоломей), *Грашка* (Евграф), *Яхишка* (Ефим), *Костюшка* (Константин), *Максишка* (Максим), *Ромашка* (Роман), *Ёвушка* (Яков).

С формантом *-ня* образуются такие варианты имен, как *Наня* (Анастасия), *Луня* (Гликерия), *Кленя* (Клеопатра), *Миня* (Михаил), *Хваня* (Феофан);

с формантом *-ура* (*-юра*) — *Хванура* (Афансий), *Васюра* (Василий);

с формантом *-орка* (*-ёрка*) — *Махорка* (Марфа), *Танёрка* (Татьяна), *Стефорка* (Христофор);

с формантами *-ута, -утка* — *Лисюта* (Елисей), *Митюта* (Дмитрий), *Катютка* (Екатерина), *Праскутка* (Прасковья); с формантами *-ота, -отка* — *Кунёта* (Прасковья), *Манёкотка* — (Мария); *-уля* — *Хвизуля* (Анфиса), *Давыдуля* (Давид).

Встречаются параллельные формы мужских имен на *-ец* и женских на *-ица*: *Акимец* (Аким), *Юрец* (Егор), *Архипец* (Архип), *Ехимец* (Ефим), *Иванец* (Иван), *Макарец* (Макарий), *Максимец* (Максим), *Уварец* (Увар); *Нюрица* (Анна), *Алёница* (Елена), ср. *Васёнца* (Василий).

В литературном языке уменьшительные мужские имена с суффикс. *-ик, -чик, -ок* считаются интеллигентскими, нередко связываются со старым Петербургом или с иностранным (польским) влиянием. Они стилистически не нейтральны. На этом фоне довольно неожиданно кажется обилие уменьшительных с этими суффиксами в Брянской области. Может быть, это объясняется близостью Украины, а через нее, действительно, польским проникновением. Во всяком случае уменьшительные с суффикс. *-ик* употребляются в Севском р-не в таком виде и от таких имен, от которых они совершенно не свойственны литературному языку Москвы: *Лёсик* (Алексей), *Тосик* (Анатолий), *Локтик* (Галактион), *Ёсик* (Иосиф), *Родик* (Родион), *Яшик* (Яков); *Ялменчик* (Евмен), *Ларчик* (Илларион), *Мосейчик* (Моисей), *Сенчик* (Семен), *Ликанчик* (Никандр). То же касается имен с суффикс. *-ок, (-ёк)*: *Ананёк* (Ананий), *Асташок* (Астафий, Евстафий), *Борисок* (Борис), *Валёк* (Валентин), *Амелёк* (Емельян), *Матюшок* (Матвей), *Пашок* (Павел) и т. д.

Изредка встречаются имена с формантом *-онок*, свойственные Белоруссии: *Володёнок* (Владимир), *Игнатёнок* (Игнатий), ср. женские *Натальёнка* (Наталья), и мужское *Иёнка*, *Ионка* (Ион).

Рядки параллельные формы на *-ак (-як)* и на *-ака (-яка)* — и те, и другие — мужские: *Кузяк* (Кузьма), *Тимак* (Тимофей), *Хведяк* (Федор), *Хоняка* (Афанасий), *Володяка* (Владимир). Ср. также *Ванёка* (Иван), *Васёка* (Василий). В ряде случаев *-ка* прибавляется к неусеченной основе имени: *Макейка* (Мокей), *Наумка*, *Еканорка* (Никанор), *Патапка*, ср. также *Тиханка* (Тихон), *Спиридка* (Спирidon).

Интересны индивидуальные образования: *Нёрма* (Анна), *Стефёнъка* (Степанида), *Соробнька* (Серафима); *Варчя* (Варвара), *Зинчя* (Зинаида), *Зойча* (Зоя), *Таньча* (Таня), *Лёнич* (Алексей), *Конай* (Конон), *Миха́ль* (Михаил), *Максян* (Максим), *Марковбый* (Марк), *Мировбый* (Мирон), *Митро́н* (Митрофан), *Микитбн* (Никита), *Хвёдин* (Федор), *Захарёкун* (Захар), *Гурёкун* (Гурий), *Гришбелъ* (Григорий), *Июношечка* (Иона).

Как показано у Т. Витковского, сокращенными и диминутивными бывают не только личные имена, но и географические названия, и имена нарицательные. Но существуют и отличия в образовании диминутивов от личных имен, топонимов и имен нарицательных.

Система суффиксов имен нарицательных очень четко связана с определенными абстрактными значениями. Почти для всех имен нарицательных возможен лишь один уменьшительный суффикс: *-ик (-ек, -ок)* для мужского рода и *-ка* — для женского рода. Сравните пары: *стол — столик, козел — козлик, конь — конёк, гриб — грибок, молоток — молоточек, шарф — шарфик, мышь — мышка, капуста — капустка*.

Выделяется группа слов, не обладающих (или почти не обладающих) возможностью образовывать уменьшительные — некоторые недавние заимствования, термины, сложные слова (*кашне, электростанция, телевидение*) и группа слов с расширенными возможностями — обозначения ближайших родственников, некоторых домашних животных и животных — героев народных сказок, предметов и орудий труда и еды (*мать — мама, матушка, мамушка, мамаша, мамка, мамочка, маменька, мамуся, мамашка, мамашечка* и т. д.; *кошка, кошечка, коташка, коша, кошенька, кошонка, кот, котик, коток, котенька, котенок, котеночек, кошенок, кошеночек, кисенок, кисан, киска, кисонька, кисуля, киса, кисяка* и т. д.).

Ряду нарицательных прибавление уменьшительного суффикса не сообщает нового оттенка значения. Оно лишь делает слово более удобным: *брошь — брошка, табурет — табуретка*. У иных суфф. *-ок, -ка* превращают одно слово в другое, не придавая первому ласкательного значения: *орел — орлик* (другая птица), *хомяк — хомячок* (другой зверек), *молот — молоток, мех — мешок* (разные предметы), *бобр (животное) — бобрик* (ткань), *луна — лунка, труба — трубка, сума — сумка*. Но все же, хотя они и обозначают разные предметы, они относятся к родственным или похожим вещам, причем слова с суфф. *-ок, -ка* обозначают предметы меньшей величины: *сова — совка, кошель — кошелек*. Оба эти свойства уменьшительных суффиксов представлены в топонимии. Прежде всего отметим случаи, когда уменьшительные суффиксы не придают уменьшительного значения, а лишь «вводят в ряд» (В. А. Никонов) иноязычные названия. Так, для русской гидронимии *Индиگیرка, Тунгуска, Дерекойка* — это не маленький *Индиگیر* или маленькая *Индигира*, а вполне самостоятельные названия, уменьшительность которых не очевидна. Однако полный отрыв словообразовательного от уменьшительного происходит редко. Идея малой величины особенно ощущается на гидронимах, имеющих общую основу с названиями городов: *Казанка* (Казань), *Симбирка* (Симбирск), *Тамбовка* (Тамбов), ср. также разговорное *Самарка* при официальном *Самара*, совпадающем с прежним названием города, *Кимры — Киморка*.

В названиях городов это уменьшительное значение слабее: *Жмеринка, Ахтырка, Каховка, Шепетовка*, хотя идея уменьшения могла быть в момент наименования. Ср. также разновидности

суфф. -ка: -айка — *Березайка, Тарайка*; -ейка — *Вилейка*; -анка — *Оршанка*; -инка — *Жабинка, Душанбинка* ¹³¹.

Идея малой величины и нежности звучит в названиях *Беленькое* (Поволжье), *Чистенькая* (Крым), *Тихенькая, Кругленький* (Кубань), *Красненькое болото, Крутенькая горка, Глубоконькое озеро* (Томская обл.). Идея меньшей величины и вторичности содержится также в названиях с суфф. -ица: *Белица, Бобровица, Вороновица, Речица, Ухтомица*; -еу: *Донец, Ингулец*. Но всякий раз название с суффиксом относится не к тому же объекту, что бессуффиксное (*Дон, Ингул, Ухтома, Бобр* и т. д.). Это резко отличает топонимы от имен личных с суффиксами субъективной оценки, где *Федя* и *Федеу*, *Люба* и *Любица* могут обозначать одно и то же лицо, и сближает с фамилиями, где *Федин* и *Федцов* — разные слова, как различны и деревни *Федино* и *Федцово*.

Разным эпохам и районам соответствуют разные соотношения первичных и вторичных гидронимических суффиксов. Для Центра и Северо-запада это — *Сула — Сулица, Двина — Двиница*, (реки), *Выра — Вырица* (города). Последнее, видимо, в соответствии с речной моделью перестроилось из *Выричи* (жители Выры) через *Вырицы*.

Ср. также соотношение названий городов и поселков по выходам из этих городов: *Тверь — Тверицы, Рыбинск — Рыбницы* (Верхняя Волга) и двух небольших рек бассейна Москвы — *Пехра — Пехорка*, ср. названия, связанные с гидронимом Волга: *Волгуша* бассейн Волги и *воложка* — нарицательное, рукав Волги, отделяющий остров от берега.

В бассейне Днепра, как показала Н. В. Подольская, уменьшительные суффиксы дают указание на то, что суффиксальный топоним относится к притоку реки, название которой не имеет уменьшительного суффикса: *Мерейка* — приток *Мереи*, *Волговец* — *Волгова*, *Осколец* — *Оскола*, *Майдица* — *Майды* ¹³².

На северо-западном Кавказе суфф. -ок, -онок, -инка, -цы также присутствуют в названиях притоков, при этом в ряде случаев можно усмотреть параллельность антропонимистическим образованиям: *Лаба — Лабинка* (вариант *Лабёнок*), *Бейсуг — Бейсужок, Сасык — Сасычок, Пслух — Пслушонок, Пслушонёнок, Афипс — Афипчук (Афипчик)* и два ручья с названием *Афипсёнок, Агур — Агурчик, Баксан — Баксанёнок, Пиши — Пишиша, Кирпили — Кирпильцы* ¹³³.

¹³¹ Ср.: И. В. Муромцев. Словотворчі типи гідронімів (басейн Сіверського Дінця). Київ, 1966, стр. 9 и сл.

¹³² Н. В. Подольская. Проблема изучения типовых связей названий бассейна одной реки, стр. 135.

¹³³ Л. Г. Гулиев а. Гидронимия Кубани (канд. дисс.). Краснодар, 1968.

Редкий случай, когда название с уменьшительным суффиксом и без него относятся к одному и тому же объекту, отмечен И. А. Воробьевой как проявление эмоционально-оценочного отношения человека к называемым объектам, сопровождающееся появлением ласкательных вариантов: н. п. *Стрелино* — *Стрелочка*, р. *Травянка* — *Травяночка*, ключ *Томка* — *Томочка*, р. *Еловка* — *Еловочка* ¹³⁴.

Интересно варьирование названия одной из улиц в Гранаде: «В начале ее идут очень богатые дома и улица носит имя *Святого Винцента* — потом попадают менее зажиточные, и улица уже зовется *Дон Висенте* — господин *Висент*. И, наконец, там, где эта улица начинает походить на Триану, ее именуют *Висентилло* — маленький Винцентик» (Огонек, 1961, № 26, стр. 15).

Таким образом, и здесь названия с разными суффиксами относятся к разным частям улицы, которые можно рассматривать и как разные улицы, а не передает эмоционального отношения говорящего к одному и тому же объекту.

Польские ономатологи «положив на карту» гидронимы с уменьшительными суффиксами и с нулевыми или неуменьшительными, получили четкие ареалы первичного и вторичного славянского заселения: с нулевыми суффиксами — районы, примерно соответствующие современной Польше, с уменьшительными — Украине и Белоруссии ¹³⁵. Поляки также создали серию специальных статей и монографий, посвященных отдельным славянским топонимическим суффиксам ¹³⁶.

¹³⁴ Выступление И. А. Воробьева на I Поволжской ономастической конференции. (Ульяновск, 1967).

¹³⁵ См. доклад С. Роспонда в Ин-те славяноведения АН СССР (ноябрь 1966 г.).

¹³⁶ H. Safarewiczowa. Nazwy miejscowe typu Mroczkowizna, Klimontowszczyzna. Wrocław, 1956. — С. Роспонд готовит монографию о суфф.-ск.

ГЛАВА IV

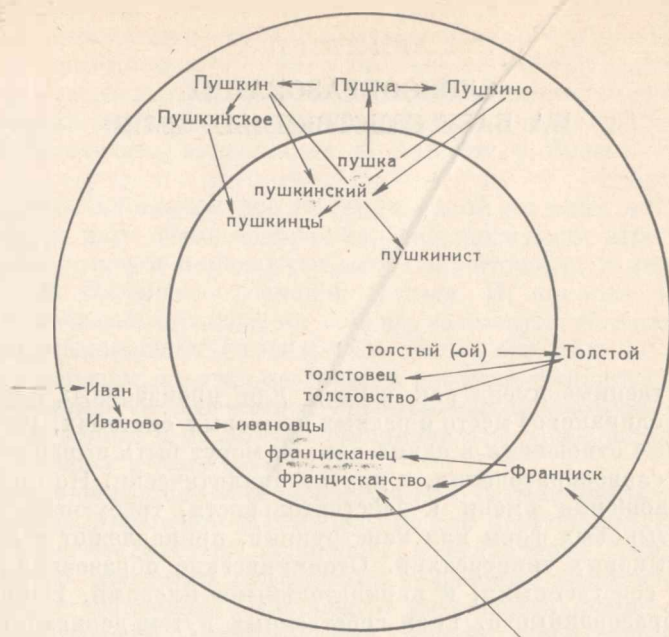
СЛОВООБРАЗОВАНИЕ НА БАЗЕ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН

Собственные имена как основы для производных слов занимают неодинаковое место в разных языковых системах, поскольку отдельные отношения в одних языках могут быть выражены с помощью словообразования, в других аналитически. Но определенные отношения имени к действительности, требующие тех или иных языковых форм или конструкций, принадлежат к одной из межъязыковых универсалий. Отонимические образования могут быть и собственными, и нарицательными именами. Наричательные, образованные от имен собственных путем деривации, тесно связывают апеллятивную и ономастическую лексику, заполняя собой тот семантический разрыв, который существует между наиболее типичными онома и апеллятивами (см. ниже схему).

В русском языке, благодаря его богатейшим деривационным возможностям, отонимическое словообразование представлено очень широко. В отличие от апеллятивного, оно не ограничено лексическим значением словообразующих основ, что значительно расширяет его возможности, позволяя образовывать от одних и тех же онимических основ все ряды существительных и прилагательных, а также глаголы (*маяковить*, *наконандойлиться*, *бойкотировать*, *пастеризовать*) и наречия (*по-вятски*, *по-московски*). Среди образований от собственных имен есть стойкие, в течение сотен лет сохраняющие свои модели и значения (отчества, названия жителей) и скоропреходящие обозначения последователей кого-либо, терминологические слова (*дарвинизм*) и бытовизмы (*тиролька*)¹.

Безусловно, не все имена собственные в одинаковой мере способны служить основой для словообразования: имена более привычные и более часто употребляющиеся могут скорее явиться такой базой, нежели имена, встречающиеся редко и неизвестные всем носителям данного языка. С другой стороны, словообразовательные модели, существующие для одних имен, применимы и к другим, и потенциальное словообразование возможно для всех (или,

¹ В. П. Даниленко. Имена собственные как производящие основы современного словообразования «Развитие грамматики и лексики современного русского языка». М., 1964; Н. С. Авилова. Слова интернационального происхождения в русском литературном языке нового времени. М., 1967.

по крайней мере, для большинства) собственных имен, но все же оно ограничено реальным употреблением слов. Насколько тесно переплетаются в языке собственные имена и образованные на их базе нарицательные и насколько неделимы на апелятивы и ономаих словообразовательные гнезда, станет ясно из дальнейшего изложения, посвященного именному словообразованию как наиболее типичному в ономастике, а также из схемы, где условно внутренний круг обозначает апелятивную лексику, а внешний — онимическую.

ПРОИЗВОДНЫЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ

Производные существительные многообразны как по типам образования, так и по значению и сферам употребления. В отличие от производных прилагательных, которые теоретически могут быть образованы от любого собственного имени, продуктивность некоторых типов производных существительных весьма ограничена в силу лингвистических или экстралингвистических причин.

От личных имен и прозвищ образуется несколько типов производных имен: сокращенные имена с последующим расширением с помощью мелиоративных и пейоративных суффиксов (см. выше стр. 121), отчества ², фамилии (см. стр. 76), особые женские прозви-

² Правила образования отчеств см. в «Справочнике имен народов РСФСР» (М., 1965, стр. 240—243).

ща по имени или прозвищу мужа. В дореволюционной России они были широко распространены среди рабочих, крестьян, ремесленников, торгового люда. Сейчас они идут на убыль, сохранившись, однако, в топонимии: названия населенных пунктов *Кузнечиха, Королиха, Максатиха*. В качестве женских прозвищ образования с суфф. *-иха, -учка* и т. п. до сих пор довольно типичны для ряда областей Украины, Белоруссии, а также Польши, Чехословакии. В Польше, кроме того, образуются женские прозвища с суфф. *-анка* и *-ина*: *Удзеля — Удзелянка, Заремба — Зарембина — Зарембянка* ³.

От фамилий образуются существительные со значением 'учение', 'идеология', 'режим', 'настроение', 'образ жизни' и т. п. с русскими суфф. *-ство, -ов-ство, -щина, -ов-щина; обломовщина, маниловщина, колчаковщина, толстовство, донкихотство*. Русские суффиксы могут также прибавляться не просто к иноязычному имени, а к иноязычному прилагательному, образованному от него: *вольтерьянство, мальтузианство*. Наконец, подобные же образования возможны и с иноязычным суфф. *-изм*: *ллойд-джорджизм, дарвинизм*. С этими словообразовательными рядами тесно связаны ряды, обозначающие приверженцев, последователей, изучающих творческое наследие и т. п. Они могут быть образованы по русской словообразовательной модели с суфф. *-ец*: *чапаевец, стахановец* и по иноязычной с суфф. *-ист*: *бонапартист, марганист*. Их основами также могут быть иноязычные прилагательные с суфф. *-ан*: *кантианец, мальтузианец*. При этом выбор русского суффикса для названия деятеля может быть продиктован русским же суффиксом в слове, обозначающем учение, движение и т. п. Так: *конфуцианство — конфуцианец, гегельянство — гегельянец, эпикурейство — эпикуреец, пифагорейство — пифагореец; дарвинизм — дарвинист*. Редкое исключение — *гусит*, а не *гуситец*, при *гуситство*, где в качестве русского существительного взята форма западного прилагательного без добавления русского суфф. *-ец*, ср. также *иезуит — иезуитство* от *Иезу* — западная форма имени *Иисус*.

Образования с русским суфф. *-ство* принадлежат в основном к обозначениям религиозных верований и некоторых философских направлений, образования с суфф. *-изм* — к науке, политике, хотя граница эта не абсолютна. Образования на *-изм, -ство* представляют собой меньшую группу по сравнению с образованиями на *-ист, -ец, -овец*, так, есть слова *стахановец, чапаевец, пушкинист, гончаровист*, но нет *стахановство, чапаевство, пушкинизм, гончаровизм*. Ср. также слова *гитлеровец* и *гитлерист*, из которых первое может обозначать и приверженца Гитлера и солдата гитле-

³ St. Urbanićzyk. [Ред.] Nazwy i nazwiska. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1964, стр. 28—29.

ровской армии, а второе — лишь приверженца. Однако основное значение суфф. *-ист* несколько иное, поэтому, несмотря на многозначность суфф. *-ец, -овец*, они все-таки остаются основными и слова с ними в этом значении не заменяются словами с суфф. *-ист*.

От географических названий образуются существительные со значениями 'окрестности' и 'житель такой-то местности'.

Слова, обозначающие окрестности, зѣмли, прилегающие к какому-либо городу или реке, весьма специфичны для каждой данной территории. Так, для западнославянского мира типичны суфф. *-чина, -щина, щизна*⁴, с помощью которых образуются как названия крупных территорий с неопределенными границами: *Киевщина, Полтавщина*, так и названия отдельных населенных пунктов: *Сахновщина*. Для России типично префиксальное образование с конечным *-ье*: *Поволжье, Заволжье, Подвинье, Приуралье, Приамурье, Приморье, Подмосковье*, ср. с апелативной основой: *Заболотье, Заречье, Поречье, Облучье*. В последнее время делаются попытки территориального расширения употребления первой модели: *Саратовщина, Свердловщина, Красноярщина*, что непривычно, а также попытки употребления беспрефиксальных образований с конечным *-ье*: *Оренбуржье, Москворечье*, что также звучит несколько необычно. И то и другое — своего рода перифрастические названия областей в языке газеты, там, где не хотят употреблять оттопонимические прилагательные.

Слова со значением 'житель' теоретически могут быть образованы от любого топонима. Практически существует ряд ограничений, зависящих как от формы имени, так и от традиции.

Среди названий жителей много слов нестандартных, индивидуальных, не соответствующих современным словообразовательным моделям. Связано это с тем, что названия жителей в русском языке — слова не менее древние, чем названия населенных мест. Последние же возникали в разное время в соответствии с разными (характерными для определенной эпохи и территории) моделями. Связь между названиями населенных мест и жителей чрезвычайно тесна, достаточно сказать, что не только названия жителей образуются от топонимов, но и ряд топонимов образовался из групповых прозвищ жителей: *Подольяне, Котельники, Пекари*. В разных частях нашей страны, где люди пользовались различными диалектами русского языка, названия жителей могли образовываться по-разному, и это многообразие сохранилось по сей день. И сейчас еще жители *Череповца* зовут себя *черепанами* (откуда фамилия *Черепанов*). Само название *Череповец* в современном языке созвучно с названием жителя, откуда второе название жителей города — *череповцы*. Жители *Мценска* зовутся *амчане, Омска* — *омичи, Одессы* — *одесситы, Камчатки* — *камчадалы*. С точки зре-

⁴ H. S a f a r e w i c z o w a. Nazwy miejscowe typu Mroczkowizna, Klimontowszczyzna. Wrocław, 1956.

ния современного языка многие названия жителей непосредственно не вытекают из названий населенных пунктов, потому что они могут соотноситься и с более древними вариантами названий самих населенных пунктов, и с иными, не принятыми сейчас, словообразовательными моделями.

Все суффиксы, с помощью которых образуются эти существительные, свойственны и именам нарицательным. Здесь можно выделить ряд старинных суффиксов; некоторые из них продуктивны и теперь. Так, суфф. *-ец* прибавляется к основе географического названия (или, если это название заимствованное, иногда к основе иностранного прилагательного): *новгородец, ивановец, ростовец, харьковец, лондонец, бразилец, гасконец, кавказец, енисеец, черноморец, балтиец, днепровец, ачинец, кинешемец, красноярец, ярославец, черемушкинец, туруханец, стамбулец, целинец, венецианец*. Старые суфф. *-анин, -янин* — довольно продуктивны: *россиянин, львовянин, иркутянин, воркутянин, рижанин, парижанин, пражанин, ср. старинное москвитянин*, замененное теперь словом *москвич*. После губных согласных перед этим суффиксом появляется *-л-*: *киевлянин, витеблянин*. Суфф. *-ич* малопродуктивен. Помимо слова *москвич* он употребляется еще в нескольких старых образованиях: *вятич, томич, омич, пскович* (ср. *псковитянин*). Также малопродуктивен суфф. *-ак (-як)*: *туляк, пермяк, тверяк, сибиряк, кимряк*. Встречаются и параллельные образования с разными суффиксами: *волгарь* и *волжанин, дончак* и *донец* (с некоторой смысловой дифференциацией), *печорянин* и *печорец, пскович* и *псковитянин, архангелец* и *архангелогородец, вологодец* и *воложанин, серпуховец* и *серпухович*.

Женский род от большинства этих и подобных существительных образуется посредством суфф. *-ка*: *москвичка, пражанка, парижанка, тулячка, псковитянка, американка, камчадалка, туруханка*. Однако от ряда топонимов такие образования весьма затруднительны, почему предпочитают говорить: *житель Новосибирска, рабочий Челябинска, представитель Токио* и т. п. В академической «Грамматике русского языка» (т. I, М., 1960) указывается на связь существительных — названий жителей с прилагательными, образованными от географических названий: *Ростов — ростовский — ростовец, Юрьев — юрьевский — юрьеvec, т. е. суфф. -овский (-евский) соответствует суфф. -овец (-евец): Горький — горьковский — горьковец, Орел — орловский — орловец*. Прилагательным с суфф. *-анский, -инский* соответствуют названия жителей с суфф. *-анец, -инец*: *Баку — бакинский — бакинец, Сочи — сочинский — сочинец, Мурманск — мурманский — мурманец*. Таким же образом: *Коломна — коломенский — коломенец, Уфа — уфимский — уфимец* и т. д.

В последнее время многие старые образования со значением *житель* вытесняются новыми с суфф. *-чанин*, выделившимся в

результате переразложения из образований с суфф. -анин в словах, основа которых кончалась на -к, -ц, -ч: *Мценск — амчанин*, *Опочка — опочанин*, *Егорлык — егорлычанин*, *Полоцк — полочанин*, *Бочки — бочанин*, *Винница — винничанин*, *Углич — угличанин*, *Лица — личанин*, ср. нарицательное полк — *однополчанин*. Как отмечает А. А. Дементьев, суф.-чанин произошел из сложения *ць + анин*: *Торопец — торопчане*, *Городец — городчане*, также *англиец + анин — англичанин*⁵. Здесь -чанин на своем месте. Однако возводить этот суффикс в абсолют едва ли следует⁶. В таких появляющихся в прессе образованиях, как *никопольчане*, *тагильчане*, *петрозаводчане*, игнорируются история русского языка, местные традиции и мнение самих именуемых. Например, в связи со строительством металлургического комбината в г. *Череповце* на страницах газет появились *череповчане*, созданные корреспондентами из центра, а местное ударение *Черéповец* заменилось на *Черепове́ц*. Так недавно появилось *крымчане* наряду с существовавшими *крымчаками*, *крымцами* и *крымлянами*, *сормовчане* наряду с *сормовцами* и *сормовичами*, *харьковчане*, *ростовчане*, *минчане*, *горьковчане*, *майкопчане*, *колымчане*, *норильчане*, *подольчане*, *кировчане*, *кемеровчане*, *гурзуфчане*, *комосмольчане*. Во многих случаях эти образования выглядят довольно искусственно, и более старые и привычные суфф. -ец, -овец (-цы, -овцы) давали бы лучшие производные слова: *майкопцы*, *кемеровцы*, *гурзуфцы*.

Заметим, что, если в состав названия входит суфф. -ов (-ев), название жителей легко и просто образуется с помощью суфф. -ец, -цы: *Быково — быковец*, а не *быковчанин*, *Юрьево — юрьевец*, а не *юрьевчанин*, *Щелково — щелковец*, а не *щелковчанин*. Поэтому едва ли можно прибегать к суфф. -чанин (-чане) прежде, чем использован суфф. -ец.

⁵ А. А. Дементьев. Суффикс -ец и -анин. «Русский язык в школе», 1946, № 5—6, стр. 17.

⁶ Полемику относительно правомерности суф. -чанин см. в статьях Б. Тимофеева («Лит. газета», 27 февраля 1960 г.), Ф. Гладкова («Веч. Москва», 14 января 1961 г., «Новый мир», 1953, № 6), А. Беляевой («Лит-ра и жизнь», 21 ноября 1958 г. и 25 мая 1962 г.), В. Азина («Лит-ра и жизнь», 22 марта 1961 г.), см. также: С. Сергеев-Ценский. О художественном мастерстве. Крымиздат, 1956; А. В. Суперанская. Что такое «чане»? — «Неделя», 16—22 октября 1966 г. Ср. полемику: В. П. Григорьев. Культура языка и языковая политика (вместо рецензии на книгу К. И. Чуковского). «Вопросы культуры речи», вып. IV, М., 1963; Г. И. Петровичева. О неуклюжих «чанах» и словообразовательной норме. «Русская речь», 1967, № 1, стр. 65—68; А. А. Абдуллаев. Давно ли появились «чане»? — Там же, стр. 69—70. — Однако все перечисленные статьи носят полемический характер, отражая вкусы спорящих и ни одна не вскрывает механизмов образования указанных слов. Ср. также: Г. И. Петровичева. Живут ли «мамки» в поселке Мама? «Русская речь», 1967, № 6; М. В. Карпикова. Наименование жителей городов северо-запада СССР (конференция по топонимике северо-западной зоны СССР. Тезисы докладов и сообщений). Рига, 1966.

Выпущенный недавно «Словарь названий жителей РСФСР» под ред. А. М. Бабкина (М., 1964) усилил резной, поскольку составители, собрав употребляющиеся в печати словоформы, воздержались от каких бы то ни было оценок материала.

За последнее время в том же языке газетных и журнальных корреспонденций наметилась и другая тенденция: дифференцировать суфф. *-ец, -овец* (*-цы, -овцы*) и *-чанин (-чане)*, предпочитая первый в значении «член коллектива», а второй — в значении «житель»: ср. *кировцы* и *кировчане, кемеровцы* и *кемеровчане, сормовцы* и *сормовчане*. Но эта дифференциация пока что слабо развита, и хотя суфф. *-чанин* — однозначен, а *-ец (-овец)* — многозначен, образования с этими суффиксами употребляются пока что на равных правах. Возможно, именно многозначностью суфф. *-ец, -овец*, которые означают также «член коллектива» и «приверженец», и объясняется все усиливающееся стремление употреблять *-чанин* в значении «житель», хотя в силу специфики собственных имен, не зная, о каком объекте идет речь, нельзя понять ни само название, ни его производные.

Дополнительным доводом в пользу суфф. *-чане* служит простота образования женской формы *-чанка*, в отличие от *-ка* (ед. ж. от *-цы*), которое бывает омонимично названиям различных предметов или звучит, с точки зрения некоторых, пренебрежительно: *Антоново* — *антоновка, Ворон* — *воронка, Половинное* — *половинка, Зерновой* — *зерновка* и т. п. Однако большинство новообразований с суфф. *-чане* создается в журналистской среде и не контролируется на местах, где подобное слово может вообще не употребляться, заменяясь прилагательным: *мы ярославские, гороховецкие, олонецкие* и т. д.

Согласно давней традиции русских географов, картографов, орфоэпистов, правильным произношением и написанием географического названия считается то, которого придерживаются местные жители, тамошние уроженцы. Мы стремимся соблюдать ударение языка-источника даже в названиях зарубежных городов и сел. Так почему же не можем мы правильно называть жителей населенных мест нашей страны?

Существительные со значением «член коллектива» образуются от названий предприятий, учреждений, обществ и т. п.: *автомобилец, скороходец, динамовец, путиловец*. Поскольку в состав названий некоторых предприятий входят географические названия и фамилии, имена этого типа часто совершенно не отличаются от слов со значением «житель» или приверженец: *ивановец* — житель города Иванова и рабочий текстильной фабрики в городе Иванове, *купавинец* — житель Купавны и рабочий Купавинской тонкосуконной мануфактуры, *вахтанговец* — артист театра имени Вахтангова и ученик Вахтангова и последователь его школы; *панфиловец* — боец дивизии имени Панфилова и последователь какого-нибудь другого Панфилова в какой-нибудь другой области.

Еще один тип слов, производных от имен собственных, это — названия вещей, чаще всего одежды. Они образуются с суфф. *-ка*, часто совпадая по форме с существительными, обозначающими жилища: *москвичка* (куртка), *румынки* (ботинки), *финка* (нож), *тальянка* < *итальянка* (гармоника), *шотландка* (ткань), *венгерка*, *тиролька*, *черкеска* (виды мужской одежды), *кубанка* (шапка), *толстовка* (рубаша), *буденновка*, *чапаевка*, *испанка* (шапки), *гуцулка* (рубашка) и т. п.

Итак, наиболее продуктивны следующие суффиксы образования существительных от имен собственных:

Суффикс	Значение	Наиболее продуктивные эквиваленты
<i>-ец, -овец</i>	1) житель	<i>-чанин, -анин (янин)</i>
	2) член коллектива	<i>-ист (-анин, -янин)</i>
	3) приверженец	
	4) изучающий творческое наследие	<i>-ист, -вед</i>
<i>-ист</i>	1) изучающий творческое наследие	<i>-вед, -ец</i>
	2) приверженец	<i>-ец</i>
<i>-анин (-янин)</i>	1) житель	<i>-чанин, -ец, -овец</i>
	2) приверженец	<i>-ист, -ец</i>
<i>-ка</i>	1) женский род от всех типов	
	2) вещь, одежда	
<i>-чанин</i>	1) житель	<i>-анин (-янин), -ец, -овец</i>
<i>-ство -изм</i>	1) учение, идеология, режим	<i>-изм -ство</i>

ПРОИЗВОДНЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ

В отличие от производных существительных, типы которых многообразны, а значения пестры, производные прилагательные обладают большим единством форм и значения, хотя и им свойственна вариативность.

Отметим прежде всего **пр и т я ж а т е л ь н ы е** прилагательные (обозначающие прямую, непосредственную принадлежность данному лицу или, редко, географическому объекту в особых случаях персонификации) и **п р и л а г а т е л ь н ы е**, соотносящие предмет высказывания с данным объектом или субъектом. Первые в современном языке актуальны лишь как слова, образованные от имен личных. Притяжательные прилагательные от фамилий и отчеств — факт языка XVIII—XIX вв. В настоящее время из этой сферы их вытесняют прилагательные относительные, которые в свое широкое общее значение могут включать и более узкое и частное — притяжательность.

От многих личных имен, полных или сокращенных, притяжательные прилагательные образуются довольно легко с суфф. *-ов, -ев, -ин*. Выбор суффикса определяется родом исходного имени и типом его склонения. Притяжательные прилагательные от сокращенных имен употребляются очень широко: *Мишин учебник, Катина* кукла. От полных форм имен личных такие прилагательные со значением притяжательности употребляются редко, в основном лишь от более новых имен, на базе которых нет фамилий: *Новомиров* пиджак, *Владиленов* карандаш, от старых же имен — лишь в устойчивых словосочетаниях: *Петров день, Татьянан день*. В остальных случаях предпочитают употреблять родительный падеж существительного: работа *Григория*, помощник *Петра*, так как притяжательные прилагательные от таких имен совпадают с фамилиями. Чтобы избежать неясности, обычно говорят помощник *Петра*, а не *Петров* помощник, так как это может быть понято как помощник *по фамилии Петров*. В фамилиях же притяжательное значение, бывшее здесь исторически, теряется. Кроме того, притяжательные прилагательные от имен личных, как и от фамилий, часто употребляются в качестве топонимов, теряя свое притяжательное значение: *Петрово, Марфино*.

Относительные прилагательные от имен и фамилий образуются значительно реже (в русском языке), чем от географических названий. Это касается как своих, так и заимствованных антропонимов. Если в немецком языке возможны такие прилагательные, как *Trnkas Verdienst, Darwinische Theorie, Gaußschen Kurve*, то в русском языке предпочитают употреблять родительный падеж существительного: заслуга *Трнки*, теория *Дарвина*, кривые *Гаусса*. Правда, от некоторых фамилий, не содержащих суфф. *-ск*, относительные прилагательные на *-ский* возможны: *репинская* манера писать, *шекспировские* характеры, *пушкинский* вечер, *лермонтовские* чтения, *Бетховенская* симфония, *Скрябинский* этюд, *Смитсоновский* и *Франклинский* институты, *Суворовский* проспект, *Кутузовская* слобода, *Берсенева* набережная, *Усачева* улица. Но: геометрия *Лобачевского*, улица *Грановского, Чайковского*⁷.

Относительные прилагательные от имен личных встречаются в русском языке довольно часто как собственные имена: сёла *Лазоревское, Петровское, Михайловское*. Следует, однако, отметить, что прилагательные, образованные от фамилий, относительные по форме, часто имеют в своем значении оттенок притяжательности. Относительные прилагательные не образуются от фамилий, оканчивающихся на гласные: романы *Дюма*, песни *Глинки*, открытие *Торричелли*. Но от многих подобных имен могут образовываться притяжательные прилагательные: *Глинкин, Торричеллиев*.

⁷ В московском просторечье они превращаются в *Грановка, Чайковка*, но не в *Грановская, Чайковская*, хотя для названий станций метро это самая типичная и ходовая модель: *Двержинская, Маяковская*.

Прилагательные от русских и иноязычных топонимов образуются с помощью форманта *-ский* и его производных *-инский*, *-енский*, *-овский*, *-анский*, *-ийский*, *-ический* и др. Как собственные имена подобные образования могут употребляться в качестве названий районов, областей и т. п., а также в качестве фамилий, становясь в последнем случае существительными, сохраняющими, однако, в склонении особенности прилагательных. Как нарицательные имена эти прилагательные служат в предложении обычными определениями и предикативами. Отметим два прилагательных, образованных от названия местечка *Карст* в Югославии: *Карстовский* район и *карстовые* явления в геологии. Также можно отметить два прилагательных от слова *целина*: *целинный* в нарицательном употреблении и *Целинский* как название района. Ср. также *прованское* масло и *провансальский* трубадур, диалект и т. п.

Разнообразие возможных и допустимых прилагательных от одних и тех же топонимов создает большую избыточность, а значит, предоставляет большой выбор. В результате нередко для одной территории бывает более типично образование по одним моделям, для другой — по другим. Литературному языку свойственны свои модели. Нередко же в него некритически заимствуются модели разных областей, в результате чего получается отсутствие строгих норм. Так, для южнорусских образований почти не имеют значения нормы центральные и северные, согласно которым от названий, оканчивающихся на *-а*, прилагательные образуются с суфф. *-инский* (ср. образование фамилий от эпонимов, оканчивающихся на *-а*). Отсюда южнорусские: *Марфовка* — *марфовский* при подмосковном *Марфино* — *марфинский*, ср. *Мышковский* ерик — лев. приток Донской Царицы, р. *Мышкова* (впадает в Цимлянское водохранилище) и город *Мышкин(о)* на Верхней Волге. Подобным же образом для западных и юго-западных районов характерны прилагательные с суфф. *-анский* вместо *-инский*: *Каспля* — *касплянский*, *Орша* — *оршанский*, хотя литературная норма *касплинский*, *оршинский*.

Оприлагательных от топонимов, как и о названиях жителей, можно говорить в двух планах: что есть и что должно быть, как образованы уже существующие слова и как надо образовывать новые. Следует отметить значительные расхождения между обоими планами. Так, в существующее образование вмешиваются территориальные (диалектные) и временные особенности, то же, что, должно быть, образуется в литературном языке в соответствии с некоторыми наддиалектными моделями. В отдельных же конкретных случаях новообразования могут определяться диалектной базой говорящих.

В результате получается, что судить об истинной форме топонима, исходя из формы прилагательного, очень трудно. Так, прилагательное *пушкинский* может быть образовано и от *Пушкин*, и от *Пушкино*, и от *Пушкинск*, и от *Пушкинское*. Еще сложнее обстоит

дело со старыми традиционными прилагательными, которые соответствуют каким-то иным (по сравнению с современными) формам топонимов: так *московский* сопоставляется не с *Москва* (было бы *москвинский*), а с древней формой названия *Московь* — между прочим, очень четко сохранившейся в англ. *Moscow*, ср. также нем. *Moskau* с типичным переходом славянского *ow* в нем. *au*, представленным в ряде других топонимов: *Ландов* — *Ландау*, *Луков* — *Лукау* и т. д. Поэтому для предшествующего периода следует говорить о параллельных, соответствующих и т. п. прилагательных, а не о прилагательных, «образованных» от данных топонимов. Для современного же периода следует наметить правила образования оттопонимических прилагательных.

Разрыв между существующим и желаемым отмечается в прилагательных от топонимов с основой, оканчивающейся на *к, ц, ч*⁸. Так, практикуется: *Бельцы* — *бельцкий*, *Аустерлиц* — *аустерлицкий*, *Ницца* — *Ниццкий*, *Намцы* — *намский*, ср. также *Дамаск* — *дамасский*, *Сан-Франциско* — *сан-францисский* (Б. Полевой, «Американские дневники»), *Олеско* — *олеский*. Эти разные по своему характеру случаи нельзя подводить под какое бы то ни было общее правило. Здесь приведены факты разных языков, и тем более нельзя переносить на русский язык особенности морфологии других языков.

Прежде всего следует отметить вторичность форманта *-цкий*. Это — *ц + ский, ч + ский, к + ский* — вариант, полученный в результате ассимиляции в русском языке, а следовательно, и применение этого варианта должно быть ограничено русскими словами: *Горицы* — *горичский*, *Бежица* — *бежичский*, *Залеицы* — *залеицкий*, *Котельнич* — *котельничский*. Прилагательное *олеский* образовано не по-русски, поэтому его можно воспринимать как существующий факт, но не как образец. В последние десятилетия наметились новые тенденции, в соответствии с которыми обновляют старинные прилагательные, делая их однозначными соответствиями топонимов, что, в частности, выражается в замене форм с ассимиляциями формами без ассимиляций. Так, прежнее *великолуцкий* становится *великолукский*, *котельничский* — *котельнический*, *кулебацкий* — *кулебакский*. Ср. традиционные *калмыцкий*⁹,

⁸ «Правила русской орфографии и пунктуации». М., 1956, стр. 27; Д. Э. Розенталь. Вопросы русского правописания. М., 1965, стр. 46; Он же. Справочник по правописанию и литературной правке (для работников печати). М., 1967, стр. 42.

⁹ О жизненности этих тенденций свидетельствует, например, такой факт: несмотря на то, что в «Орфографическом словаре русского языка» под ред. С. И. Ожегова и А. Б. Шапиро (М., 1956) дано *калмыцкий*, «Вечерняя Москва» 26 октября 1968 (№ 253) в заметке зоолога Я. Солодухо «Постояльцы Плавнерной» допустила написание: в *калмыцких* степях (кстати, как название географического объекта это слово следовало бы писать с прописной буквы). В «Словаре географических названий СССР» под ред. М. Б. Волостновой (М., 1962) дается *Калмыцкая* Автономная Советская Социалистическая Республика.

словацкий, казацкий. В этом проявляются не только вкусы и стремление избежать былых ассимиляций и уподобить фонемный состав прилагательных существительным, но и стилистические мотивы.

Как отмечал С. И. Ожегов, в период освобождения Великих Лук прилагательное *великолукский* расценивалось даже как белогвардейское, поскольку при немцах там издавалась местная газетка, в заглавие которой входило это прилагательное, что обыгрывалось в нашей прессе как архаизм и противопоставлялось привычному для нас прилагательному *великолужский* ¹⁰.

Прилагательные, образованные от нерусских топонимов, должны сохранять основы в неизменном виде: *Аустерлиц* — *аустерлицский*, *Галац* — *галацкий*, *Ницца* — *ниццкий*, *Биарриц* — *биаррицкий*. Морфологически так же должны рассматриваться прилагательные, соответствующие топонимам с основами на *-ск*. *Буск* (<*Бузск*<*Бужск*) — *бусский*, *баусский*, *дамасский*, *небраскский*, *санфранцискский*. В прилагательных от русских топонимов здесь происходит (по теории Е. А. Земской) н а л о ж е н и е: *Донецк* — *донецкий*, *Курск* — *курский* ¹¹. Сложнее с инославянскими названиями, особенно в тех случаях, где они морфологически и орфографически отличаются от русских, например от топонима *Кролевец* возможно образование *кролевецкий*, но *Бистрица*, очевидно, не *бистрицкий*, а *бистрицкий*, потому что по-русски было бы *Быстрица* — *быстрицкий*. Ср. также новое *баскский* при устаревших вариантах *баскийский* и *басконский*.

Возрастающая тенденция агглютинативности — отсутствие взаимоприспособления морфем на их стыках характеризует вновь образованные прилагательные. Е. А. Земская объясняет эти новые тенденции изменением состава носителей литературного языка, с чем связано и ослабление прежних литературных традиций и устранение традиционных чередований ¹². Это относится и к другому традиционному чередованию: *г/ж*: *Волга* — *волжский*, *Кондопога* — *кондопожский*, *Калуга* — *калужский*. Но уже в некоторых образованиях XIX в. этих чередований не обнаруживается: *Молога* — *мологский*, *Пинюг* — *пинюгский*, *Вичуга* — *вичугский*; то же в образовании XX в. *Пологи* — *пологский* при варианте *пологовский*. Элементу *-ов* принадлежит вспомогательная роль при словообразовании как в случае типа *пологовский*, чтобы избежать формы с чередованием (*положский*), так и в случаях, где при

¹⁰ С. И. Ожегов. Выступление на съезждении, посвященном транскрипции географических названий «Транскрипция географических названий (Труды совещания, состоявшегося 28—31 января 1959 года)». М., 1960, стр. 93.

¹¹ Е. А. Земская. Об одной особенности соединения словообразовательных морфем в русском языке. — ВЯ, 1964, № 2.

¹² Е. А. Земская. Изменения в структуре производного слова в русском литературном языке советской эпохи (материалы Всесоюзной конференции по общему языкознанию). «Основные проблемы эволюции языка», ч. II. Самарканд, 1966, стр. 278.

непосредственном прибавлении *-ский* к основе возникло бы большое стечение согласных: *Девонпорт — девонпортровский, Бабаюрт — бабаюртовский* (при *Чир-юрт — чирьюртский*). В большинстве же случаев элемент *-ов-* оказывается избыточным: *тормосиновский* (Тормосин), *чаяновский* (Чаян), *наримановский* (Нариман), *чекмагушевский* (Чекмагуш), *приозерновский* (Приозерное) и т. д. Иногда избыточное *-ов-* имеет стилистическое значение, передавая пренебрежительность: *голливудовская* продукция, при *голливудская* студия, панорама и т. д.

Если топоним оканчивается на любой мягкий согласный, кроме *л*, в прилагательных согласный меняется на твердый: *Березань — березанский, Булонь — булонский, Оять — оятский*. Исключение допускается для китайских названий, где встречаются очень короткие слова, отличающиеся друг от друга лишь мягкостью и твердостью конечных согласных: *Ан — Ань, Лян — Лянь* и т. п. Здесь мягкость в прилагательном сохраняется: *тайваньский, тяньшаньский*. Возражение вызывает перенесение в русский язык польских прилагательных типа *гданьский, познаньский*. Словообразование — внутреннее дело каждого языка и неверно вводить в него иноязычные, хотя бы и родственные словообразовательные модели. Следовало бы писать *гданский, познанский*.

Обратная картина наблюдается в словах, основа которых оканчивается на *-л*: *Сокол — сокольский, Барнаул — барнаульский, Сарапул — сарапульский*: твердое *л* заменяется мягким, а мягкое сохраняется: *Ставрополь — ставропольский*. Это закономерность русского языка, и Д. К. Зеленин отмечал как ошибку образование *Джамбул — джамбулский*¹³.

Несколько слов о формантах *-ский* и *-ской*. В старину формант *-ской* употреблялся достаточной часто: *тверской, волховской, порховской* и даже *звенигородской*. Вообще в прилагательных обычным было написание *-ой*, ср. старинные фамилии *Грязной, Дикой*, при современных апелятивных прилагательных *грязный, дикий*. На написание *-ский, -ской* безусловное влияние оказывает фонетический момент: *о* подударно, *и* безударно — современные *костромской* и *звенигорбдский*. Однако к фонетике здесь, видимо, примешивается и стилистика, в связи с чем в сознании многих *-ской* ассоциируется с представлением об архаичности. Во всяком случае в настоящее время отмечается резкое сокращение количества прилагательных с формантом *-ской* за счет расширения *-ский*: так, уже встречается форма *чухломский* наряду с прежней *чухломской*, *пóрховский* вместо *порховской*, *лoзбeвский* (Лозовая) вместо *лoзoвскoй*, *узлбeвский* (Узловбе) вместо *узловскoй* и т. д.

Спорно образование прилагательных от названий *pluralia tantum*. Какая должна быть основа в прилагательном, основа

¹³ См.: Д. К. Зеленин [Рец. на справочник]. «СССР. Административно-территориальное деление союзных республик», 1946 г. — ВГО, 1947, т. 79, № 4, стр. 497.

именительного или родительного падежа: *Петушки* — *Петушков* — *петушковский* (традиционное *петушинский* образовано от более старой формы топонима *Петухи*)¹⁴, *Городки* — *Городков* — *городковский*, но *Лиски* — *лискинский*, *Лопатки* — *лопаткинский*, *Химки* — *химкинский* — от основы им. мн. ч. или род. ед. гидронима *Химка*, но не от основы родительного мн. ч., где имеется беглый гласный. Ср. *Крупки* — *крупский*, а не *крупкинский*, но названию *Сланцы* соответствует прилагательное, образованное от основы род. мн. *Сланцев* — *сланцевский*, а от *Грязи* — *Грязей* — *грязевский*, с заменой *й* на *в*. Ср. *Дивичи*, *Дивичей* — *дивичинский*, *Дуванный*, *Дуванного* — *дуваннинский*, а не *дуванновский*, как следовало бы от генитива. Столь же противоречиво образование прилагательных от топонимов единственного числа, имеющих в склонении беглые гласные: *Городок* — *Городка* — *городковский*, но встречается и *городокский* — от основы им. ед.

Следует остановиться на соотношении формантов *-инский* и *-енский*. В предложениях по усовершенствованию русской орфографии высказывалось мнение о том, что это лишь орфографические варианты и что поскольку форма *-енский* должна выступать под ударением, а в ударном положении в русских образованиях его нет, следует унифицировать написание, заменив всюду *-енский* на *-инский*¹⁵. В этом предложении есть рациональное зерно. Но есть и элемент тотализации, чего следует избегать. Отметим прежде всего контаминацию суфф. *-инский* и псевдо *-енский* в прилагательных типа *грозненский*, *гродненский*. Это опять случаи с беглыми гласными, но не очевидные: *Грозный* — *грозен*, *Гродно* — *гроден*, ср. *Дубно* — *дубен*. Старый способ образования прилагательных от топонимов-прилагательных (кратких и полных) требовал вскрытия беглого *е* и прибавления форманта *-ский*: *Гродно* — *гроден-ский*, *Грозный* — *грозен-ский*, *Дубно* — *дубенский*. Новый способ предпочитает формант *-инский*, игнорируя историческое беглое *-е*: *Грозный* — *грознинский*, *Дубно* — *дубнинский*, *Гродно* — *гроднинский*. Таким образом, варианты *дубнинский*, *гродненский*, *грозненский* оказываются не вполне правильными. Ср. правильные *Коломна* — *коломенский*, *Лопасня* — *лопаснинский*.

В настоящее время наметилась особая продуктивность суфф. *-инский*, с помощью которого образуются прилагательные от топонимов, оканчивающихся на *-а*, *-и*, *-ица*, *-уха*, *-ка*, *-о*, *-у* и ряд других топонимобразующих суффиксов или элементов иноязычных слов: *Сочи* — *сочинский*, *Бодайбó* — *бодайб́инский*, *Тольятти* — *тольяттинский*, *Союзное* — *союзнинский*, *Глубо́кое* — *глубо́кинский*, *Грязну́ха* — *грянну́хинский*, *Просто́рное* — *просто́рнинский* (ср. южное *просторнянский*). Суфф. *-инский* можно применять

¹⁴ Изыскание проделано Г. П. Бондарук.

¹⁵ «Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии (XVIII—XX вв.)». М., 1965, стр. 252—255.

для образования прилагательных от названий с основой, оканчивающейся на *-иц*; *Мытищи* — *мытищинский*, *Городище* — *городищинский* и на *-а*: *Гаспра* — *гаспринский*, *Гагра* — *гагринский*, ср. традиционное *Тула* — *тульский*, хотя в Москве есть *Тульская* улица — от фамилии *Туллин*, бывшей одним из псевдонимов В. И. Ленина.

Если *-инский* и *-енский* рассматривать только как орфографические варианты, следует ратовать за скорейшую унификацию написания прилагательных на базе суффикса *-инский*. Пока что дело не идет дальше разноречивых рекомендаций: *Преснинский*, *Мытищенский*, *Пензинский* (правила (1939 г.) и *Пресненский*, *Мытищинский*, *Пензенский* (правила 1956 года) ¹⁶.

В тех случаях, когда возможны форманты *-ский* и *-инский*: *Малорита* — *малоритский* и *малоритинский*, *Гагра* — *гагрский* и *гагринский*, побеждают обычно формы более краткие и менее четкие: *гагрский*, *малоритский* (где не ясна исходная форма топонима).

Прилагательные с суфф. *-енский* свойственны инославянским языкам: *Брно* — *брненский*, *Варна* — *варненский*. Добавим, что *-ен* — суффикс кратких прилагательных в ряде славянских языков, краткие же прилагательные там — категория весьма активная (болгарский язык), что и поддерживает элемент *-ен* в составе форманта *-енский*. Некритический перенос этих чужих, хотя и родственных, образований в русский язык создает новые колебания, создавая даже прилагательные с ударным *-ен*: *брнѐнский*, *чесмѐнский* (*Чесма*).

При образовании некоторых старинных прилагательных отбрасывался суффикс существительного: *Воротынец* — *воротынский*, *Кѣрженец* — *кѣрженский*, *Бабанка* — *бабанский*, *Вилѣйка* — *вилѣйский* и т. п. В настоящее время таких выпадений стремятся избежать.

При образовании прилагательного род топонима имеет существенное значение даже в тех случаях, где он не очевиден. Варианты форманта *-ский* — *-инский* и *-овский* так же естественны в прилагательных, образованных от топонимов женского и мужского родов соответственно, как сами топонимы образуются с помощью суфф. *-ин* или *-ов* от эпонимов женского или мужского рода. Поэтому естественно образование *уздинский*, а не *узденский* (*Узда*), *вербинский*, а не *вербовский* (*Верба*), *выселковский*, а не *выселкинский* (*Выселки* < **Выселок*).

От топонимов-прилагательных, которые могут быть всех трех родов, прилагательные лучше образовывать следующим образом: от названий с суффиксальным *н* — *-инский*: *Верхнее* — *верхнинский*, *Свободный* — *свободнинский*, *Мощный* — *мощнинский*, *Зеленое* — *зеленинский*, *Раздельная* — *раздельнинский*; от названий, оканчи-

¹⁶ «Правила единой орфографии и пунктуации» (проект). М., 1939; «Правила русской орфографии и пунктуации». М., 1956, стр. 18.

вающихся на *-ой, -ый, -ое, -ая, -ье, —-овский*: Толстое — толстовский, Долгий — долговский, Круглое — кругловский; от названий с суффиксальным *в* — *-ский*: Мостовое — мостовский, Узловая — узловский. От притяжательных (или полупритяжательных) названий-прилагательных, оканчивающихся на *-ье, -ья, -ий*, следует образовывать прилагательные на *-евский*: Лебязье — лебязьевский, Медвежье — медвежьевский, Жабье — жабьевский, Волчья — волчьевский, Тюлений — тюленевский; от существительных на *-ье, -ья* — *-инский* и *-ский*: Подберезье — подберезинский, Заболотье — заболотинский и заболотский, Приволье — привольский, Нагорье — нагорский.

Отметим новые агглютинативные тенденции в образовании прилагательных от топонимов, оканчивающихся на одну или несколько гласных, особенно на *у*: Борнео — борнеоский, Тарту — тартуский, Монтевидео — монтевидеоский, Бальбоа — бальбоаский, ср. прежнее перуанский, образованное по западной модели. Из конкурирующих вариантов карасунский, карасуйский, карасуский предпочтение отдается последнему.

Некоторое возражение вызывает форма конголезский и образованная по аналогии тоголезский. Из них первое прилагательное широко употребляется на Западе, связано с гидронимами и этнонимами. Второе не имеет столь длительных и глубоких традиций. Но материал русского языка не представляет и достаточно хорошей замены: тогоский и конгоский, образованные по способу агглютинации, противоречат издавна сложившейся закономерности русского языка: *-ский* не прибавляется к гласному. Но поскольку отступления от этой нормы уже есть, возможно и такое решение проблемы. Недостаточно хороши и варианты тогийский, тогинский, тогский, хотя Ориноко — оринокский, Отранто — отрантский. Ср., однако, удачную замену лаотянский (прилагательное также образовано не по русской модели) — лаосский.

От сложных географических названий прилагательные образуются с теми же суффиксами и по тем же нормам, что и от простых. Они пишутся в одно слово, если исходный топоним представляет собой обычное синтаксическое сочетание прилагательного с существительным: Новая Слобода — Новослободская улица, Лодейное Поле — Лодейнопольский район, Старый Оскол — старооскольский. Прилагательные, образованные от топонимов, состоящих из двух существительных или из существительного и прилагательного, или от заимствованных топонимов, значение частей которых непонятно в русском языке, одно время рекомендовалось писать через дефис: Сыр-Дарья — сыр-дарьинский, Алма-Ата — алматинский, Тянь-Шань — тянь-шаньский, а при наличии приставок — заалмаатинский, приамударьинский¹⁷. Это правило не учи-

¹⁷ См.: В. А. Добрымслов, Д. Э. Розенталь. Трудные вопросы грамматики и правописания. М., 1955, стр. 103.

тывало стремления терминологических слов к однословности. Оттопонимические прилагательные, как и названия жителей, — слова суффиксальные. Суффикс относится к обеим частям слова, первый элемент инкорпорируется, что требует слитного написания обеих частей: *алмаатинский, алмаатинец, кохтлаяревинский, кохтлаяревец, иссыккульский* и т. д. Это принято во внимание в последнем издании справочника Д. Э. Розенталя¹⁸.

Таким образом, при образовании прилагательных от имен собственных наиболее продуктивны следующие суффиксы:

Суффикс	Типы слов
-ский и его производные	1) относительные прилагательные 2) топонимы 3) фамилии
-ов, -ев, -ин	1) притяжательные прилагательные 2) фамилии 3) топонимы 4) этнонимы ед. числа.

В заключение приводим правила, в соответствии с которыми следует образовывать новые прилагательные, и таблицу, регистрирующую существующие в настоящее время типы образования прилагательных от топонимов.

ПРАВИЛА ОБРАЗОВАНИЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ ОТ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

I. С суффиксом *-ский* образуются прилагательные от географических названий, оканчивающихся на:

1) согласный: *Витѣм — витѣмский, Каланчѣк — каланчѣкский, Пѣнюг — пѣнюгский.*

Примечание I. Если конечный согласный мягкий (кроме *л*), мягкость его в прилагательном не сохраняется: *Березѣнь — березѣнский, Вымь — вѣмский*. Исключение допускается для прилагательных от китайских названий: *Ач — ачский, Ань — аньский.*

Примечание II. Если конечный согласный *л* или *ль*, в прилагательном пишется *ль*: *Путѣвьль — путѣвьльский, Оскѣл — оскѣльский.*

Примечание III. В ряде старых традиционных прилагательных от топонимов с основой, оканчивающейся на *г*, этот согласный чередуется с *ж*: *Вѣлга — вѣлжский, Калѣга — калѣжский*, но *Мѣлга — мѣлбский*.

Примечание IV. В ряде старых традиционных прилагательных от топонимов с о новой, оканчивающейся на *к*, этот согласный вместе с суффиксальным *с* дает *ц*: *Кайсѣк + ский — кайсѣцкий, Казѣк + ский — кайсѣцкий.*

Примечание V. Если основа славянского топонима оканчивается на *и*, суффиксальное *с* ассимилируется им: *Вѣнница — вѣнницкий, Вороновѣца — вороновѣцкий, Горобѣц — горобѣцкий*. В иноязычных топонимах ассимиляции не происходит: *Мѣц — мѣцский, Аустерліиц — аустерліицский, Нѣцца — нѣццский.*

Примечание VI. Если топоним оканчивается на *-ск*, *-ский*, *-ская*, *-ское*, *-ские*, при образовании прилагательного происходит наложение обоих *-ск*: *Загѣрск — загѣрский, Калачѣнск — калачѣнский, Тарѣсовская — тарѣсовский.*

(продолжение см. стр. 163).

¹⁸ Д. Э. Розенталь. Справочник по правописанию и литературной правке (для работников печати), стр. 48—49.

ОТТОПОНИМИЧЕСКИЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ (СУЩЕСТВУЮЩАЯ ПРАКТИКА)

Конечный элемент топонима	Суффиксы прилагательного					Особые случаи
	-ск-	-инск-, -енск-	-овск-, -евск-	-анск-, -янск-	-йск-, -ийск-	
Согласный, кроме л (не в литовских)	Витим — витимский Гремяч — гремячский Пфальц — пфальцский Каланчак — каланчакский Энгельс — энгельсский	Ояш — ояшинский	Асбест — асбестовский Днепр — днепровский Кизел — кизеловский Маркс — марковский Ильич — ильичовский Чекмагуш — чекмагушевский Калач — калачовский		Понт — понтийский Олимп — олимпийский	Орёл — орловский Острог — острожский Прованс — провансальский Ям — ямской Кайсак — кайсацкий Глубочек — глубоцкий Терек — терский
Согласный + ъ (кроме л)	Вымь — вымский Березань — березанский Аять — аятский Плоскошь — плоскошский	Ермишь — ермишинский Лодзь — лодзинский Залегощь — залегощенский Керчь — керченский	Локоть — локтевский			Тверь — тверской Жовтень — жовтневый
-л, -ль	Барнаул — барнаульский Бегомль — бегомльский Перемышль — перемышльский					Переславль — переславский Неаполь — неаполитанский Джамбул — джамбульский
Литовские топонимы, оканчивающиеся на -ас, -яс, -ис, -ос	Вабальнинкас — вабальнинский Плявиняс — плявинский Паневежис — паневежский Дусетос — дусетский					

-й	Бурундай — бурундайский Каспий — каспийский Шакяй — шакяйский Буй — буйский		Ишимбай — ишимбаевский Белебей — белебеевский			Лаздияй — лаздийский
-ок	Желудок — желудокский Городок — городокский		Починок — починковский Новогрудок — новогрудковский			Вышний Волочок — вышневолоцкий
-ов, -ев, -ово, -ево, -ова, -ева, -ило, -илиа, -ицна	Балашов — балашовский Дивеево — дивеевский Бабушкин — бабушкинский Буковина — буковинский Сахновщина — сахновщинский		Асино — асиновский			Порхов — порховской
-ск, -ско -цк	Калачинск — калачинский Ангарск — ангарский Буйнакск — буйнакский Перегинско — перегинский Белорецк — белорецкий					Дамаск — дамасский Сан-Франциско — санфранцисский
-ий, -ий, -ая, -ое, -ее, -ые	Бельй — бельский Березнеговатое — березнеговатский Глубокое — глубокий	Завитая — завитинский Глубокий — глубокий Частые — частинский Долгий — долгинский Толстое — толстенский Пречистое — пречистенский	Белое — беловский Бологое — бологовский Горький — горьковский Смелое — смеловский Большая — большовский Гремяче — гремячевский	Круглое — круглянский Долгая — должанский		Подвысокое — подвысоцкий

продолжение

Конечный элемент топонима	Суффиксы прилагательного					Особые случаи
	-ск-	-инск-, -енск-	-овск-, -евск-	-анск- -янск-	-йск-, -ийск-	
-ный, -ной, -ний, -ная, -ное, -ные, -но	Песочный — песоченский Горшечное — горшеченский Заречное — зареченский Дубовно — дубовенский Половинное — половинский	Безымянный — безымянинский Нагорный — нагоринский Дуваный — дуванинский Смольный — смольнинский Красное — краснинский Хвойная — хвойнинский Верхнее — верхненский Грозный — грозненский Домашний — домашненский Предгорное — предгорненский Гродно — гродненский Красное — красненский Спокойная — спокойненский	Спокойный — спокойновский Обозерный — обозерновский Подлесное — подлесновский Рыбное — рыбновский Черная — черновский Рокитно — рокитновский	Раздельная — раздельнянский Плужное — плужнянский Соленое — солянский Ракитное — раkitянский Снежное — снежнянский Головно — головнянский Ракитно — раkitнянский Двуречная — двуречанский	Предгорное — предгорный Кременная — кременской Удобная — удобинский Дубовное — дубовинский	
-овый, -овой, -овая, -овое	Крестовый — крестовский Мостовое — мостовский				Узловая — узловской Хреновое — хреновской	

-а, -я,	Середа — середский Путила — путильский Дагда — дагдский	Свобода — свободинский Ляля — лялинский Навля — навлинский Орда — ординский Инза — инзенский Калитва — калитвенский Узда — узденский Сямжа — сямженский	Верба — вербовский Аллаиха — аллаихозский Глуша — глушевский Герца — герцаевский	Спарта — спартанский Криуша — криушанский Сенча — сенчанский Калга — калганский Каспля — касплянский	Мальта — мальтийский	Кострома — костромской Вологда — вологодский Жолква — жолковский Чигла — чигольский Таврида — таврический Антарктида — антарктический
на, -ня	Бориня — боринский Утена — утенский	Бузовна — бузовнинский Варна — варненский Пресня — пресненский Лобня — лобненский Купавна — купавнинский	Капотня — капотневский	Березна — березнянский Тросна — троснянский Деражня — деражнянский Клетня — клетянский		Коломна — коломенский Устюжна — устюженский
аха, -иха, -уха	Волноваха — волновашский Лепетиха — лепетихский	Поспелиха — поспелихинский Грязнуха — грязнухинский				
-ка, -ко	Бабанка — бабанский Вилейка — вилейский Енотаевка — енотаевский Валка — валкский Бобрка — бобрский Глыбока — глыбокский	Аляска — аляскинский Бырка — быркинский Казачка — казачкинский Серёдка — серёдкинский Белоречка — белореченский Чернушка — чернушевский	Жабинка — жабиновский Елизаветградка — елизаветградковский Казанка — казанковский Ветка — ветковский Берестечко — берестечковский	Африка — африканский Мексика — мексиканский Корсика — кориканский Великая Богачка — великобогачанский	Ханка — ханкайский	Аттика — аттический Арктика — арктический

Конечный элемент топонима	Суффиксы прилагательного					Особые случаи
	-ск-	-инск-, -енск-	-овск-, -евск-	-анск-, -янск-	-йск-, -ийск-,	
-ая, -ея, -ия, -иа, -оя, -ья, -ия, -ий, -е, -ья	Каракая — каракай- ский Пруссия — прусский Кастилия — кастиль- ский Самтредия — самтред- ский Шуя — шуйский Гуляйполе — гуляй- польский Коломыя — коло- мыйский Болонья — болонский Севилья — севиль- ский	Имеретия — имере- тинский Грузия — грузинский Кахетия — кахетин- ский Тюрингия — тюрин- генский Аму-Дарья — аму- дарьинский	Дрокия — дрокиев- ский	Венеция — венециан- ский Каталония — ката- ланский Молдавия — молда- ванский Мантуя — мантуан- ский	Сицилия — сици- лийский Англия — англий- ский Местия — местий- ский	Словакия — словац- кий Генуя — генуэзский Иония — ионический Адриа — адриатиче- ский Франция — француз- ский Далмация — далмат- ский Азия — азиатский
-ье, -ья (рус- ские существ- ительные и притяжа- тельные прилага- тельные)	Вознесенье — возне- сенский Белогорье — бело- горский Лебяжье — лебяж- ский Ущелье — ушельский	Курья — курьинский Подберезье — подбе- резинский Цинья — циньинский Лебяжье — лебяжин- ский Облучье — облучен- ский Гремячье — гремя- ченский Заречье — заречен- ский	Понизовье — понизов- ский Заболотье — забо- лотьевский Лебяжье — лебяжьев- ский Ивьье — ивьевский Волчье — волчевский Нагорье — нагорьев- ский	Приволье — приволь- нянский Щучье — щучанский		Правобережье — пра- вобережный Подмосковье — под- московный Нагорье — нагорный Замоскворечье — за- москворецкий Заболотье — заболоп- кий Староказачье — ста- роказацкий

-е (нескл.)	Ахтме — ахтмеский Добеле — добельский Балдоне — балдон- ский Огре — огрский	Бурлю-тобе — бурлю- тобинский Кермине — керминин- ский Туапсе — туапсин- ский Алуксне — алукснен- ский Мерне — меркенский Улан-Уда — улан- уденский Киквидзе — киквид- зенский	Сколе — сколевский Джапаридзе — джа- паридзевский Махарадзе — маха- радзевский	Вчерайше — вчерай- шанский	Аше-ашейский	
-и, -ы, (ед. нескл.)	Вани — ванский Гали — гальский Вильянци — вильян- дский Бхилаи — бхилай- ский	Атбаши — атбашин- ский Веди — вединский Ильялы — ильялин- ский Ярдаплы — ярдаш- линский			Или-илийский Бари — барий- ский Байрам-Али — байрам-алий- ский	Андаалы — андалал- ский
-о, -э (нескл.)	Цхалтубо — цхал- тубский Ориноно — оринок- ский Мальмэ — мальмский Куопио — куопио- ский	Бодайбо — бодайбин- ский Брно — брненский	Лазо — лазовский		Сагареджо — са- гареджойский Хуло — хулой- ский	Томпо — томпонский Конго — конголез- ский
-о, -е (склон.)	Выгозеро — выгозер- ский Гуляйполе — гуляй- польский		Дно — дновский			
-у-	Тарту — тартуский Актау — актауский Аксу — аксуский Чхороцку — чхороц- куский Аэгвийду — аэгвий- дуский	Баку — бакинский Ахсу — ахсунский Пуучиту — пуучи- тинский		Перу — перуанский	Карасу — кара- суйский Чу — чуйский	Карасу — карасун- ский

Конечный элемент топонима	Суффиксы прилагательного					Особые случаи
	-ск-	-инск-, -енск-	-овск-, -евск-	-анск-, -янск-	-йск-, -ийск-	
-ы, -и	Аулы — аульский Афины — афинский Куты — кутский Гавайи — гавайский Лимбаши — лимбаш- ский	Бреды — брединский Грязи — грязинский Мураши — мурашин- ский Таборы — таборин- ский Вулканешты — вул- канештинский Видзы — вицзенский	Броды — бродовский Дергачи — дергачёв- ский Поныри — поныров- ский Уки — уковский Еласы — еласовский Ключи — ключевский Сараи — сараевский		Альпы — альпий- ский Дельфы — дель- фийский	Печенеги — печенеж- ский Пологи — пологский, положский и поло- говский
-ки	Валуйки — валуй- ский Крупки — крупский Ровсньки — ровень- ский Кулебани — кулебак- ский	Репки — репкинский Рожки — рожкинский Лопатки — лопатин- ский Сростки — сростин- ский	Пестряки — пестря- ковский Ровеньки — ровень- ковский Выселки — выселков- ский Вязники — вязников- ский	Кринички — крини- чанский Пурдошки — пурдо- шанский		Залещики — зале- щичкий Горки — горецкий Лужники — лужнец- кий Соловки — соловец- кий Петушки — петушин- ский Сокольные — соколь- нический Хамовники — хамов- нический

ны, -аны, -ны	Сараны — саранский Кирены — киренский Перемышляны — перемышлянский Гайны — гайнский Ливны — ливенский Лубны — лубенский	Сейны — сейнинский Челны — челнинский Ергени — ергенинский Сарны — сарненский	Сарманы — сармановский		
-цы	Букачевцы — букачевский Намцы — намский Дунаевцы — дунаевский Бельцы — бельцкий Бронницы — бронницкий Вашковцы — вашковецкий Подгайцы — подгаецкий	Старые Зятцы — старозятчинский	Столбцы — столбцовский Близнецы — близнецовский Клинцы — клинцовский Большовцы — большовцевский Сланцы — сланцевский		Пестрепы — пестречинский Плещеницы — плещеницкий Волковинцы — волковинский
-ичи	Бобровичи — бобровичский Смолевичи — смолевичский Славковичи — славковский	Дивичи — дивичинский	Оричи — оричевский Иваничи — иваничевский		
-ищи, -ища -ище		Мытищи — мытищинский Городище — городищенский	Стрелища — стрелищанский Ставище — ставищанский		

2) -а (-я), которое воспринимается как окончание и при образовании прилагательного опускается: *Ангара́ — анга́рский, Веро́на — веро́нский, Курба́ — ку́рбский, Ббри́ня — бб́ринский;*

3) -и, -ы, которые при образовании прилагательного отбрасываются: *Кулеба́ки — кулеба́кский, Ва́ни — ва́нский, Кусарё́ — куса́рский;*

4) -ов(о), -ев(о), -ов(к)а, -ев(к)а, -ин(о), -щина, -ина: *Антро́пово — антро́повский, Ти́шкова — ти́шковский, Бала́ше — бала́шевский, Бабу́шкин — бабу́шкинский, Буковина́ — буковинский, Ду́ховщина — ду́ховщинский;*

5) -ой, -ей, -аев(ка), -еев(ка), -аи, -ай(и), -ий, -яй, -ея, -уя, -оя, -ия, -ья: *Бажиса́рай — бажиса́райский, Ша́кяй — ша́кяйский, Ка́спий — каспи́йский; Гава́йи — гава́йский, Бхила́и — бхила́йский, Легоста́ево — легоста́евский, Курма́нэево — курма́нэевский, Бе́я — бе́йский, Ве́рей — ве́рейский, Шу́я — шу́йский, Ча́я — ча́йский, Евпа́трия — ева́торийский, Коло́мья — коло́мыйский;*

6) -вой, -вое, -вая, -вые: *Ело́вое — ело́вский, Мелове́ — мелове́ский, Мб́овое — мб́овский, Вербо́е — вербо́вский.*

Примечание. Если в топониме ударение на конце, прилагательное образуется с суфф. -ско́: *Лугова́я — лугова́ский, Лугово́я — луговоско́й, Хрено́ве — хреновско́й;*

7) -ны: *Богородча́ны — богородча́нский, Велижа́ны — велижа́нский, Глина́ны — глина́нский, Перемышля́ны — перемышля́нский, Сара́ны — сара́нский.*

Примечание. Эту словообразовательную модель не следует переносить на названия единственного числа, оканчивающиеся на -но, -на, -ня, -ный: *Ию́ня — ию́нинский, а не ию́нянский, Тросна́ — тросни́нский, а не тросня́нский, Го́ловно — головни́нский, а не воловня́нский;*

8) гласные и диграфы (в иноязычных словах): *Чзорбу́ку — чзорбу́кский, Монтевидео́ — монтевидео́ский, Ажу́ — ажу́ский, Бильба́о — бильба́оский.*

II. С суффиксом -инский, образуются прилагательные:

1) от топонимов, русских и иноязычных, оканчивающихся на -а, -я, -ы, -й, -у, -б, -ё, которые отбрасываются: *Актафа́ — актафа́йский, Атаба́ш — атаба́шинский, Илья́ль — илья́льинский, Ку́рья — ку́рийский, Баку́ — баки́нский, Тетю́хэ — тетю́жинский, Бодайба́ — бодайба́йский;*

2) от некоторых топонимов, оканчивающихся на -а, -я, -ы, -и, -иза, -уха, -ья, -ия, -ици: *Ббра́я — бб́раинский, Ибра́си — ибра́синский, Кбра́ — кбра́инский, Поспе́лиха — посспе́лихинский, Грязну́ха — грязну́жинский, Имере́тия — имере́тинский, Ку́нья — ку́ньинский, Мыти́цы — мыти́цинский.*

Примечание I. Образованные от подобных же названий прилагательные с формантами -енский и -овский следует постепенно заменить на прилагательные с формантом -инский: *Пе́нза — пе́нзенский — пе́нзинский, Са́йма — са́йменский — са́йминский, Узде́ — узде́нский — узди́нский, Ве́рба — ве́рбовский — ве́рбинский, Алла́йха — алла́йховский — алла́йхинский.*

Примечание II. В южных и западных районах существует словообразование: *Иля́ — иля́нский, Корба́ — короба́нский, Кала́д — кала́йский, Мерфе́а — мерфе́йский, Теребва́я — теребва́йский, Шко́ла — шко́лянский, Ориа́ — ориа́йский, Шу́че — шу́чинский, Стрели́ца — стрели́цинский.* В русском литературном языке эти прилагательные заменяются регулярными: *и́льинский, коро́чинский, кала́йский, мерфе́йский, теребва́йский, шко́линский, шу́чинский, стрели́цинский, бри́нский;*

3) от топонимов-прилагательных с основой на -н, которому предшествует согласный: *Болбо́тное — болбо́тнинский, Дува́нный — дува́ннинский, Смо́льный — смо́льнинский, Хво́йная — хво́йнинский, Кра́сное — кра́синский.*

Примечание I. Некоторые старинные русские прилагательные образуются с суфф. -ск-ий, добавленным к основе, в состав которой входит беглый гласный, отсутствующий в им. ед.: *Заре́чное — заре́ченский, Песочный — песоченский.*

Примечание II. В юго-западных районах от них образуются прилагательные с формантами -анский, -янский. В литературном языке они заменяются на -инский. *Заре́чное — не заре́чанский, а заре́чинский, Плужное не плужа́йский, а плужинский, Сне́жное — не снежа́йский, а снежинский;*

4) от некоторых топонимов-прилагательных, образованных без суффиксального *н*: *Глубокй*— *глубокийский*, *Частьс*— *частинский*.

Примечание. Юго-западные прилагательные типа *круглянский* (*Круглое*): *должанский* (*Долгий*) в литературном языке заменяются прилагательными с суфф. *-инский*: *круглянский*, *должинский*;

5) от топонимов единственного и множественного числа женского рода, содержащих суфф. *-ж*: *Лопатки*— *лопаткинский*, *Рёпки* — *рёпкинский*, *Бырка*— *быркинский*, *Серёдка*— *серёдкинский*.

Примечание. Ряд более старых прилагательных образуется с помощью суфф. *-ский* (с выпадением *-ка*, *-ки*): *Валуйки* — *валуйский*, *Березёйка* — *березёйский*, *Ильинка* — *ильинский*;

6) от некоторых односложных топонимов женского рода, оканчивающихся на мягкий согласный или на шипящий + *ь*: *Лодзь*— *лодзинский*.

Примечание I. Образования на *-енский*: *Керчь* — *керчинский* могут быть сведены к модели на *-инский*: *керчинский*.

Примечание II. От двусложных и более длинных топонимов прилагательные образуются с суфф. *-ск-ий*: *Плоскошь* — *плоскошский*, *Россошь* — *россошский* (ср. юго-западное *россошанский*), *Сибирь* — *сибирский*.

Примечание III. От названий мужского рода, оканчивающихся на мягкий согласный, прилагательные образуются с суфф. *-ск-ий*: *Монреаль* — *монреальский*. Если же в основе топонима имеется беглый гласный, прилагательное образуется с формантом *-евский*: *Локоть* — *Локтя* — *локтевский*, *Жбетень* — *Жбетня* — *жбетневский*, *Плетень* — *плетня* — *плетневский*.

III. С формантом *-енский* образуются прилагательные от ограниченного числа русских и инославянских топонимов:

1) от названий, которые исторически были прилагательными с суфф. *-ен*, *-на*: *Варна*— *варненский*, *Брно* — *брненский*, *Грбно*— *грбденский*, *Прёсна*— *прёсненский*;

Примечание. Прилагательные от некоторых названий этого типа постепенно перестраиваются по общей модели на *-инский*: *Сходня* — *сходнинский*, *Дубн* — *дубнинский*, *Подгбрное* — *подгорнинский*;

2) от названий, оканчивающихся на *-ье*: *Зарёчье*— *зарёченский*, *Облужье*— *облуженский*, *Гремячье*— *гремяченский*.

Примечание. Прилагательные от более новых названий, а также от названий, производных от данного типа, образуются по общему правилу с формантом *-инский*: *Предгбрное* — *предгбрнинский*, *Зарёчное* — *зарёчинский*, *Подберезье* — *подберезинский*;

3) от некоторых топонимов, оканчивающихся на *-е*, *-э*: *Меркё*— *меркёнский*, *Фрўнзе* — *фрўзенский*, *Киквидзе* — *киквидзенский*.

Примечание. В связи с тем, что от подобных же названий прилагательные образуются по другим моделям: *Тетюхё* — *тетюхинский*, перечисленные прилагательные могут быть заменены на *киквидзинский*, *меркинский* и т. д.

IV. С суффиксом *-овский* образуются прилагательные:

1) от топонимов-прилагательных, оканчивающихся на *-ий*, *-ое*, *-ное*: *Бологбе*— *бологбевский*, *Дбброе*— *дббровский*, *Дрожжанбе*— *дрожжановский*, *Ширёкое*— *ширёковский*, *Гбрький* — *гбрьковский*, *Тблстое*— *тблстовский*;

2) от некоторых топонимов, оканчивающихся на *-о*, *-но*: *Берестёчко*— *берестёчковский*, *Дно*— *дноовский*, *Дубно*— *дубновский*, *Лазб*— *лазбевский*, *Терёмно*— *терёмновский*;

3) от некоторых топонимов, оканчивающихся на согласные, где при образовании с суфф. *-ский* было бы большое стечение согласных: *Асбёст* — *асбёстовский*, *Маркс* — *марксовский*.

Примечание. В ряде случаев, где *-ов* избыточно, следует образовывать прилагательные по общему правилу на *-ский*: *Еласы* — *еласский*, а не *еласовский*.

4) от некоторых топонимов с окончательным ударением в парадигме: *Днепр*— *Днепр*а— *днепрбевский*, *Ильч*— *Ильч*а— *ильчбевский*, *Орёл* — *Орёл*а—*ор-*

лрѣсѣй, Калач—калача—калачѣвскій, Дергачѣй—Дергачѣй—дергачѣвскій, Клинецѣй—Клинецѣв—клинецѣвскій, Столбѣй—Столбѣв—столбѣвскій;

5) от названий с суфф. -ок, -ки (с беглым о) от основы родительного падежа единственного и множественного числа: Почѣнок—Почѣнка—почѣнковскій, Сапожѣк—Сапожѣка—сапожѣкскій, Городѣк—Городѣка, городѣкскій, Желудѣк—Желудѣка—желудѣкскій; Вязѣники—Вязѣников—вязѣниковскій, Ровеньѣй—Ровеньѣв—ровеньѣвскій, Вѣлки—Вѣлков—вѣлковскій, Вѣселѣки—Вѣселѣков—вѣселѣковскій.

V. С суффиксом -евскій образуются прилагательные:

1) от топонимов существительных и прилагательных, оканчивающихся на -ѣе, -ѣе: Белогѣрье—белогѣрьевскій, Зѣболѣтье—зѣболѣтьевскій, Жѣбѣе—жѣбѣевскій, Лѣбяжѣе—Лѣбяжѣевскій, Гремѣѣе—грѣмѣѣевскій.

Примечание. Некоторые старинные прилагательные образуются с суфф. -скій (-цкій): Белогѣрье—белогѣрьскій, Зѣболѣтье—зѣболѣцкій, Понизѣвѣе—понизѣвскій;

2) от грузинских топонимов, оканчивающихся на -дзе: Джапарѣдзе—джапарѣдзевскій, Мазарѣдзе—мазарѣдзевскій.

Примечание. Традиционные Кикѣидзе—кикѣидзенскій, Фрунзе—фрунзенскій могут быть присоединены к этой модели;

3) от топонимов множественного числа с основой, оканчивающейся на шипящие, *ѣ* и *ц* (от основы родительного падежа мн. числа): Большѣвѣцѣ—большѣвѣцѣвскій, Слѣнѣцѣ—Слѣнѣцев—слѣнѣцевскій; Оѣричѣ—Оѣричей—оѣричѣевскій, Ивѣничѣ—Ивѣничѣй—ивѣничѣевскій, Ключѣй—Ключѣй—ключѣевскій, Сарѣи—Сарѣев—сарѣевскій.

Примечание. В этот тип ошибочно попали образования дрокуевскій (Дрокуя), герцаевскій (Герца), капотневскій (Капотня), чекмагушевскій (Чекмагуш), глушевскій (Глуша), белебевскій (Белебѣй), ишимбаевскій (Ишимбай). Следует: дрокуѣевскій, герцинскій, капотнинскій, чекмагушскій, глушинскій, белебѣевскій, ишимбайскій.

VI. С суффиксом -анскій образуются прилагательные от некоторых зарубежных топонимов (через посредство западного прилагательного с элементом -ан): Африка—африкѣанскій, Корсика—корсикѣанскій, Спѣрта—спартѣанскій, Пѣру—перуѣанскій, Венѣция—венециѣанскій и т. п.

Примечание. Существующие в юго-западных областях образования на -анскій от топонимов женского рода и от топонимов — прилагательных: Россѣи — россѣиѣанскій, Круглѣе — круглѣанскій, Солѣное — солѣнскій, Троснѣ — троснѣанскій, Шучѣе — шучѣанскій, Криѣничѣки — криѣничѣанскій и т. п. в литературном языке заменяются соответствующими образованиями на -скій, -инскій, -овскій: россѣиѣевскій, круглѣевскій, солѣновскій, троснѣевскій, шучѣевскій и т. п.

VII. С формантом -ѣскій (-ѣевскій) образуются традиционные прилагательные:

1) от некоторых топонимов, оканчивающихся на -а, -ѣя, -ѣа, -ѣи, -ѣи, -ѣу, -о: Мѣльта — мѣльтѣевскій, Мѣстѣа — мѣстѣевскій, Чу—чѣевскій, Хѣло—хѣловскій, Алѣпы — алѣпѣевскій, Бѣри — бѣрѣевскій, Алѣмерѣя — алѣмерѣевскій, Илѣи — илѣевскій, Марѣи — марѣевскій, Ашѣ — ашѣевскій.

Примечание I. Круг этих традиционных нестандартных образований может быть сокращен за счет подведения редких слов под более регулярные правила: Ханка — ханкаѣевскій — ханкинскій, Ашѣ — ашѣевскій — ашинскій, Карасѣу — карасѣевскій — карасѣевскій, Сагарѣджѣо—Сагарѣджѣевскій — сагарѣджѣевскій.

Примечание II. От нескольких названий образуются традиционные прилагательные с формантом -ѣевскій: Арктика — арктѣевскій, Ионѣя — ионѣевскій, Таврѣида — таврѣевскій, Соколѣники — соколѣевскій.

2) от некоторых античных названий, оканчивающихся на согласный: Понт — понтѣевскій, Олимп — олимпѣевскій.

ГЛАВА V

ВАРЬИРОВАНИЕ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН

В предыдущих главах говорилось о том, что многие собственные имена живут в вариантах (*Анастасія, Настасья, Настасія, Нас́тя, 'Ася; Чернівці, Чернэуць, Черновітц, Черновіцы, Черновцѣ*) и что у многих субъектов и объектов, наряду с официально принятыми формами имен, есть и неофициальная (народная, разговорная, семейная и т. п.) и, если необходимым условием существования последней является варьирование, то, наоборот, официально записанная форма не терпит варьирования.

Предпосылки варьирования заложены как в самом характере собственных имен (их более слабая, чем у апеллятивов, связь с понятием), так и в возможностях языка (различные способы выражения одних и тех же фактов, явлений, отношений).

По мнению Ю. А. Карпенко¹, варианты собственных имен в известной мере подобны вариантам фонем, каждый из которых приближается к ее «основному виду», но ни один не есть точная копия. Сравнение это поддерживается тем, что нередко различные варианты имени порождаются одним исходным, который мог и не сохраниться до наших дней. Для того чтобы варьировать, имя должно активно употребляться в языке и быть достаточно известным большинству членов данного языкового коллектива.

За пределами сферы известности непринужденные варианты уступают место сознательному воздействию нормализации. Число вариантов имени определяется степенью его освоенности и частотностью его употребления данным языковым коллективом. Возможны одновременные и разновременные, стилистические и ситуативные варианты одних и тех же имен, варианты, существующие в одном и том же и в разных языковых коллективах, внутридиалектные и представленные в разных диалектах, а также литературные и официальные варианты, варианты, возникшие в данном языке и заимствованные.

¹ Впервые Ю. А. Карпенко сформулировал это положение на I Всесоюзной конференции по ономастике (Ленинград, январь 1965 г.).

Варьирование заимствованных собственных имен аналогично варьированию заимствованных нарицательных. Однако чуждые языку-приемнику элементы иноязычных нарицательных скорее морфологизируются, в собственных же именах они дольше сохраняют иностранный облик ².

Возможность передавать различным образом они и те же факты иноязычной фонетики и орфографии средствами языка-приемника приводит к различным вариантам написания и произношения одних и тех же слов, а следовательно, и к тому, что, в них отражается разный фонемный состав. При образовании новых вариантов слов изменения могут исходить как от нового произношения, так и от изменившегося написания. В X в. было заимствовано в русский язык в составе византийского именослова имя *Флор*, которое в результате длительного употребления в русском языке получило форму *Фрол* (метатеза), и происшедшее изменение было зафиксировано на письме. Церковное имя *Дамиан* превратилось в народном употреблении в *Демьян*. Новый звуковой облик получил новую орфограмму. Во всех указанных случаях изменение происходило от звучания через фонематическую переоценку к новому написанию.

Иначе обстоит дело с новыми заимствованиями, проникающими в язык письменным путем. Есть у Диккенса герой «Пикквикского клуба» Тирпан, имя которого в различных переводах писалось как *Тапман*, *Тэпман*, *Тупман*, *Топман* и т. д. Во многих вариантах выступала в русских переводах и фамилия *Galsworthy Голсуорси*, *Гэлсворти*, *Галсворти* и т. д.

Можно выделить орфографические варианты, не влияющие на произношение имен; фонетические (орфоэпические, акцентологические) варианты при том же или варьирующем написании, но с тем же самым составом фонем; фонологические варианты, обязательно сопровождающиеся варьированием написания и произношения, но с сохранением того же морфемного состава, хотя отдельные морфемы при этом могут выступать в различных вариантах (алломорфах); морфологические варианты, в которых одна и та же основа оформляется различным образом, соответствуя разным словообразовательным моделям; синтаксические варианты, при которых по-разному оформляется имя-конструкция, состоящая из нескольких слов; и, наконец, лексические варианты, представляющие

² О варьировании нарицательных см.: А. И. Смирницкий. Лексическое и грамматическое в слове. «Вопросы грамматического строя». М., 1955; О. С. Ахманова. О фонетических и морфологических вариантах слова. «Акад. В. В. Виноградову к его шестидесятилетию». М., 1956, стр. 42—59; Она же. Очерки по общей и русской лексикологии. М., 1957.— Примеры варьирования собственных имен в историческом плане см.: А. Л. Сахаров. Географические и политические наименования в языке русской рукописной газеты 1621 года. «Уч. зап. МГПИ им. В. И. Ленина», 1967, № 264. Вопросы лексики и грамматики русского языка.

собой разные характеристики субъекта или объекта, основанные на его различных свойствах, но обязательно связанные с одним и тем же денотатом. Корневая общность необходима для всех вариантов, кроме лексических, связь которых друг с другом основывается на запоминании.

ОРФОГРАФИЧЕСКОЕ ВАРИИРОВАНИЕ

К орфографическим вариантам имен относятся такие, которые не влияют на произношение и ничего не меняют в фонемном и морфемном составе слов.

Орфографическое варьирование свойственно как заимствованным именам, так и именам данного языка. В последнем случае оно обычно отмечается там, где имели место орфографические реформы. Из-за выборочного действия их одинаково произносящиеся фамилии одних лиц могли им подчиниться, а другие — нет. Например, шведск. старое *Silfver* и новое *Silver*³. Это варьирование не касается словообразовательных элементов и происходит внутри одной (корневой) морфемы. При написании англ. *Reilly* и *Reilley* варьирование происходит внутри суффиксальной морфемы и также не меняет строения слова. В вариантах *Leicester* и *Lester*, произносящихся одинаково, происходит, однако, стирание внутренней формы, а вместе с ней исчезает и исторически засвидетельствованное морфологическое строение *Lei + cester* > *Lest + er*. Произошло переразложение и опрощение; слово из сложного стало производным. Такое варьирование уже нельзя считать чисто орфографическим. Оно одновременно и морфологическое, отражающее изменившееся восприятие слова, хотя фонематически и фонетически варианты *Leicester* и *Lester* не различаются.

При большом количестве омонимов английская традиционная орфография приобретает несколько идеографическое значение, и можно даже говорить о двух различных нормах написания и произношения: общей, свойственной нарицательным и отдельным собственным именам, и частной, свойственной преимущественно собственным именам. Разные написания фамилий *Ли* (*Lee* и *Leigh*), *Берч* (*Birch* и *Burch*) и других — результат вторичного фонетического сближения этимологически разных слов. Орфографическими вариантами они могут быть названы лишь условно.

При написании русских фамилий некоторым организующим началом служат имена нарицательные, с которыми собственные имена связаны своими корнями, хотя для современного языка *веревка* и *Верева* всего лишь омонимы.

Определение орфографии собственных имен орфографией нарицательных типичнее всего для XX в., когда во многих странах

³ Многочисленные примеры подобных варьирований см.: А. В. Супе-
р а н с к а я. Имена собственные в чужой языковой среде. «Топонимастика
и транскрипция». М., 1964, стр. 39—41.

произошла регламентация орфографии последних. В памятниках XIV—XVI вв., не говоря уже о более ранних, встречаются очень разнообразные написания не только собственных, но и нарицательных имен, связанные главным образом с особенностями диалекта пишущего: *корова* — *карова*, *оладья* — *аладья*, *Олена* — *Алена* и т. д. Это повлияло и на написание фамилий. Ср. варианты *Салавьев* и *Соловьев*, *Оленин* и *Аленин*, *Оладын* и *Аладын*. Подобные написания сохранились до настоящего времени, хотя написание подавляющего большинства собственных имен подверглось унификации в соответствии с принятой для нарицательных имен орфографией литературного языка. Это в меньшей степени коснулось языков с этимологическим написанием, где одинаково произносящиеся слова и собственные имена могут иметь разное написание и происхождение.

Максимум орфографических варьирований для собственных имен русского языка дают непарно-твердые и непарно-мягкие согласные. Особенно это относится к шипящим и *ц*. Ср. закономерные *Торопцов*, *Огольцов*, *Таманцев*, *Первенцев*, *Владимирцев* и окказиональные *Торопцев*, *Огольцев*, *Таманцов*, *Первенцов*, *Владимирцов*. Немалочисленны также орфографические варьирования типа *Ткачев* — *Ткачов*, *Вышний Волочек* — *Вышний Волочок*, *Гошев* — *Гошов*, *Борцов* — *Борцев*, *Рыжов* — *Рыжев*. Ср. также прежние *Цыльма*, *Цымлянск(ая)*, замененные в словарях М. Б. Волостновой на *Цильма*, *Цимлянск(ое)*.

Привычка к написаниям *речь*, *дочь* создает колебания в заимствованных топонимах: *Карач* — *Карачь*, *Ардыч-кая* — *Ардычь-кая*, где *ь* вовсе не нужен графически, но морфологически иногда значим.

Варианты *Лисицын* и *Лисицин*, фонетически и фонематически одинаковые, отличаются написанием суффиксальной морфемы, что в данном случае морфологически значимо. Поскольку современная норма написания *ц* + *ын*, вариант *Лисицин* сближает русскую фамилию с иноязычными онама типа *Бэйцзин*, *Тайцин*, *Хуцин*, *Хэцин*, *Чунцин* и нарицательным *капуцин*.

Иногда орфографические варианты отличаются друг от друга еще и акцентологически: *Грошев* — *Грошбв*, *Кушцев* — *Кушбв*, но значительно чаще написание *о* или *е* в аффиксальной морфеме по традиции сохраняется в фамилиях тех или иных семей как отражение старинного написания и на акцент не влияет.

С другой стороны, акцентологические варьирования возможны и без варьирований орфографических: *Дубов* — *Дуббв*, *Гблов* — *Голбв*, *Кбрнев* — *Корнбв*, *Кбрнев* — *Коренбв*, *Тбкарев* — *Токарбв*, *Кбшелев* — *Кошелбв*, *Кбнев* — *Конбв*, *Гблев* — *Голбв*⁴ — фонетические варианты.

Особенно много орфографических вариантов возникает при

⁴ Имеется в виду написание, при котором не обозначается *ѣ*.

заимствовании иноязычных собственных имен, поскольку одни и те же факты иноязычной фонетики и орфографии могут быть по-разному переданы средствами заимствующего языка. При этом может быть две ориентации: 1) на написание имени в языке-источнике, 2) на произношение его в исходном языке. Следствием такого различия являются два возможных способа передачи иноязычных собственных имен: транслитерация и практическая транскрипция⁵. В западных странах, пользующихся латиницей, первостепенное значение принимает транслитерация, в странах, пользующихся кириллической азбукой и иными системами письма, предпочтение отдается практической транскрипции, сочетающей в себе близость к орфографии источника и к произношению оригинала.

При столкновении двух тенденций (а это, отмечалось, например, в России в XIX в.) возникают многочисленные транскрипционные варианты собственных имен, находящиеся в различных соотношениях друг с другом и с исходной (иноязычной) формой. Среди них есть и не чисто орфографические, а связанные с фонетикой, фонематикой, морфологией.

В качестве чисто орфографических вариантов, повторяющих написание языка-источника, отметим нем. Schmit, Schmitt, Schmid, Schmidt или в русской передаче: *Шмит*, *Шмитт*, *Шмид* и *Шмидт*. Все они произносятся в литературном языке одинаково, и орфографическое варьирование в них не связано с морфологией или словообразованием. Ср. польск. Siekewicz и английскую передачу его фамилии Siekewitz, англо-немецкие транслитерационные варианты: Schuster и Shuster, европейские варианты китайского имени *Фын*: Fong, Fung, Fèng. Немецкие орфографические варианты фамилии *Майер* — Maier, Mayer, Meier, Meyer, Mair, Meir, Maug, Meug (хотя юридически, как об этом писал Н. В. Юшманов, это могут быть разные фамилии) дают в русском языке не только орфографические, но и фонетико-фонологические варианты *Майер*, *Мейер*, *Майр*, *Мейр* (последние два транслитерационного типа, поскольку по-немецки они также произносятся *Майер*). Английские орфографические варианты транскрипции индийской фамилии *Чаудхури*: Choudhury, Chowdhury, Chaudhury также отразились в русской передаче, дав фонетико-фонологические варианты *Чаудхури* и *Чоудхури*.

Орфографические варианты, иногда выходящие за пределы того понимания, которое здесь вкладывается в них, получаются при заимствовании в русский язык и нарицательных, и собственных имен с начальным *j* перед гласным (особенно перед *o*): *Иокан-*

⁵ О транслитерации и практической транскрипции см.: А. А. Рефо-
матский. Транслитерация русских текстов латинскими буквами. — ВЯ,
1960, № 5; О н же. Практическая транскрипция иноязычных собственных
имен. — Изв. ОЛЯ, 1960, № 6; А. В. Суперанская. Лингвистические
основы практической транскрипции имен собственных (канд. дисс.) М., 1958;
О н а же. Заимствование слов и практическая транскрипция. М., 1962.

га — Йоканга, Ионава — Йонава, Иори — Йори, Иена — Йена, иод — йод, ион — йон.

К орфографическим вариантам можно отнести также *Припятъ* (М.Б. Волостнова) и *Припеть* (И. И. Огиенко), ср. современное *ветчина* и устаревшее *вятчина*.

Многочисленные случаи варьирования слитного, раздельного и дефисного написания типа *Салехард* при *Хосада-хард*, *Мир-Башир* при *Миргалимсай*, *Иван-город* и *Ивангород*, *Каракум* (*пески*, *Китай* и СССР), *Каракумы* (большая пустыня южнее Аральского моря), *Кара-Кум* (город в Прибалхашье), помимо орфографического значения, имеют и фонетическое, так как способствуют акцентологическому варьированию, произнесению слова с одним или двумя ударениями. В связи с тенденцией собственных имен к однословности при наличии колебаний следует предпочитать слитное написание, тем самым ликвидируя и фонетическое, и орфографическое варьирование.

ФОНЕТИЧЕСКОЕ ВАРИИРОВАНИЕ

Фонетические варьирования собственных имен могут отражаться или не отражаться на письме. Варьирование произношения не выходит за рамки фонем данного языка и может быть отражением двух, похожих с точки зрения представителей заимствующего языка, фонем языка-источника: тюркские *ك* и *ق* в русском языке передаются все тем же *к*, при этом следующий за *к* гласный не всегда дает указание на мягкость или твердость (палатальность или веларность) его. Варьирование может быть также следствием реализации разных возможностей произнесения одного и того же слова. Возможны также варьирования, получающиеся в результате сопоставления произнесения одних и тех же собственных имен в литературном языке и диалектах или в нескольких диалектах одного и того же языка. При этом иногда расхождения могут быть фонетически весьма значительными. Например, в египетском варианте арабского языка звук [г] соответствует классическому арабскому [дж] — на письме та же буква *ج*. Поскольку соответствие это строго проходит «по всему фронту», ничего не меняя в структуре слов, оно относится лишь к фонетическим, связанным со способом произнесения, а не фонематическим. Отсюда варианты имен: *Гамаль* — *Джамаль* и апелятивов *аль-габр* — *аль-джабр*,

Фонетическая система каждого языка настолько индивидуальна, что людям, привыкшим к одному какому-либо (своему) произношению, очень трудно в точности воспроизводить произношение другого языка. Поэтому каждый народ иностранные слова произносит на свой лад с той или иной степенью приближения к оригиналу, и когда кто-нибудь стремится в родной речи произнести иностранное имя со всей спецификой иностранного произношения, это выглядит странно. Если так будут произноситься многие заимст-

вованные слова, это расшатывает основу произносительной системы родного языка, в которой не будет так отчетливо выделяться свое и чужое, к тому же для такого «точного» иностранного произношения каждого слова необходимо каждый раз каждого человека учить особенности иностранного произношения. А этого-то и не надо делать, потому что, заимствуясь, иностранные слова, становятся словами данного языка, входя в его систему и подчиняясь ей. И все же в результате этого, например, в русском языке сложились две орфоэпические системы: одна для слов исконно русских и обрусевших, другая для заимствованных: без редукции безударных гласных, без смягчения согласных перед *е*, без ассимилятивного смягчения согласных и т. п. Сравните произношение *отец* и *Отелло*. Наметившаяся у нынешнего молодого поколения говорящих по-русски людей тенденция произносить без ассимилятивного смягчения исконно русские слова, если не вызвана, то в значительной степени поддерживается этой второй орфоэпической нормой.

То же можно сказать о русских акцентологических нормах. Хотя и существует точка зрения, что русское ударение разноместно и что можно найти слова с ударением на любом слоге от начала и от конца (до семи включительно), все-таки преобладает в русском языке ударение на одном из трех последних слогов. Именно поэтому, а не из подражания французским или польским образцам, перестраивали в русском языке свое ударение многие заимствованные германские, венгерские, финские слова и имена собственные. Именно поэтому так неестественно звучат принятые теперь на радио ударения: *Кюккала*, *Лавассааре*, *Лээварден*, *Лилларде* и т. п., отстоящие на четыре и далее слога от конца. Значительное количество заимствованных слов и имен собственных долгое время испытывало, а многие и сейчас испытывают колебания в ударении лишь из-за стремления у определенного слоя говорящих произносить их в соответствии с ударением оригинала, вопреки тенденциям русского языка.

Аналогичные явления отмечаются и в грамматике. Из боязни нарушить, исказить иностранное целые категории существительных были объявлены несклоняемыми, даже если их окончания могли бы сделать эти слова склоняемыми. Наоборот, народные попытки склонять такие слова, как *пальто* или *депо*, осуждались как некультурные, неграмотные. В результате сложились две грамматики внутри русской грамматической системы: грамматика русских и грамматика иностранных слов.

К фонетическим вариантам собственных имен относятся также их орфоэпические варианты, связанные с разными стилями произношения. Они обычно не отражаются на письме и ничего не меняют в фонемном составе и строении собственных имен ⁶.

⁶ Л. П. К а л а к у ц к а я, В. Э. С т а л т м а н е. О некоторых вопросах произношения и ударения заимствованных фамилий. «Вопросы культуры

Стилистически нейтральные, обычно нефонологизованные варианты возникают при колеблющемся ударении: *Съзрань* — *Сызра́нь*, *'Огнйцев* — *Огнйце́в* и т. п. Новые акцентологические варианты возникают десятками и сотнями в результате новой моды: отходить от традиционного и переделывать давно заимствованные слова на иностранный лад. Так возникают *Стбкго́льм* при традиционном *Сто́кго́льм* и двуударном шведском *Стòкхòлм*, *Бéлград* при традиционном *Белгра́д* и сербохорватском *Београд*, *Вáшингтон* при традиционном *Вашингто́н* и англ. *Уо́шингтон* и т. п. Бессмысленность этих переделок ясна из сопоставления с оригиналом. Кроме разрушения привычных ассоциаций и ослабления назывательной (номинативной) функции собственных имен, они ничего не дают.

Традиционное *Рембра́нт* при голландском *Рéмбрандт* или принятое у русских *Софи́я* при болгарском *Сóфия* — варианты, не связанные с изменением написания и фонемного состава слов, однако их структура плюс ударение придают им определенную морфологическую типологию, вводя первое в давно сложившийся в русском языке ряд германских имен и фамилий: *Рембра́нт*, *Хильдебран́т*..., а второе — в ряд названий городов: *Софи́я*, *Дени́я*, *Альмери́я*, *Эд-Дивани́я*, ср. *Византи́я*, имевшее в XVIII—XIX вв. ударение *Виза́нттия*, как свойственно названиям государств и провинций: *Монго́лия*, *Испáния*, *Кастíлия*. Модель же *Сóфия*, *Клáвдия*, *'Юлия* типична для личных имен. И хотя традиционная форма может порой не удовлетворять специалистов, скоропалительная ломка также не дает ничего, кроме смешения типов слов.

Перестройка ударений произошла в русском языке в таких английских фамилиях, как *Да́рвин*, *Ба́ффин* (в прошлом веке *Дарви́н*, *Баффíн*). Эти изменения были структурно менее сложными, поскольку в русском языке есть и свои двусложные фамилии, оканчивающиеся на *-ин*, с ударением на первом слоге: *Сóнин*, *Да́рын*, *Ма́рфин* (правда, *-ин* там морфологически и этимологически иное) и поскольку варианты *Дарви́н*, *Баффíн* — это лишь дань французской моде XIX в.: *Коли́н*, *Поли́н*, ср. нарицательные *сати́н*, *попи́н*.

Варианты, получающиеся в условиях безударного вокализма, с точки зрения фонологов Московской школы остаются за пределами фонематики. Однако при передаче иноязычных имен по-русски эти фонетические варианты могут привести к ряду фонематических подмен. Остановимся на нескольких примерах из португальского и английского языков. Португальские безударные *о*, *е* по тембру близки к русским *у*, *и*. В португальском языке это варианты фонем <о>, <е>, что поддерживается их написанием. Пере-

речи», вып. VIII. М., 1967; В. А. Капранов. Фонетическая вариантность слов и синонимия. «Лексическая синонимия». М., 1967.

дача их по-русски через *y*, *и* переводит их в русском языке в класс фонем <у>, <и>, что нарушает их первичное фонемное соотношение: Andrade — Андради, Branco — Бранку.

Английская фамилия Buchanan имеет ударение на втором гласном. Первый (безударный) гласный у членов одних семей произносится как [ə], у других — [ju], у третьих [Λ]. В русской передаче это может быть соответственно *Бекáнан*, *Бьюкáнан* и *Бакáнан*, если следовать фонетике. Графически следует избегать передачи английского безударного *и* через *e*, это слишком далеко уводит русскую транскрипцию от исходного звучания и строения заимствования.

Передача как *Бью-* или *Ба-* подразумевает ударность слога, а он безударен. В таком случае лучший способ — транслитерация безударного гласного: *Букáнан*. Особенно ясно преимущество транслитерации безударного *и* в конечных морфемах, где такие имена и географические названия, как Titus, Columbus, Augustus, переданные через *e* согласно произношению [ə], теряют свой облик в заимствующем языке и превращаются в какое-то подобие слов множественного числа, каковыми они на самом деле не являются (*Тайтес*). Переданные же с сохранением *y*: *Тайтус*, *Коламбус*, *Огастус*, они остаются словами единственного числа и сохраняют свою этимологию, латинскую или греческую.

Так иноязычная фонетика, по-разному переданная средствами заимствующего языка, дает в нем разную фонематику.

Фонетические варианты, закрепленные фонематически, приводят к морфологическому варьированию в тех случаях, когда эти варьирования касаются элементов, структурно значимых для образования тех или иных типов слов. Очень часто эти фонемно-морфемные изменения происходят под воздействием существующих в данном языке словообразовательных моделей. Возможны и непосредственные фонетико-морфологические отношения (*Софýя* — *Сóфия* и некоторые транскрипционные варианты).

ФОНОЛОГИЧЕСКОЕ ВАРИРОВАНИЕ

Фонологическое варьирование имен, исконных и заимствованных, представлено очень широко. Оно касается не просто написания или произношения слов, а затрагивает их внутреннее строение. В результате чисто фонологического варьирования одни и те же иноязычные морфемы предстают в заимствующем языке в виде равнозначных алломорфов (варианты *Мейер* и *Майер* в русском языке). Фонологические варьирования, затрагивающие служебные элементы, носят морфологический характер и могут сказаться на строении слова в целом (см. ниже).

Фонологические изменения часто начинаются с фонетических. К фонологическим перестройкам приводит и воздействие так называемых фонетических законов, описанных младограмматиками

в конце XIX в. В соответствии с их регулированием при заимствовании, например, согласные передаются из языка в язык в рамках определенных звукотипов. Так, турецкое [к] соответствует крымско-татарскому [x]: *кыр* — *хыр*, арабское *р* в тюркских языках может опускаться: *хаджи* — кр.-тат., *аджи* ср. азерб. *наджи*, которое при заимствовании в русский язык часто превращается в [г]: *гаджи*, но эта арабская фонема не дает ни *к*, ни *т*, ни *д*. Тюркское *булат* может иметь в тюркских же языках вариант *болат* (в зависимости от чтения арабского *ب*), но вариант *балат* получается из него лишь в некоторых русских диалектах, при этом — двояким образом: возможен переход *булат* > *балат* и возможен *болат* > *балат*. Но *белат* или *билат* не получится. При арабской записи слова *бай* и *бей* писались одинаково: *بى*. В карачаево-балкарских личных именах *бей* превращалось в *бий* и затем просто в *би*. Но ни один из этих переходов был бы невозможен в русском языке, куда заимствованы все четыре варианта: апелятивы *бай*, *бей* и в составе личных имен -*бий* и -*би* (*Барасбий*, *Барасби*). Традиционный русский вариант *Гирей*, получившийся из крымско-татарского *Герай* и карачаево-балкарского *Гири*, свидетельствует об опосредствованном заимствовании, поскольку русскому *ей* соответствует тюркское *и* и *ай*. Очевидно, посредник — турецкий язык, которому свойственна форма *Гирей*. Этимологически имя не тюркское. Ср. монг. *герé* 'совет', 'пожелание'.

Звуковые переходы довольно ограничены, пока они находятся в рамках «фонетических законов». Если же в постепенные звуковые преобразования вмешивается народная этимология, происходят самые неожиданные скачки. Так, например, на картах, изданных в прошлом веке Военно-топографическим депо, крымские названия иногда искажаются именно вследствие действия народной этимологии: *Мамашай* > *Мамаша*, *Армянск* > *Арминск*, *Собах-Эли* > *Собак-ели*. Ср. приведенные выше примеры изменения крымско-татарского дифтонга *ай*, который нигде не превращался в *а*⁷.

Неожиданные и ничем не оправданные скачки получаются в результате описок или неверного чтения, ср. на тех же картах *Раджи* < *Гаджи* (*Хаджи*), *Насыпной* < *Насыпкой*.

Таким образом, фонетические законы оказываются нередко путеводными нитями при этимологических исследованиях.

Под воздействием фонетических законов разных языков названия протяженных объектов в разных государствах приобретают различные звучания. Так, испанский гидроним *Тахо* в Португалии превращается в *Тежу* (в иной транскрипции *Тежо*), а голландский *Схелде* (*Шельда*) на территории Франции становится *Эско*. Гид-

⁷ Ср. на Урале оз. *Цыркуль* > *Цыркуль*, в Краснодарском крае лиман *Колбас* (возможно, из *Кол-бас*) > *Колбаса*, ср. личное имя *Северьян* > *Северян* (по ассоциации с северянами и севером),

роним *Дунай* произносится по-немецки *Donaui*, по-венгерски — *Duna*, по-румынски *Dunărea*, по-болгарски *Дунав*, ср. французский вариант названия *Danube*.

При любых изменениях в фонемном составе имени, будь то преобразования в одном и том же языке в разные эпохи или одновременные расхождения форм одного и того же названия в разных языках, медленнее всего изменяются основы имен и быстрее всего — форманты, легко перестраивающиеся под воздействием ономастических систем. При заимствовании форманты могут отбрасываться (греч. *Родос* — англ. *Род*) или заменяться тезофункциональными аффиксами языка-приемника (русс. *Ивановский* — латышск. *Ivanovskis*). Самым сильным «искажением», — по словам Я. К. Грота, — отличаются те греческие и еврейские имена, которые при введении христианства в России стали при крещении даваться русским людям⁸. Впрочем, „искажение“ — это не то слово. В нем чувствуется оттенок досады за нарушение греческого облика слов. Справедливее было бы говорить о перестройке, неизбежной при переходе слова из одного языка в другой, причем не в книжный, а в живой, разговорный язык. В других странах Европы и Азии те же самые имена подверглись не менее интенсивной перестройке, но в соответствии с особенностями других языков и дали не менее интересные превращения.

Интересные примеры фонологизации фонетических изменений наблюдаются в русском языке, где в легких для произношения группах *нд*, *нт*, *ндр* одна из согласных может быть эпентетической. А поскольку подобные группы типичны для ряда заимствованных слов, они воспринимаются как структурно опорные, и часто там, где имеется лишь *н*, *д*, *т*, к ним механически добавляются недостающие. Так, общеизвестны случаи превращения иноязычных имен *Адриан*, *Арсений*, *Кодрат* в *Андреан*, *Арсентий*, *Кондрат*. Это взаимопроникновение и взаимосмешение народных и литературных вариантов имен столь глубоко, что в Москве в 1956 г. на одних домах Арсеньевского переулка висели таблички с надписью *Арсеньевский*, а на других — *Арсентьевский*. Точно так же в одних автобусах, объявляя остановки, кондуктора говорили: *Арсеньевский*, а в других — *Арсентьевский*.

При так называемых безграмотных написаниях, возникающих под действием наивного фонетизма, получаются фонетические варианты, значение которых может распространяться и на фонологический и морфологический аспекты. Например, землепроходец XVIII в. назвал своим именем открытый им мыс, написав его название фонетически: *Сава Лошкин* (пример С. А. Тюрина). Фамилия *Лошкин* фонематически на материале собственных имен проверена быть не может. Фонетически написания *Лошкин* и *Ложкин* однозначны. Однако вариант *Лошкин* противоречит этимологии

⁸ Я. К. Г р о т. Филологические разыскания, ч. II. СПб., 1876, стр. 331.

и нарушает связь собственного имени с нарицательными корнями: *ложе*, *ложбина*, *ложечка*, *ложечник*. Ср. также деревня *Лошка-ревка*, но *Ложкино*, ср. фамилию *Молошин* при нарицательном *молочный*. Такого же рода варианты *Ковтюк* и *Кофтюк*, фонологически непроверяемые на уровне собственных имен.

При написании *е* вместо *ё* в малоизвестных названиях происходят своеобразные фонемные колебания, которые могут привести к изменению официального варианта названия. Так, одни словари указывают на произношение *Мёжа* (П. Перов)⁹, другие — *Мёжа* (В.); АМ 1954: *Чеша* — «Атлас для учителя» (М., 1954): *Чёша*, соответственно губа *Чёйская*, *Чешская* и *Чесская* (Огиенко). Такого же типа колебания *Дема* и *Дёма*, *Терешка* и *Терёшка*, *Черёповец* и *Черёповец* (офиц. *Череповец*), *Нема* и *Нёма*, *Мецёра*, *Мецёра* (*Мецёбра*) и *Мецера*.

Даже незначительные фонематические отличия становятся значимыми в топонимии, если различающиеся одной-двумя фонемами слова обозначают разные объекты: *Шиголость* — *Шилогость*, *Шепелиха* — *Шелелиха*, *Ваеньга* (река) — *Ваенга* (нас. пункт, теперь Североморск), *Акколь* (озеро) — *Аккуль* (поселок). Старинные различия *Нарова* (река) — *Нарва* (город) у П. Перова, И. И. Огиенко теперь игнорируется — в словарях под ред. М. Б. Волостновой и город, и река *Нарва*, ср. восходящее к древним вариантам отражение в итальянском языке: *Mosca* — город Москва и *Moscova* — река Москва. Тот факт, что название *Москва* в западные языки было заимствовано очень давно, до того как оно приняло современную русскую форму, ставит на повестку дня вопрос, как следует вводить его в языки, в которых еще нет прочной традиционной формы названия (африканские, азиатские), с ориентацией на современное русское произношение и написание или на варианты, принятые в западных языках (английском, французском), распространенных в этих странах.

Много новых вариантов возникает в результате изменения транскрипции иноязычных названий. Например, в Белоруссии река *Шара* стала *Щара*. Однако многие люди носят фамилию *Шарый* (т. е. 'серый'), не меняя ее на *Щарый*. Ср. название озера *Кета*, которое до недавнего времени писалось *Кита*. В словарях под ред. М. Б. Волостновой: *Серёт* — бассейн Днестра, *Сирёт* — бассейн Дуная; *Челкар* — город, *Челкар-Тенгиз* — солончак, Актюбинская обл., но *Чалкар* — озеро, Западноказахстанская обл. Таким образом, одно и то же казахское слово *челкар* — 'огромный' на территории одной и той же республики получает различное русское

⁹ В дальнейшем приняты следующие сокращения: П. Перов. — П. Перов. Ударение в русских географических названиях. «Естествознание и география», 1904, № 40; В. — «Словарь географических названий СССР», под ред. М. Б. Волостновой. М., 1962; АМ — «Атлас мира». М., 1954; Огиенко — И. Огиенко. Об ударении в географических именах. Киев, 1912.

написание. В АМ, в «Атласе для учителя» и на многих других картах эти названия имеют единое написание: *Серет*, *Челкар*. Ряд изменений связан с различной национальной ориентацией транскрипции. Так, *Кутаис* в Грузии теперь передается *Кутаиси*, а *Кутаис* в Краснодарском крае так и остался *Кутаисом*. Ср. АМ 1954: река *Бзипи* — хребет *Бзыбский*. В последующих словарях М. Б. Волостновой река *Бзыбь*.

Не всегда следует приветствовать с практической точки зрения то, что теоретически (фонетически и даже фонематически) кажется лучшим. Так, неприемлемы были предложения А. А. Иванова переделать русское написание греческих слов, приблизив их к оригиналу¹⁰. А. А. Иванов не принял в расчет, что в языке теория должна быть извлечена из практики, которая создавалась веками. Он предлагал ввести в общее употребление варианты типа *гексаметр* (гекзаметр), *тезь* (тезис), *нОраций* (Гораций), *эксемпляр* и т. п. Также отрицательно воспринято картографами и транскрипторами предложение литовцев писать вместо *е* *я*: *Petrus* — *Пятрус*, *Senkus* — *Сянкус* вместо прежних *Петрус*, *Сенкус*. Поскольку в русской графике *я* относится к фонеме *а*, а в литовском *е* — к *е*, при передаче *Petrus* — *Пятрус* происходит неверное фонемное перераспределение, в результате чего делается сложным распознавание слов, их обратная транскрипция, а кроме того нарушаются международные традиции: имя *Петрос*, заимствованное в далекой древности у греков, во всех языках и во все времена писалось через *е*. Известны и производительные варианты *Питер*. Написание же *Пятрос* сближает его в русском языке с греческим топонимом *Патрос*, не имеющим ничего общего с *Петрос*. Ср. варианты, получившиеся в результате изменения транскрипции португальских имен: *Риу-Бранку* вм. *Рио-Бранко*, *Лопиш* вм. *Лопес* и т. д., при которых также нарушается фонемная соотнесенность названий, поскольку варианты фонемы <о> переводятся в русском языке в ряд [у], а варианты фонемы <е> — в ряд [и] и варианты фонемы <с> в ряд [ш].

Отметим также дублиеты, получившиеся в результате разной транскрипции одних и тех же названий: *Ваал* (Нидерланды) и *Вааль* (ЮАР), *Даусон*, *Доусон*, *Досон* (США), *Делано* и *Делейно* (США), *Доггер-Банк* и *Доггер-Банка* (Сев. море), *Аделейд* (Антарктида) и *Аделаида* (Австралия), *Далайнор* и *Далай-Нур* (Внутренняя Монголия), *Виндзор* (Англия) и *Уинсор* (США). Все это при-

¹⁰ См.: «Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии (XVIII—XX вв.)». М., 1965, стр. 400.— Ср. также: С. М а л л е р. Что ему Гекуба? «Известия», 1966, № 100.— Ср. разбираемое в этой статье написание древнегреческих и древнеримских имен в «Мифологическом словаре» (Л., 1961, М., 1965, изд. 3), в котором *Циклоп* стал *Киклопом*, *Гекуба* — *Гекабой*, *Веспер* — *Геспером*, *Арион* — *Арейоном*, *Панацея* — *Панакией* и т. п. Ср. также: Л. П. К а л а к у д к а я. Всем ли безразлична Гекуба? «Русская речь», 1967, № 4.

водит к раздвоению графически, фонетически и фонематически единого (в языке-источнике) и к ненужной перегрузке памяти, равно как и к ослаблению номинативности имени. Ср. случай, когда фонематическое различие языка-источника по-русски разумно игнорируется. В США город называется *Арканзас*, штат — '*Аркансо*'. В русской транскрипции и город и штат — *Арканзас* — так естественнее для говорящих по-русски. Мизерные же, сточки зрения русского языка, различия *-зас*, *-со* лишь перегружают память потребителя, не облегчая коммуникации.

Часто из одного и того же апелятива получается два и более не похожих друг на друга имени. Например, еврейская фамилия *Бар-Хиллел* оказывается родной сестрой фамилии *Гилелс*, и обе они родственны слову *аллилуйя* 'хвалите господя'. *Бар* — 'сын' на языке иврит в фамилии *Гилелс* заменен германским формантом *-с*. При заимствовании из немецкого или из языка идиш в фамилии *Nil* (*l*)els начальное *h* заменено русским *г*.

Греческое имя *Георгос*, претерпев ряд фонетически и фонологических изменений, дало массу вариантов в разных языках Европы. Вернувшись снова в русский язык, они воспринимаются как разные имена: *Георг(ий)*, *Джордж*, *Жорж*; в диалектах же русского языка возникли варианты *Егор*, *Юрий*, *Георгий*, которые сами кажутся разными именами.

Греческому γ , ϵ в диалектах русского языка может соответствовать *е*: *Гермоген* — *Ермоген*, *Гелий* — *Елий*, ср. также варианты *Гераклия*, *Гераклея*, *Ираклия*, *Ираклея*, *Гераклион*, *Ираклион*, *Гераклеийон*, греч. $\Gamma\epsilon\rho\kappa\lambda\epsilon\iota\alpha$, $\Gamma\epsilon\rho\kappa\lambda\epsilon\iota\omicron\nu$, которые можно рассматривать и как лексические, и как морфологические, и как фонематические.

В результате опосредствованных заимствований фонематические различия исходного и получаемого иногда столь велики, что их уже трудно рассматривать как варианты (фонетические, орфографические, фонематические) одного и того же слова и следует воспринимать как разные слова. Например, русская транскрипция *Проме*, *Салуэн* и бирманские названия *Пъеи*, *Тсан-льин* — скорее лексические, нежели фонематические варианты, хотя традиционные *Хензада*, *Ирравади* и *Хинсата*, *Ийявади* ¹¹, пожалуй, еще можно рассматривать как фонематические. Таким образом, фонематические варианты, очевидно, не могут отличаться более, чем тремя фонемами.

В XVIII в. русской орфоэпической нормой было звонкое фриктивное произношение *h* в заимствованных словах, откуда и его передача через *г* (ср. бога, благо, в произношении пожилых людей). Поскольку к XX в. эта норма устарела, *г* во многих заимствованных собственных именах заменяется на *х*: *Гаттерас* —

¹¹ Примеры цит. по ст.: Г. Г. Стратанович. Проблемы уточнения этнонимов и топонимов юго-восточной Азии. «Топонимика Востока». М., 1962, стр. 146—149.

Хаттерас, Гендерсон — Хендерсон. Изменения эти едва ли коснутся апеллятивов (*гауптвахта, гармония, герой*), которые давно перестали ассоциироваться с иноязычными прообразами. Это свидетельствует не только о наличии разницы между апеллятивами и онома, но и о разном отношении говорящих к тем и другим, как различно и их отношение к разным типам собственных имен.

Наибольшим варьированием подвержены личные имена. Приводим несколько записанных в качестве официальных имен вариантов (Севский р-н Брянской обл., 40—60-е годы XX в., материалы О. А. Славяниной). В некоторых вариантах отразились «аканье», «еканье» и другие особенности местного говора. Интересны формы с ассимиляцией: *Алдаким, Алдакия* (Евдоким, Евдокия), *Мунуил* (Мануил), *Ксенефонт* (Ксенофонт), *Линид* (Леонид), *Сусой* (См-сой) и с диссимиляцией: *Арина* (Ирина), *Енаний* (Ананий), *Амельян* (Емельян), *Ликандер* (Никандр), *Иканор, Екандр* (Никанор), *Ивсей* (Евсей). Обращает на себя внимание соответствие греч. *ев-, ав-* севскому *ал-, ел-*: *Алдаким, Алксентий, Елмен*.

Отметим также гиперкорректные формы: *Орефий* (Арефий), *Афонас* (Афанасий), *Зенон* (Зинон), *Лорион* (Ларион), *Исидор* (Исидор), *Филорет* (Филарет), *Ироида* (Ираида), а также фонетические написания: *Вистар* (Виктор), *Ванифатий* (Вонифатий), *Засима* (Зосима), *Левон* (Леон), *Тимахвей* (Тимофей), *Трахвим* (Трофим), *Фиропон* (Ферапонт), *Паликарп* (Поликарп), *Хритон* (Харитон). Ср. также с народной этимологией *Капиталина* (Капитолина) — от капитала.

Диалектные варианты служат как бы «мостиками» между официально принятыми формами имен в разных языках. Так, русское официальное *Ксения* и украинское официальное *Оксана* связываются между собой диалектными вариантами *Ксеня, Ксана, Ксаня*. Русский официально принятый вариант *Ксения* связан с диалектными *Аксиния* через варианты *Аксенья* и *Аксинья*.

Для людей, не пользующихся диалектами, непонятны и отдельные диалектные имена, встречающиеся в литературе (*Солоха*). Знакомство с диалектными моделями имен позволяет связать их с определенными словообразовательными моделями (севск. *Явдоха, Надёха, Хавроха, Антоха*), а через них и с принятой в литературном языке формой имени (Соломония, Саломия) и не искать этого слова в толковых словарях в значении 'нечистая сила', разлагая на префикс *со-* и корень *лох*.

В связи с многообразием вариантов собственным именам необходимы избыточные элементы, которые, служа наполнителями, в то же время способствовали бы узнаваемости компонентов.

У собственных имен избыточность неизмеримо больше, чем у нарицательных. А может быть, их избыточность лежит в разных планах? Во всяком случае *замок* и *замѡк* — разные слова, *Суматра* и *Суматра* — одно название, как *Богумил* и *Богумил* — одно имя. Но эта избыточность ограничена, как ограничен и состав

имен. Среди собственных имен, особенно старых, в ряде языков есть немало коротких, двух-, трехфонемных, у которых налицо, скорее, «недостаточность», чем избыточность. Среди таких коротких собственных имен много омонимов различного происхождения, ср. приводившиеся выше Leigh и Lee.

Действие фонетических законов таково, что слова, давно употребляющиеся в языке, постепенно сокращаются за счет утери конечных, начальных и реже срединных звуковых отрезков¹². Когда-то длинные и вполне самостоятельные слова с течением времени могут превратиться в морфемы, самостоятельно не употребляющиеся. Ср. такие русские слова, как *обуть*, *разуть* или *вынуть*, где корневые морфемы сведены до минимума или вовсе не ощущаются. В связи с этим Ж. Вандриес писал: «Географические имена принадлежат к числу слов, которые не должны меняться, если они односложны, их сохраняют в языке, ставя перед ними соответствующее имя нарицательное, служащее им опорой: Ain, Eu, Batz превращаются в la rivière d'Ain, la ville d'En, le Bourg de Batz или же их удлиняют: Bourg становится Bourg-en-Bresse или просто Bourk со звучащим [к]. Это борьба с фонетическим изнашиванием слова»¹³.

Очевидно, в порядке такой же борьбы в русском языке отмечается тенденция к удвоению согласных в коротких именах: *Нонна*, *Римма*, *Инна*, *Пинна*, *Савва*. Ср. нарицательное *асс*¹⁴. Такой же борьбой с фонетическим изнашиванием в немецком языке можно объяснять написание Schmitt и Schmidt при нарицательном Schmid¹⁵. Характерно, что почти во всех случаях варьируют интегральные (наполняющие) элементы, опорные элементы сохраняются во всех приведенных примерах, согласные сохраняются значительно лучше гласных.

Подобные варьирования в фамилиях рассматриваются иначе. Хотя *Коржавин*, *Каржавин*, и *Коржевин*, казалось бы, всего лишь варианты одной и той же фамилии, ими зовутся люди из разных семей, а значит, это разные слова, то же *Сафронов* и *Софронов*, *Сидоров* и *Исидоров*, *Ларионов* и *Иларионов*, *Евдошенко* и *Евтушенко*, *Ивлев* и *Иевлев* и *Иевлиев*, *Селиванов*, *Селеванов*, *Селефанов*, *Селифанов*, *Селифонов* и *Селефонов*, хотя на уровне имен это всего лишь чьи-то описки, неверный выговор и т. п. Ср. с нарицательными:

¹² Примеры подобного преобразования слов см.: А. В. Суперанская а. Ударения в собственных именах. М., 1966, стр. 80—83.

¹³ Ж. Вандриес. Язык. Лингвистическое введение в историю. М., 1937, стр. 201.

¹⁴ М. М. Гухман. *Ас* или *асс*? «Вопросы культуры речи», вып. I. М., 1955, стр. 224—225.

¹⁵ Возможно и другое объяснение: средневековые писари старались удваивать по возможности все буквы в слове, так как получали плату побуквенно.

калмак, калмык, колмык, калмук — областные или диалектные варианты, сводимые в литературном языке к одной «правильной» форме, но *Колмаков, Колмыков, Калмыков* — разные фамилии.

Таким образом, варьирование нарицательных имен и личных имен располагается в одном плане, а различные варианты фамилий лежат в совершенно иной плоскости, и если варьирование первых интегрально, то варьирование вторых — дифференциально. Однако разные варианты транскрипции иноязычных фамилий, особенно в литературе, приближаются к варьированию личных имен, в то время как для официальной сферы данного языкового коллектива такое варьирование не допускается.

По свидетельству С. И. Ожегова (интересовавшегося, почему еврейские фамилии существуют в столь многочисленных вариантах и наводившего в связи с этим специальные справки), многовариантность фамилий помогала евреям освобождаться от тяжелой обязанности отдавать несовершеннолетних детей в кантонисты. В дореволюционной России от воинской повинности освобождались единцы (т. е. единственные сыновья). В связи с этим отец давал в точности такую же, как своя, фамилию лишь одному сыну, например, *Лифшиц*. Прочих детей записывали *Лившиц, Либшиц, Липшиц* и т. д., т. е. похоже, но не в точности так. В результате этого сейчас в нашем языке бытуют целые гнезда еврейских фамилий типа *Ротман, Ройтман, Родман, Ройзман, Розман; Ройзензон, Рейзензон, Резензон; Эдиткин, Идиткин, Едиткин* и т. п. Характерно, что в большинстве этих вариантов различны срединные интегральные элементы, а элементы структурно-опорные остаются без изменения.

Значит, фамилии в фонематическом отношении стоят ближе всего к именам нарицательным, в них точнее всего соблюдается орфография и фонемный состав. Имена личные и прозвища допускают максимальную свободу вариантов. То же относится к неофициальным формам географических названий. Официальные же их формы находятся опять-таки в двойственном положении: 1) их написание стараются менять вслед за орфографическими реформами (чего не делают ни с фамилиями, ни с именами личными); 2) их меняют (переименовывают объекты), нарушая полностью преемственность старого и нового (равносильно мене фамилии или имени, а также принятию псевдонима). Помимо этого меняют транскрипцию иноязычных названий. Тогда оказывается, что *Гуаякиль* = *Гваякиль* или *Серет* = *Сирет, Челкар* = *Чалкар* = *Шалкар* — факты, не являющиеся из фонемного состава имен и опять-таки требующие усвоения, заучивания. Ср. также новые варианты *Герона* из *Жерона*, *Гласгоу* при *Глазго*, *Джибромтар* при *Гибралтар* из егип.-арабск. *Габаль* (гора) + *Тарых* (имя египетского военачальника).

В ряде стран отмечаются похожие друг на друга официальные варианты имен, исторически восходящие к одной и той же форме:

Альберт и Альберто; Роберт, Робер и Роберто; Ричард и Ричар; Эстер и Эсфирь; Юда и Иуда; Андреа, Андре и Андрей. Мы их без труда сопоставляем друг с другом, потому что знаем — это результат нашего жизненного опыта (прочитанных книг, личных контактов), что *Робер* — это по-французски то же, что по-немецки или по-английски *Роберт*. Следовательно, взаимосвязь вариантов зиждется в конечном счете на знании лексики, на усвоении и не выводится из отдельных элементов. Больше того, мы знаем и пределы этой сопоставимости, и фамилии *Лонгинов, Логинов* и *Логвинов* не воспринимаем как одно и то же, хотя мы знаем, что *Логин, Лонгин* и *Логвин* — варианты одного и того же имени. Здесь заложена одна из антиномий собственных имен, связанная с различным положением в языке разных типов их. Личные имена допускают большую вариативность, фамилии не терпят ее; личными именами «распоряжается» язык, фамилиями ведаёт общество, и в первую очередь его юридический аппарат. Вот почему при различного рода записях или регистрациях люди так тщательно выговаривают свои фамилии: одна буква записана не так, и человек перестает быть самим собой. Этого не происходит при неточной записи имен: написано ли в документе *Таисия* или *Таисья, Александрович, Александрыч* или даже *Алексаныч*, — все это воспринимается как характеристика грамотности, культурности и т. п. самого человека или того, кто заполнял его документ, но отнюдь не как другое имя или отчество.

Отсюда следует важный вывод: варианты ли одного слова данные собственные имена или разные слова определяется не столько их фонемным или морфемным составом, сколько их общественной значимостью и общественным знанием их объектно-номинативной соотносительности, а также взаимной соотносительности вариантов.

В общей лингвистике и ономастике обычно отмечают инертность собственных имен к изменениям по сравнению с апеллятивами. Но сплошное изучение собственных имен определенных территорий не подтверждает это. Так, Ю. А. Карпенко обнаружил различную степень изменяемости и устойчивости топонимов разных типов: максимальную изменяемость и неустойчивость микро-топонимов, значительную изменяемость названий селений и минимальную изменяемость гидронимов (на материале топонимии Буковины). «Мало найдется лексических пластов, которые были бы такими подвижными, такими неустойчивыми, как подавляющее большинство собственных географических названий, — пишет он. — Несомненно, отдельные топонимы, особенно названия крупных рек и гор, проносятся языками и народами сквозь тысячелетия, и поэтому они первыми попали в круг научных интересов и удивили исследователей своей устойчивостью. Однако не имеет смысла переносить свойства группы топонимов на всю топонимию, которая этим свойством не обладает»¹⁶.

¹⁶ Ю. А. Карпенко. Топонимия Буковины (автореф. докт. дисс.).

Я. Б. Рудницкий, анализируя диалектологический материал и его роль в ономастике, приходит к таким же выводам. Прежде всего факты диалектологии не всегда совпадают с фактами литературных языков, как в отношении апеллятивов, так и в отношении онома. Поэтому Я. Б. Рудницкий особо выделяет диалектную ономастику и ономастику литературных языков. Названия наиболее крупных объектов, имена всемирно известных людей одинаковы и в литературном языке, и в диалектах (*Рим, Стокгольм, Пушкин*). Но имена личные, деревенские фамилии, названия малоизвестных объектов в диалектах могут иметь совершенно иной вид, нежели в литературном языке. Иногда это касается названий хорошо известных объектов данного языка: греч. литературное αἰ 'Αθῆναι и диалектное ἡ 'Αθῆνα, польск. литературное *Быдгощ* и диалектное *Быгдоц*. Я. Б. Рудницкий считает, что основная разница между литературными и диалектными формами имен лежит в фонологическом плане. Диалектные варианты продвинуты в своем развитии по сравнению с литературными, и значительно реже диалекты сохраняют архаичную форму. Таким образом, официально принятая точка зрения, что собственные имена сопротивляются изменениям формы, должна быть уточнена и отнесена лишь к некоторым застывшим формам литературного языка.

В диалектах ономастические изменения скорее согласуются с прочими преобразованиями, нежели противостоят им¹⁷.

МОРФОЛОГИЧЕСКОЕ ВАРИИРОВАНИЕ

Как уже отмечалось, морфологическое варьирование собственных имен может быть следствием и фонетического (*Сѡфія—Софія*) и орфографического (*Лисицин—Лисицын*) варьирований. Чаще всего морфологические варьирования наступают в результате фонемно-морфемных замен: *Клавдия* (полное имя) — *Клавдя* (сокращенная форма его, принятая в ряде областей), *Гавриил* — *Гаврил* — *Гаврила* — варианты полного имени, то же: *Кирилл* и *Кирила* (устар.); *Балтимор* и *Балтимора* — варианты, получающиеся в результате заимствования одного и того же английского названия. В русском языке они отличаются друг от друга не только конечной фонемой -а. Это — слова разных морфологических рядов, имеющие разные парадигмы, испытывающие различные влияния и сами влияющие на структурно-разные группы слов. Ср. так-

Киев, 1967, стр. 24—25; Он же. Об устойчивости топонимии. «Першая беларуская анамастычная канферэнцыя. Тапанімія (1—3 снежня 1967. Тэзісы дакладаў)». Мінск, 1967, стр. 5.

¹⁷ J. B. R u d n i c k y i. Etymological formula in onomastics. «Onomastica», № 33. Winnipeg, 1967, стр. 22—24.

же нарицательные заимствованные *жираф* и *жирафа*, *фильм* и устар. *фильма*, *тигр* и простореч. *тигра*.

Морфологическое варьирование присуще разным типам собственных имен не в одинаковой степени. Максимально представлено оно у личных имен и прозвищ, минимально — у фамилий. Географические названия занимают промежуточное место между теми и другими, приближаясь в официальных своих вариантах к фамилиям. В частности, с варьированием их конечных элементов дело может обстоять значительно сложнее, чем с варьированием конечных, морфологически значимых элементов фамилий. Так, в Москве, например, были зафиксированы семьи, где фамилия матери была *Салавей*, а дочери — *Соловьева* или отца *Баран*, а сына *Баранов*. Исправления, которые по просьбе детей были сделаны в юридическом порядке в их документах, остаются в рамках словообразовательных парадигм и русской орфографии. Статус же (если так можно выразиться) названий населенных пунктов не всегда согласуется со статусом самих населенных пунктов. В связи с этим возникает проблема тождества или нетождества объектов с одинаковыми или похожими названиями и проблема различия похожих названий. Например, существует неписаное мнение, что в зависимости от статуса объекта, т. е. от того, город это, поселок, село или деревня, его название должно быть по-разному оформлено, а поскольку в связи с ростом населенных пунктов статус многих из них часто меняется, нестандартными оказываются и названия. Так, небольшой населенный пункт *Кшень*, став поселком городского типа, был превращен в *Кшенский*. Став затем городом, он изменил свое имя на *Кшенск*, хотя прежнее название *Кшень* вполне могло бы соответствовать и городу, ср. *Тверь*, *Тюмень*. То же произошло и с подмосковной *Немчиновкой*, которая теперь величается *Немчиново*. Наоборот, городок на Волге, называвшийся до середины XX в. *Мышкин*, теперь зовется *Мышкино* (Ярославской области).

Для работников связи официально принятая форма географических названий столь же важна, как для работника паспортного стола или отдела кадров официально принятая и юридически закрепленная форма фамилий. Приведенные примеры показывают неустойчивость официально принятой формы, а вместе с тем и неустойчивость статуса объектов. Именно в связи с этим ненадежно строить различие вновь создаваемых или переименованных объектов на одном лишь конечном элементе: *Черноморский* и *Черноморское*, *Приморский* и *Приморское*, *Подгорье* и *Подгорное*, как ненадежно строить различие и на одном только префиксе или на суффиксе и префиксе вместе: *Предгорный* и *Подгорное* такие же близнецы-братья, как *Вишневый* и *Вишневое* или *Яблочный* и *Яблоневый*. И даже такая, казалось бы, далекая друг от друга пара, как *Железноводск* и *Железнодорожск*, затрудняют работу почты.

Подобно тому, как в именах личных отмечается варьирование официальных, неофициальных и полуофициальных форм, имеется оно и у географических названий. Выше приводились варианты названий железнодорожных станций и одноименных поселков: *Тарасовка* и *Тарасовская*, *Перловка* и *Перловская*; отметим также варианты: *Питер* при устаревшем *Петербург* и современном *Ленинград*, *Владик* при *Владивосток*, *Сторожинбург* при *Сторожинце*, *Пышмаград* при *Верхней Пышме*, *Фосфатка* при *Фосфатогорск*, *Магнитка* при *Магнитогорск*. Часто подобного рода варьирования относятся также к названиям улиц. Факт этот нередко отмечался в лингвистической литературе и в общей печати. В качестве официальных обычно выступают названия на *-ская* (*Мещанская*, *Дзержинская*), в качестве разговорных (полуофициальных) на *-ка*: *Мещанка*, *Божедомка*, *Сретенка*, *Дзержинка*, *Маяковка*, *Таганка*.

В топонимике своеобразным «мостиком» между словосочетанием и формой на *-ка* обычно бывает прилагательное на *-ск(ая)*. И поскольку тип названий на *-ка* живуч, живуче и промежуточное звено. Вот почему дискуссия и ярко выраженное отрицательное отношение встретили названия в форме родительного падежа собственного имени с нарицательным определяемым: *улица Щусева*, *площадь Курчатова*. Способствуют этому и относительная новизна указанной модели, и привычность образований на *-ская* > > *-ка*¹⁸. И наоборот, в процессе употребления многие названия типа *улица Чкалова* превратились в тип *Чкаловская улица*, более привычный и обыкновенный.

В настоящее время для Москвы *площадь Пушкина* и *Пушкинская площадь* равноправные и равноценные варианты: адрес газеты «Известия» — *Пушкинская площадь*, в троллейбусе водитель объявляет *площадь Пушкина*. Это — дублиеты, одинаково приемлемые. Ср. также *ул. Леонова* и *Леоновская улица*.

Но наибольший интерес представляют названия, образованные от фамилий на *-ский*, где фамильный аффикс игнорируется, забывается исходная форма и из *площадь Маяковского* получается название станции метро *Маяковская*, а из фамилии *Дзержинский* — *улица* и *станция метро Дзержинская*.

«Замена родительного приименного прилагательным является не столько правилом, сколько тенденцией живого бытового языка — писал Г. О. Винокур. — Устойчивость этой тенденции по отношению к родительному принадлежности в бытовом языке проявляется, в частности, в том, что она распространяется на собственные имена, в том числе и на фамилии. Ср. обиходные названия улиц и площадей — *Жуковская улица* вместо *улица Жуковского*

¹⁸ См., например: О. В ы с о т с к а я. Здравствуй, улица! «Лит. газета», 12 июля 1967 г.

(в Ленинграде), *Свердловская площадь* вм. *площадь Свердлова* (в Москве)»¹⁹.

Дальнейшее развитие этого процесса приводит к образованию типа г. *Дзержинск*, *Жуковск*. Такое явление называют о б р а т н о й д е р и в а ц и е й; при ней забывается первоначальная форма эпонима и в образовании нового названия участвует лишь его основа.

Регрессивная, или обратная, деривация — *Дзержинск* от *Дзержинский*, *Маяковская пл.* (ср. *пл. Маяковского*) свидетельствует о том, что языковое сознание связывает с единичными компонентами (основой и аффиксами) определенное значение, разлагая общую семантику слова, как бы распределяя ее между морфемами²⁰. То, что незначимо или полужначимо на уровне личных имен и прозвищ, оказывается значимым на уровне фамилий, в первую очередь благодаря официальной функции последних и полуофициальной функции различных вариантов имен.

Например, мы знаем, что варианты *Кузя*, *Кузечка*, *Кузичка*, *Кузище(а)*, *Кузька* и т. д. соотносятся с именем *Кузьма*, которое в свою очередь обладает фонематическими, орфографическими и фонетическими вариантами *Козьма*, *Косьма*. Какой вариант полного или уменьшительного имени употребит говорящий, зависит как от уровня его образования, так и от желания называемого и от отношения говорящего к называемому. Все это в известной степени значимо, но в любом случае все варианты имени будут относиться к одному и тому же человеку.

Иное дело на уровне фамилий: *Кузьмин*, *Козьмин*, *Козмин*, *Кузмин*, *Космин*, *Косьмин*, *Кузин*, *Кузькин*, *Кузечкин*, *Кузичкин*, *Кузищев* и т. д. выступают как равноправные варианты (*Кузин* не будет уменьшительной формой, зависимой от фамилии *Кузьмин*), и все они относятся к разным лицам, членам разных семей. Или, образованные от одной и той же основы, но разными способами, фамилии также относятся к разным людям, членам разных семей. Ср. дореволюционные образования: *Абдуллин* (*Абдулла*), *Ишин* (*Иша*, *Иса*) и послереволюционные *Абдуллаев*, *Ишаев*.

Варианты имени нарицательного *змеи* и *змий* отличаются стилистически. Фамилии *Змиев* и *Змеев*, *Змиевский* и *Змеевский* — нельзя назвать вариантами — это разные слова, и различие между ними юридическое, а не стилистическое.

Омонимия собственных имен и отдельных морфем их представлена довольно широко, при этом отмечаются разные типы омонимии: омонимия собственного и нарицательного: *мишка* (медведь), «*Мишка*» (сорт конфет) и *Мишка* (диминутив от имени *Михаил*); *Валя* — диминутив от имен *Валентин(а)* и *Валерий(я)*; *Израиль* —

¹⁹ Г. О. В и н о к у р. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии. «Труды МИФЛИ», т. 5, М., 1939, стр. 43.

²⁰ Н. Д. А р у т ю н о в а. Очерки по словообразованию в современном испанском языке. М., 1961, стр. 47.

название государства и мужское имя. Ср. также *Галилея* (им. пад.) — название исторической области и род. пад. имени *Галилей*.

Имя личное, повторяющееся у нескольких или многих людей (*Пётр*), название пролива и жел.-дор. станции *Сиваш*, реки и города *Москва*, нельзя считать омонимами — это тавтоименность. Так же тавтоименны реки *Уса* (бас. Волги, Десны, Печоры, Томи), *Ока* (бас. Ангары, Волги, Уфы, Ловати), *Белая* (бас. Камы, Волги, Кубани, Сев. Донца, Мологи, Ангары и т. д.).

Но, попадая в разные страны, исторически одно и то же название «раздваивается». Так, *Москва* или *Варшава* в СССР и Польше и в США для славян уже не тавтоименность, а этимологически родственные названия, потому что при сохранении исторической общности они в США изменили свое написание и произношение (по сравнению с русским и польским, а не с тем, как англичане обозначают славянские города). Теперь это *Warsaw* и *Moscow*, *Убрсо* и *Мбскоу* — другие названия других городов, хотя для англичан, очевидно, *Moscow* в СССР и в США тавтоименность.

Очевидно, то же самое происходит с именем, если оно попадает в разные словообразовательные ряды: писатель и город *Горький*, *Серафимович*; историческая личность и конь или летательный снаряд *Цезарь*, *Нерон*. Хотя вторые имена — перенос первых на другие объекты, и материально слово *Цезарь* не меняется от того, что им зовется не человек, а собака, лошадь, ракета, слово становится членом иного ряда (номинативного и морфологического), попадает в разное окружение и воспринимается по-иному. По-иному воспринимается и *Цезарь* как современное личное имя (правда, оно дается очень редко) и *Цезарь* — когномен Кайя Юлия. Французский и английский варианты имени *Сеза́р* и *Си́зар* воспринимаются в русском языке как лексические, а не фонетические из-за различия начальных элементов. В английском языке фамилия *Алисон* может быть представлена в двух орфографических вариантах: *Alison* и *Allison* и иметь несколько этимологических источников: сын человека по имени *Ellis* (Елисей), *Allan* (личное имя бретонцев и валлийцев), *Alix* (сокращенное от *Alister* или *Alexander*) или может быть связана с гальскими именами *Ailéne*, *Ailín* (< *aíl* — скала)²¹. Независимо от происхождения для современного языка это — лингвистически одна фамилия.

В таких парах, как *Каскеснаволоок* и *Каскесручей*, *Салда* и *Салда-губа*, *Шуя* и *Шуя-река*, где названия, относящиеся к разным объектам, отличаются лишь местными географическими терминами, следует говорить не об омонимии, а о тождестве одной из корневых морфем при нетождестве или отсутствии второй.

²¹ E. C. Smith. Dictionary of American family names. New York, 1956; P. H. Reaney. A dictionary of British surnames. London, 1966; J. B. Rudnicki. Указ. соч., стр. 7.

Однако тождество морфем можно понимать и иначе. Например, в названиях *Бегомль*, *Гостомель* и *Добромиль* можно говорить о тождественности второй морфемы, представленной, однако, в разных вариантах с различными огласовками. Особый тип омонимии — омонимия иноязычных собственных имен или их частей нарицательным именам языка-приемника. Этот тип легко приводит к ассимиляции иноязычного и к различного рода наивным этимологиям. Примерами такой омонимии для русского языка служат иноязычные фамилии типа *Квадрат* (англ. нем. Quadrat), *Слон* (англ. Sloan), *Кот* (англ. Coat), *Дурайсвами* (инд. Durayswami), *Брюхер* (нем. Brücher), *Кобелли* (ит. Cobelli), *Грамматикакис* (греч.) и т. д., в связи с чем иногда возникает потребность в эвфемизмах.

Основа [имени] — это своеобразная абстракция, в которой как бы резюмируется парадигма²². Основы имен в принятом в данном языке употреблении часто не имеют ничего общего с этимологическими основами. Так, с точки зрения современного русского языка, имена *Глеб*, *Пахом* представляют собой чистые основы, в именах *Анна*, *Вера* — суффикс-флексия *-а*, в именах *Ананий*, *Пафнутий* — суфф. *-ий*.

В русском языке, как в синтетическом фузионном, морфемы выступают обычно в нескольких вариантах, в зависимости от предыдущих или последующих морфем: *ног/нож*, *бел/бель* и т. д. Можно считать, что все варианты, в которых встречается морфема, отражают ее «общий вид», или «средний» алломорф, складывающийся из суммы алломорфов. Таким «общим видом» тюркской морфемы *Кизил*, *Кызыл*, *Кизыл*, *Кзыл* и т. д. будет, очевидно, *кзыл*.

Проблема идентификации морфем возникает и для нарицательных, и для собственных имен. Эбелин считает, что для отождествления морфем полное фонетическое тождество не требуется: достаточно тождества семантических минимумов. Ж. Кантино и С. Сапота вводят в сложных случаях понятие *архиморфемы*, или *архилексемы*²³.

Изменения в морфологической структуре — следствие либо фонологических, либо семантических изменений. Равновесие морфологической системы состоит в формальной пропорциональности между обусловленными формами²⁴. Для собственных имен изменения в морфологической структуре обуславливаются, кроме того, и изменениями на номинативном уровне. Что же касается семантических изменений, они протекают здесь иначе, нежели в именах нарицательных, но также имеют место. *Сельга* под влиянием се-

²² Е. Курлович. О природе так называемых «аналогических» процессов. «Очерки по лингвистике». М., 1962, стр. 95.

²³ Подробный разбор их точек зрения см.: Л. Е. Руфимович. К понятию морфемы. «Иностранные языки в высшей школе». М., 1964, стр. 27—39 (существует также термин *гиперморфемы*).

²⁴ Е. Курлович. Указ. соч., стр. 97—98.

мантических процессов превращается в *Сельдь*, старинное притяжательное название *Всеволожь* вследствие редкости этого имени и малой понятности в современном языке притяжательного йотового суффикса превращается в *Сиволожь* (примеры В. А. Никонова). При вмешательстве семантики варианты уходят далеко за рамки чисто фонемного варьирования и обычно становятся разными словами (лексическими вариантами).

Можно отметить слова с одинаковыми морфемами, но с разным фонемным составом, т. е. слова, где представлены разные алломорфы одной и той же морфемы, и слова с разными морфемами, в которых отличие в 1—2—3 фонемах приводит к замене отдельных морфем (особенно служебных) другими тезофункциональными, но придающими слову другой оттенок значения. Например, в украинско-русских вариантах украинских фамилий часто украинскому *i* соответствует русское *e*: *Лісовий* — *Лесовой*, *Цілуйко* — *Целуйко*. Это фамилии лингвистически одинаковые, а юридически разные. Ср. иную возможность передачи: *Німчук* — *Нимчук*, *Німцович* — *Нимцович*, где это и юридически, и лингвистически одно и то же. Ср. варианты *Немчук*, *Немченко*, *Немцович*, где одна и та же корневая морфема оформляется разными аффиксальными морфемами, основная функция каждой из которых — образование фамилии. Ср. чешскую передачу *Nimčuk*, *Cilujko*.

Русская передача украинских и белорусских собственных имен может быть двух типов: 1) собственные имена оставляются в неизменном виде, заменяются лишь буквы, отсутствующие в русском языке, их русскими соответствиями. Тогда это чистая транскрипция: укр. *Вівсяний*, *Олександрівка* — русск. *Вивсяный*, *Олександривка*, белор. *Вуткін* — русск. *Вуткин*; 2) допускаются лексические и морфологические замены: укр. *Низький* — *Низкий*, а не *Нызький*, *Пузирів* — *Пузырёв*, а не *Пузырив*, белор. *Вірскі* — *Вирский*, *Князеў* — *Князев*, *Цёткин* — *Тёткин*, *Цеплакоў* — *Тепляков*, укр. *Ліщина* — *Лещина*, *Повний* — *Полный*, *Олексійко* — *Алексеевко*, *Омельяненко* — *Емельяненко*. При этом прибегают к частичному переводу отдельных частей фамилий, что по отношению к собственным именам других языков не практикуется²⁵. Этого не происходит при заимствовании из отдаленнородственных языков и там, где один язык отделен от другого государственной границей. Так, датская фамилия *Andersen* не превращается в Англии в *Anderson*, а в Германии в *Andersohn*, как не превращается в Англии в *Смита* немецкий *Шмидт*.

В географических названиях в подобных случаях обычно проводятся морфемные замены, что, в частности, поддерживается и

²⁵ А. В. Суперанская. О передаче украинских и белорусских фамилий по-русски. «Русский язык в национ. школе», 1967, № 2, стр. 96; Г. П. Бондарук. Передача по-русски белорусских топонимов. «Конференция по топонимике северо-западной зоны СССР. Тезисы докладов и сообщений». Рига, 1966, стр. 244—245.

фонемами косвенных падежей многих слов. Так, *Міст* заменяется на *Мост*, поскольку в косвенных падежах укр. *Моста*; подобные же замены производятся в аффиксах: укр. *Артемівськ* — *Артемовска*, русск. *Артемовск*. Ср. также *Міжріччє* — *Междуречье*, *Гвардійське* — *Гвардейское*. Аналогичная замена суффиксальных морфем раньше практиковалась в польских названиях. Возможно этому способствовало и то, что часть Польши одно время входила в состав России, и широкие бытовые контакты способствовали взаимному проникновению русского и польского типов названий. Сейчас, когда восприятие польских названий происходит через государственную границу, подобная морфемная замена не практикуется. При сохранении традиционного *Краков*, названия более мелких населенных пунктов передаются как *Хшанув*, *Жешув*, *Хожув* и т. д., и тот факт, что в родительном падеже это по-польски *Хшанова*, *Жешова*, *Хожова* игнорируется.

Вообще же при заимствовании слов близкородственных языков часто опираются на тезофункциональность их морфем, игнорируя различие в звучании, ср. сербск. *-ић* и русск. *-ич*, которые произносятся по-разному, но выступают в одинаковых функциях — отсюда замены типа *Милић* — *Милич*.

Новая тенденция передавать названия исключительно в соответствии со звучанием полностью игнорирует морфологию слов и то, что они должны функционировать во фразе. Варианты *Фокшани*, *Плоешти*, *Лидице* морфологически неполноценны, как не склоняющиеся в русском языке и находящиеся вне его морфологии, ср. более удачные традиционные варианты *Фокишаны*, *Плоешты*, *Лидицы*.

СИНТАКСИЧЕСКОЕ ВАРИРОВАНИЕ

Синтаксические варьирования свойственны собственным именам в наименьшей степени прежде всего потому, что в ряде индоевропейских языков подразумевается, что онома — обязательно имена, что сводит к минимуму воздействие на собственные имена синтаксиса. И все же они дважды соприкасаются с ним: 1) многие сложные собственные имена образованы в соответствии с современными синтаксическими нормами; 2) любые имена, употребляясь во фразе, подчиняются требованиям синтаксиса данного языка. Например, в русском языке любые онома, исконные и заимствованные, должны соотноситься с определенным родом, числом, склонением. Синтаксические варьирования, которые при этом отмечаются, происходят вне имени, но неизбежно ему сопутствуют. Первый же из описанных моментов, связанный с различными синтаксическими выражениями одних и тех же отношений, касается варьирований, происходящих непосредственно в самом имени: *Петропавловск-Камчатский* и *Петропавловск на Камчатке*, *Фома Аквинский*, *Фома из Аквино*, *Фома Аквинат*. Особенно часты синтак-

сические варьирования в микротопонимии, где в силу своих протопонимических особенностей названия легко трансформируются не только морфологически, но и синтаксически. Выделяются также названия с дополнительными определениями и без них: *Ростов* и *Ростов Великий*, *Камаре* и *Камаре-сюр-Мер*, *Белград* и *Белград-на-Мору*, с географическими терминами и без них: *Иида* и *Иида-Ривер*, *Колорадо* и *Колорадо-Ривер*, *Колорадо-Спрингс*.

В русской топонимии немало двусловных и многословных названий. Они воспринимаются как обычные синтаксические сочетания, если порядок слов в них соответствует современным синтаксическим нормам, и как своеобразные конструкции, если их порядок слов не отвечает современному. В последнем случае компоненты названия соединяются дефисами. Ср. *Паразино Поддубье*, *Памяти 26 Бакинских Комиссаров* и *Струги-Красные*, *Могилев-Подольский*. Дефис пишется также в том случае, если конструкция неясна: *Челно-Вершины*, *Верин-Талин* (а это — *Верхний*) или если компоненты соединяются как равноправные, равнозначные: *Петрово-Красноселье*, *Пошехонье-Володарск* (два названия одного и того же объекта).

Десинтаксизация собственных имен происходит в тех случаях, когда нормальная синтаксическая конструкция по каким-либо причинам подается в виде одного слова: *Карлови-Вари* вм. *Карловы Вары*, *Нови-Сад* вм. *Новый Сад*, *Мали-Рибник* вм. *Малый Рыбник* и т. д. Подобного рода десинтаксизация обычна для последних изданий карт славянских стран. Для литературного языка подобные формы названий неприемлемы, ср.: В *Банской Быстрице*, родная, где ветра как песня, Поклонись ты партизану — хлопцу из Полесья (М. Нагнибеда, *Свидание*. Перев. Б. Палийчука. В «Словаре географических названий» под ред. М. Б. Волостновой дано *Ба́нска-Бѣстри́ца*).

Ср. также *Велька-Битеш*, *Вельке-Карловице* (Чехословакия), где в первом случае в русской передаче прилагательное женского рода сочетается с формой мужского рода *Битеш*, а не *Битешь*, а во втором — чешское множественное число превратилось в форму среднего рода единственного числа. Ср. также *Велика-Плана*, *Горне-Поле* (Югославия), *Горна-Оряховица* (Болгария), *Кралув-Двур* (Чехословакия), где компоненты согласуются и в русском языке, но название в целом находится вне русского синтаксиса, а потому представляет собой нагромождение аморфных комплексов, не имеющих однозначного соотношения с определенной частью речи.

Если один и тот же объект называется то *море Баффина*, то *Баффиново море*, то *Баффинов залив*, это не только синтаксическое, но и лексическое варьирование.

Лексические варианты собственных имен отличаются от всех прочих тем, что они не предполагают корневой общности. Происхождение их может быть самым разнообразным, как различны и их типы. Это могут быть слова разных языков и диалектов (территориальных и профессиональных), связанные одним и тем же лексическим значением: русск. *Колодец*, укр. *Криница*, тюркск. *Кудук*. Иной тип лексических вариантов — сосуществующие (обычно в разных сферах) названия одного и того же субъекта или объекта, данные на основе его разных свойств. Особенно много таких вариантов у микротопонимов — названий, редко фиксируемых в официальных источниках, а если и зафиксированных, то не так, как это принято у окрестных жителей. Так, овощной магазин на углу Безбожного и Астраханского переулков в Москве по официальным ведомостям числился под номером, который мог меняться в связи с переходом управления магазином в ведение разных организаций. У населения же он именовался «в Астраханском» или, по-старинному, «у Козла» — по фамилии Козлов старого хозяина. Исчез этот микротопоним лишь с закрытием магазина. А. В. Никитин приводит многочисленные лексические варианты названий мелей и тоней в Калининской, Новгородской и Псковской областях: *Под караулку* и *Под изобку*, *У перекопа* и *У копани*, *Верхний берег*, *Верхняя горушка* и *Верхнее каменье*, *Тарасовская лука* и *К старым сёлам*, *Савины колья* и *Савинка* и т. д.²⁶

А. А. Реформатский приводит сосуществующие в разных сферах или в связи с различными ситуациями имена одного всемирно известного шахматиста. Его официальное имя *Хосе-Рауль Капабланка-и-Граупера*. В приятельском кругу у него было прозвище *Капа*. В различных контекстах, для избежания повторения, его называли по месту рождения *Кубинец*. По занимаемому положению он именовался *чемпион мира*, по положению среди шахматистов — *победитель Ласкера*, а с 1927 г. — *побежденный Алехиным*²⁷. А. А. Реформатский относит все эти обозначения к синонимам, рожденным контекстом.

Лексические варианты могут быть и ничем не связанными, находясь в отношении переименования или псевдонима: *Петрова* урожденная *Головина*; город *Тольятти*, ранее *Ставрополь на Волге*. Но в любом случае они должны относиться к одному и тому же субъекту или объекту, иначе они перестают быть сопряженными вариантами.

²⁶ А. В. Никитин. Названия рыболовных угодий Калининской, Новгородской и Псковской областей (опыт анализа топонимов-ориентиров). Автореф. канд. дисс. М., 1967.

²⁷ А. А. Реформатский. Введение в языковедение. М., 1967, стр. 94—95.

Следует остановиться на правомерности употребления термина синонимы по отношению к лексическим вариантам собственных имен. Хотя общепризнанной теории синонимии ни у нас, ни за рубежом нет, понятие синонимии фигурирует во многих работах, при этом одни понимают синонимию суженно, а другие — расширенно. Эти различные отношения к синонимии отразились и в дискуссии (1964), и в выпущенном на основе материалов дискуссии сборнике «Лексическая синонимия» (М., 1967).

Так, если считать синонимию — внутрисистемным и всегда синхронным явлением²⁸, перечисленные выше обозначения Капابلанки нельзя называть синонимами, потому что все они разнотипны и не все синхронны. П. С. Александров выделяет синонимы подлинные, выражающие одно и то же понятие и могущие заменять друг друга в каких-либо контекстах без ущерба для предметно-логического содержания высказывания, и синонимы кажущиеся²⁹. Но очень немногие слова выражают в точности одно и то же понятие, о чем свидетельствует и высказывание С. Г. Бережана: «Синонимия в плане семасиологическом — это... тождественность не слов, а значений и лексико-семантических вариантов... Существуют слова с абсолютно идентичным значением, но не слова с абсолютно идентичным употреблением³⁰. Однозначные слова могут не быть эквивалентными по значению, они могут иметь различную сочетаемость и обладать различными деривационными возможностями. В связи с этим эквивалентных по значению слов не бывает, хотя однозначные — есть»³¹.

Того же мнения придерживается Х. С. Сёренсен³², считая слова *dad*, *papa*, *father*, *predecessor*, соответствующие русским *тятя*, *папа*, *отец* и *предок* (по мужской линии в первом поколении) синонимами. Понятие *ребенок* не составляет часть понятия *тятя* или *папа*, но тот факт, что данный человек употребляет слово *папа*, дает ему определенную характеристику: это современный городской ребенок. Слово *тятя* употребил бы деревенский ребенок в дореволюционной России. Слово *предок* по отношению к собственным родителям употребляют некоторые городские юнцы наших дней.

Синонимия собственных имен коренным образом отличается от синонимии нарицательных, что связано с общими отличиями их друг от друга. Синонимия нарицательных основывается на соот-

²⁸ Л. М. Васильев. Проблема лексического значения и вопросы синонимии. «Лексическая синонимия». М., 1967, стр. 25.

²⁹ П. С. Александров. О понятии синонима. — Там же, стр. 41.

³⁰ С. Г. Бережан. К семасиологической интерпретации явления синонимии. — Там же, стр. 55—56.

³¹ А. С. Чикобава. Реальность синонимов и возможность синонимических словарей. — Там же, стр. 79—80.

³² H. S. Sørensen. Word-classes in modern English with special reference to proper names with an introductory theory of grammar, meaning and reference. Copenhagen, 1958, стр. 38—40.

несении разных слов с одним и тем же или с родственными понятиями (слова *ручей, ключ, колодец, криница*). Становясь топонимами, они закрепляются за разными объектами и топонимической синонимией не обладают, как и фамилии *Ручьев* и *Криницын*. Если считать синонимами в ономастике разные имена одного и того же субъекта или объекта, то синонимами будут названия *Белый Ключ, Покровское* и *Каиштановка* одного и того же села в Ульяновской области³³.

Таким образом, синонимия здесь лежит не в понятийном, а в номинативном плане. Отмечая ее особый характер, считаем целесообразным употребление термина синонимия применительно к собственным именам и продолжаем употребление термина лексическое варьирование.

Если одного человека зовут *Иван*, а другого тоже *Иван* — у них одно имя, они тезки. А если одного человека — и *Иван*, и *Ваня* — это два варианта одного и того же имени: полный (официальный) и сокращенный. Связь этих вариантов может быть прослежена исторически, но объективно для синхронного состояния языка она отсутствует, как неясно в настоящее время и то, почему *Джон* = *Иван*, а *Марина* и *Мария* — два разных имени. Это надо знать. Это совершенно непонятно иностранцам, потому что не очевидно, как не очевидно и нам, почему англ. *Боб* — это *Роберт*, а *Дик* — *Ричард*. Но это известно с детства каждому, говорящему на данном языке. Таким образом, тожество вариантов личных имен осуществляется благодаря тому, что каждый, выросший в данном языковом коллективе, знаком с бытующими вокруг него вариантами имен и за редким исключением (когда один «сокращенный» вариант «обслуживает» несколько официальных имен) безошибочно скажет, что и *Ванюха*, и *Ивантей*, и *Ивашка* — все это варианты имени *Иван*. Неточности, которые он при этом допускает, объективно оправданы:

Аля	{	Алевтина
		Альбина
		Альбин
		Александр
		Александра
		Альберт
Валя	{	Альбертина
		Валентин
		Валентина
		Валерий
		Валерия

³³ См. также: В. А. Н и к о н о в. Топонимика и диалектология. «Балканско езикознaвство», III. София, 1961.

Мы уже говорили как о супплетивных вариантах об именах *Александра* и *Саша*, *Аграфена* и *Груша*, *Анна* и *Нюха*. Они супплетивны для современного языка, потому что вся цепь промежуточных звеньев людьми, употребляющими эти имена сегодня, не прослеживается. Такими же супплетивными в настоящее время оказываются разноязычные названия одних и тех же географических объектов: нем. *Wien*, русск. *Вена*, укр. *Відень*; русск. *Швейцария*, фр. *Helvetie*; русск. *Албания*, алб. *Шкиперия*; русск. *Уэлс*, англ. *Wells*, фр. *Pais-de-Gaul*; русск. *Германия*, нем. *Deutschland*, шведск. *Tyskland*, англ. *Germany*, фр. *Allemagne*, финск. *Saksa*; русск. *Австрия*, нем. *Österreich*, чешск. *Rakouska*.

Лексическими вариантами оказываются разные названия населенных пунктов и относящихся к ним железнодорожных станций: город *Усть-Кут*, станция *Лена*, пристань *Осетровая*; город *Новосибирск*, станция *Обь* и т. д. Многочисленные лексические варианты получились в результате переименований (*Петербург* — *Петроград* [*Питер*] — *Ленинград*, *Кристинополь* — *Червоноград*, *Раненбург* — *Чаплыгин*, китайск. *Гонконг* — *Сянган*, в Болгарии *Газипаша* — *Пазарджик*) или в результате того, что за исходное при заимствовании было взято название другого языка (р. *Арпачай* — *Ахуран*, хр. *Азмагамский* — *Гегамский*).

Особый, неповторимый тип варьирования отмечен в так называемых офенских языках, некогда довольно широко распространенных в России и других странах среди торговцев-коробейников, ремесленников-отходников и близких к ним социальных групп. Это — разновидность тайных языков, основное назначение которых — скрыть от окружающих содержание разговора. Возникновение подобных языков в ряде европейских и азиатских стран относится к эпохе феодализма и связано с цеховой (профессиональной) замкнутостью³⁴. В какой город идти на заработки, где выгоднее продать товар — вопрос первостепенной важности для офени. Отсюда — развитие офенской топонимии, а также богатая местная географическая терминология в офенских языках, которых в XIX в. на славяноязычных территориях насчитывалось более ста. Так, у костромских, орловских, тульских, ивановских и других офеней г о р о д назывался *костр*, *кострыга*, *костёр*, *кбстром*, *кбстрам* — слово восходит к греч. *κῆστρον*(v) лат. *castrum*. Р е к а в ряде офенских языков называлась *дробня*, *дёлка*, *лёля*, *выкса*, *быстрёха*, *склаву́та*; в о д а — *дряба*, *линюга*, *вала́кша*, *вид*; с е л о — *турло*, *хбрó*, *курёсо*; д е р е в н я — *курёха*, *ка́йра*, *белехово* и т. д.

Отдельные топонимы у офеней выглядели следующим образом: *Москва* — *Бату́са*, *Бату́сья*, *Бóтуса*, *Бату́с*³⁵, ср. *ботай* — 'рус-

³⁴ В. М. Жирмунский. Национальный язык и социальные диалекты. Л., 1936, стр. 120.

³⁵ Интересно заметить, что в некоторых южных офенских диалектах словом *Батус* (*Ботус*) обозначался и Новороссийск.

ский'; Петербург — *Хлябий Костёр* — 'большой город'; Гáлич — *Галибон*, Браилов — *Шайлов*, оз. Гáличское — *Нербн*, Сибирь — *Обон* ³⁶. Специальная антропонимия, характерная для офеней, не зафиксирована. В Африке одни и те же объекты европейцы называют *Сен-Луи*, *Бендerville*, а местное население — *Ндар*, *Алобе* ³⁷.

При двуязычии возникают любопытные варианты: оз. *Шаглы-Тенгиз* и р. *Чаглинка* (Казахстан), ср. варианты нем. *Шверин* из слав. *Зверин*, *Липско* — *Лейпциг*, *Поммерн* из слав. *Померания* (Поморяне), нем. *Цикау* из слав. *Кáзел* (перевод) ³⁸.

Лексические варианты, употребляющиеся в разных языках, могут быть связанными между собой отношением перевода и калек. Ср. голл. *Nederlands*, фр. *Pais-Bas*, русск. *Нидерланды* с сохранением германского множественного числа, выраженного русским суффиксом, флам. *Pippelingstraat* и франц. *rue de la Reinette* — название одной и той же улицы в Брюсселе.

В Новгородской области одни и те же места называются двояко: финско-русские кальки, например, *Таммушка* и *Дубок* (*тамми* — карельск. дубок), *Лампушка* и *Мошок* (*лампи* финск. 'болото', 'мох'), финские уменьшительные формы дополнены славянским суффиксом *-ушка* ³⁹).

Я.-Б. Рудницкий отмечает, помимо официальных (искусственных) изменений названий, лексические различия литературных и диалектных форм названий: греч. офиц. η Κέρκυρα — диал. οί Κορφοί, τὰ Κόθυρα — диал. τὸ Τσιρίγιο ⁴⁰.

Особое лексическое варьирование дают местные географические термины, которые, будучи связанными с однотипными реалиями, имеют разное словесное обозначение в различных языках и диалектах. Иногда же значения местных географических терминов оказываются смещенными по отношению к общему употреблению. Так, для людей Запада *Мертвое море* — и *море*, и *озеро* (*Le grand Lac Salé*). Это приложение двух местных географических терминов к одному и тому же объекту не мешает французам раз-

³⁶ См. доклад В. Д. Бондалетова на I Всесоюзной конференции по топонимике СССР (Ленинград 23 января — 2 февраля 1965 г.).

³⁷ Л. С. Матвеева. Две работы по топонимике Западной Африки. «Топонимика Востока». М., 1962, стр. 103—104.

³⁸ См. также: В. Шпербер. Проблемы двуязычия в топонимии (на материале немецких и лужицких названий в Германской Демократической республике). «Материалы Московского филиала Географического об-ва СССР. Топонимика», вып. I. М., 1967, стр. 9—11; I. Lutterger. Česko-německé, jazykové styky v toponymii Poříčí. «Acta Universitatis Carolinae», 1966. Philologica 1—3. Slavia Pragensia VIII, стр. 211—217; «Materialien zum slawischen onomastischen Atlas». Berlin, 1964.

³⁹ А. В. Никитин. О «собственном» и «нарицательном» употреблении некоторых обозначений ландшафта. «Уч. зап. Новгородского пед. ин-та», 1962, т. 6, вып. 2, стр. 104.

⁴⁰ J. B. Rudnický. Указ. соч., стр. 23.

личать fleuve и rivière — разные типы рек, из которых первые впадают в море, а вторые — в водоемы других типов ⁴¹.

Когда название функционирует в двух или нескольких языках, при одной основе у него отмечаются термины разных языков, входящие в название, ср. *Кейп-Клиро* и *Клир-Айленд* (остров), то же с терминами *эльв* и *йоки* на смежных финско-шведских территориях: *Тана-Йоки* — *Тана-Эльв*, впадает в Тана-Фьорд (Север Скандинавии).

Передачу традиционных имен одного языка традиционными же литературными формами имен другого языка можно назвать лексическими заменами: так, нем. *Ханс*, переданное как русское *Иван* или укр. *Микола* — как русск. *Николай*, *Палажка* как *Пелагея* — это и не транскрипция и не заимствование, а просто сопоставимые друг с другом разноязычные варианты одних и тех же имен.

⁴¹ A. Martinet, *Éléments de linguistique générale*, Paris, 1960.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение попытаемся ответить на вопросы:

1. Чем отличается фонология и морфология собственных имен от фонологии и морфологии нарицательных?

2. Можно ли говорить о самостоятельной фонологии и морфологии собственных имен или следует говорить о единой фонологии и морфологии того или иного языка, отмечая в ней моменты, характерные лишь для имен собственных?

3. Можно ли считать, что собственные имена находятся вообще вне морфологии и фонологии, если наличие или отсутствие определенных фонем или морфем, или замена одних фонем и морфем другими не меняет сущности некоторых имен?

В структуре собственного имени значимы все элементы, не только фонемы, но и монемы, и графемы (буквы). Круг монем, представленных в собственных именах, несколько шире круга монем, встречающихся в нарицательных, и тем более шире круга имеющих в данном языке фонем. Собственное имя не так тесно, как нарицательное, связано с понятием, в связи с чем и фонемный состав его не так строг, и не одними лишь фонемами отличаются собственные имена друг от друга.

В собственных именах облик морфем не такой четкий, как в именах нарицательных. И корневые, и аффиксальные морфемы их могут выступать в виде нескольких алломорфов, причем этих алломорфов тем больше, чем лучше освоено имя. Различие и взаимосвязь алломорфов осуществляется не с помощью одних лишь фонем и морфем. Большое значение при этом имеет и общественная известность связанности двух или нескольких аллоформ (*Георгий*, *Егор*, *Юрий*), которые могут отличаться друг от друга не только одной-двумя фонемами, но и порядком их, наличием или отсутствием аффиксов и т. д. В таком случае имена *Юрий* и *Георгий* воспринимаются как синонимы, как *бегемот* и *гиппопотам* или *Петербург* и *Ленинград*, *аэроплан* и *самолет*. Разница в том, что случаи типа *бегемот* — *гиппопотам* основаны на связи слова с понятием, типа *Петербург* — *Ленинград* — на связи названия и объекта, а *Юрий* — *Георгий* — *Егор* лишь на общественном знании

взаимосвязанности этих имен безотносительно к лицам, именуемым ими. Здесь нет конкретного именуемого субъекта и нет понятия *Юрия* или *Егора*. Есть лишь очень обобщенное понятие, что это мужское имя. С ним и связана эта цепочка мало похожих друг на друга слов.

Морфологическое существует в собственном имени отдельно от фонематического и может быть выражено орфографически (*Лисицын* и *Лисицин*) и даже фонетически (*Сѣбѣя* — *Софѣя*). Варьирование корневых морфем не обязательно меняет сущность собственного имени (*Кермен*, *Керман*, *Хырмен*), как и варьирование аффиксальных морфем не обязательно свидетельствует о том, что это разные имена: *Правда* и *Правдинский* (под Москвой), *Егор* и *Егорий*. Морфологические модели собственных имен находятся в постоянном обновлении. Варьирование моделей не мешает их функционированию, благодаря значительно большей избыточности собственных имен по сравнению с апеллятивами.

Несмотря на все указанные отличия, ни о какой самостоятельной фонологии или морфологии собственных имен говорить не приходится. Существует единый фонологический и морфологический строй языка, основа которого формируется нарицательными именами, словами общеизвестными, репертуар которых для каждого говорящего более или менее обязателен и един. Собственные имена данного языка подчиняются, насколько это возможно, закономерностям, существующим в нем для имен нарицательных. Но, поскольку круг источников собственных имен любого языка неизмеримо шире круга источников его нарицательных имен, естественно, и круг языковых явлений, представленных в них, должен быть шире. Отсюда более широкий диапазон звучаний и менее строгие морфологические рамки собственных имен. ✓

Если бы собственные имена были вообще вне фонологии, они не воспринимались бы как слова. Именно обремененность входящих в них звучаний фонологическими значениями данного языка позволяет именам употребляться в нем на правах слов, а не звукоподражаний, и невозможность слов быть вне фонологии требует ассоциации иноязычных звучаний с фонемами данного языка. Любые произносительные варианты, отклоняющиеся от норм звучания данного языка, остаются лишь на положении индивидуальных (групповых) произносительных вариантов, потому что все они связаны с другой стороной коммуникации — с письменной фиксацией слов. А поскольку специальных букв для изображения особых оттенков произношения той или иной фонемы не существует, любое о, ё, ö, ü и т. д. будет в письменном языке связано с совершенно определенными о, е, у, и так будет произноситься основной массой говорящих и пишущих на данном языке.

Точно также любые, даже самые экзотические, имена не могут быть вне морфологии данного языка, в противном случае они не будут восприняты как слова и не смогут быть включены в предло-

жения. Большие морфологические варьирования, свойственные собственным именам, свидетельствуют об их «стремлении» войти в морфологическую систему языка, занять в ней более прочное место. Тот факт, что варьирования не мешают им функционировать, сохраняясь в определенных рамках, объясняется их спецификой: менее тесной (чем у нарицательных) связью с понятием, менее строгим фонемным составом.

Анализ большого материала показывает, что выводы, полученные на примерах отдельных общеизвестных традиционных имен, расходятся с данными, представляемыми малоизвестными, ничем не выдающимися рядовыми именами. В количественном же отношении вторые абсолютно преобладают. Точно так же диалектный материал расходится с данными литературного языка. Диалекты дают максимум варьирования имен, в литературном языке их форма более или менее стабильна.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Введение	3
Глава I.	Фонологическое и морфологическое в ономастике	9
Глава II.	Основы собственных имен	22
	Антропоосновы	23
	Личные имена	24
	Фамилии	36
	Псевдонимы	38
	Топоосновы	41
Глава III.	Модели собственных имен	51
	Модели антропонимов	57
	Личные имена	67
	Сложные имена	68
	Производные имена	71
	Апеллятивные имена	74
	Фамилии	76
	Модели топонимов	87
	Однословные топонимы	88
	Простые непроезводные топонимы	91
	Простые производные топонимы	93
	Топонимы — сложные слова	101
	Многословные топонимы	103
	Род и число собственных имен	108
	Артикли в составе собственных имен	118
	Сокращение имен и имена с суффиксами субъективной оценки	121
Глава IV.	Словообразование на базе собственных имен	143
	Производные существительные	144
	Производные прилагательные	150
	Правила образования прилагательных от географиче- ских названий	159
Глава V.	Варьирование собственных имен	171
	Орфографическое варьирование	173
	Фонетическое варьирование	176
	Фонологическое варьирование	179
	Морфологическое варьирование	189
	Синтаксическое варьирование	196
	Лексическое варьирование	198
	Заключение	204

Александра Васильевна Суперанская
СТРУКТУРА ИМЕНИ СОБСТВЕННОГО
(фонология и морфология)

Утверждено к печати
Институтом языкознания АН СССР

Редактор издательства *Л. М. Гасрилова*

Художник *Н. П. Фролов*

Технический редактор *Т. В. Алексеева*

Сдано в набор 18/XII 1968 г.

Подписано к печати 11/VII 1969 г.

Формат 60×90^{1/16}. Бумага № 2.

Физ. п. л. 13,0. Уч.-изд. л. 13,6.

Тираж 7200. Тип. зак. 1493.

Цена 82 коп.

Издательство «Наука»

Москва К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типсграфия издательства «Наука»

Москва Г-99, Шубинский пер., 10